

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВСЕРОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ЮСТИЦИИ
(РПА Минюста России)»

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ (ФИЛИАЛ)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
НАЦИОНАЛЬНОГО
И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

*Материалы V научно-теоретической конференции
студентов магистратуры*

Санкт-Петербург, 2 ноября 2022 г.

Санкт-Петербург
2022

УДК 34
ББК 67

Рецензенты:

Новиков А. Б., доктор юридических наук, доцент (СПбГЭУ)
Суслин Э. В., доктор юридических наук, профессор (СЮА)

Редакционная коллегия:

Д. В. Рыбин (председатель), Е. В. Трофимов (ответственный редактор), Е. О. Выдрина, А. М. Игитов, Т. Н. Морозова, Е. Ю. Плужникова, Е. А. Руднева, Н. П. Трофимова, И. И. Шефановская

А 43 Актуальные проблемы национального и международного права: материалы V научно-теоретической конференции студентов магистратуры (Санкт-Петербург, 2 нояб. 2022 г.). / ВГУЮ (РПА Минюста России), С.-Петерб. ин-т (фил.); редкол.: Д. В. Рыбин (пред.), Е. В. Трофимов (отв. ред.) [и др.]. — СПб.: Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2022. — 308 с.

В настоящем сборнике представлены научные статьи по актуальным вопросам международного публичного и международного частного права, уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии, административного права и процесса, гражданского права и процесса, подготовленные по материалам научных докладов на V научно-теоретической конференции студентов магистратуры, которая состоялась в Санкт-Петербурге 2 ноября 2022 г.

Издание предназначено для научно-педагогических работников, студентов, аспирантов и всех интересующихся вопросами государства и права.

ISBN 978-5-6049174-0-4

ISBN 978-5-6049174-0-4

© Авторы статей, 2022
© Составление, оформление
ВГУЮ (РПА Минюста России), 2022

Содержание

Международное публичное право и международное частное право в системе международной интеграции

<i>Бычкова В. В.</i> Роль органов ООН в защите прав человека при военных конфликтах.....	11
<i>Гайнулова Ю. М.</i> Проблемы идеи суверенитета в условиях глобализации общества	17
<i>Джавадов Д. И.</i> Международно-правовые аспекты защиты культурных ценностей в современных условиях.....	25
<i>Джаватханов М. Д.</i> Международно-правовое обеспечение региональной безопасности в современных условиях.....	32
<i>Земеров А. Н.</i> Роль двусторонних контактов стран-членов БРИКС в установлении перспектив эффективности	39
<i>Ларцын И. П.</i> Международные принципы и стандарты в российском избирательном праве: история и современность	48
<i>Макарова М. С.</i> Демократия как государственно-правовой идеал. История и современность.....	55
<i>Николаева А. Д.</i> Великая монгольская орда XIII в.: форма государства и общественный строй	61
<i>Серебряков С. В.</i> Проблемы закрепления принципов права в международном и внутригосударственном законодательстве.....	68
<i>Солодовников А. А.</i> Исторические аспекты формирования международно-правовых норм в сфере железнодорожного транспорта	74
<i>Сапожникова М. А., Хусаинова М. Р.</i> Анализ законодательства о робототехнике: на примере Российской Федерации и зарубежных стран	82
<i>Цуркан К. О.</i> Международно-правовой режим Арктики	89

Уголовное право. Криминология. Уголовно-исполнительное право

<i>Горбачук В. Т.</i> Акты прокурорского реагирования: проблемы и перспективы	99
<i>Дыбенко В. Б.</i> Некоторые вопросы, связанные с оценкой доказательств в уголовном судопроизводстве.....	106
<i>Кобылина Я. Э.</i> Обеспечение прав осужденных в уголовном судопроизводстве: проблемы теории и практики	113

Кондин И. И. Проблемы уголовно-правовой оценки экономических преступлений в условиях цифровизации экономики	120
Кушнарев А. С. О некоторых аспектах отказа государственного обвинителя от поддержания государственного обвинения... ..	125
Левинин Р. М. Проблемы конструирования объективной стороны состава преступления.....	131
Петров А. Ю. Мошенничество как состав преступления: проблемы квалификации и правоприменения	137
Шадерков А. А. Проблемы лишения права заниматься определенной деятельностью как наказания для несовершеннолетних	144

Административное право и процесс

Беляева Я. А. Проблемы реализации права граждан Российской Федерации на референдум	153
Иневаткина К. Д. Особенности административно-правового регулирования управления государственным имуществом на территории закрытого административно-территориального образования	160
Лемехов С. В. Роль государственной инспекции труда в предупреждении и профилактике административных правонарушений в Российской Федерации	169
Мазаев Р. С. Синхронный анализ стольпинского аграрного законодательства: системность аграрной реформы.....	175
Макарова-Землянская А. А. Проблема определения юридического статуса искусственного интеллекта в современном законодательстве	183
Мецкер Е. В. Проблема оценки эффективности административно-правовых норм	191
Мироненко А. С. Разграничение понятий пересечения и пропуска лиц через государственную границу Российской Федерации в рамках административно-правового режима государственной границы Российской Федерации.....	198
Мокиев А. С. Административно-правовой механизм защиты интеллектуальных прав правообладателя.....	205
Сошников А. В. Роль таможенных органов в системе органов валютного контроля.....	212
Тимаева Н. М. Неоднозначное понимание содержания административного судопроизводства.....	218

**Гражданское право и гражданское
судопроизводство**

Азизова О. Р. Электронные доказательства в гражданском процессе	225
Артюхов В. В. Об институте цифрового посредника	232
Васильев Н. А. Правовые преимущества и недостатки института судебного приказа	238
Григорьев И. В. Пределы использования специальных знаний в гражданском процессе	243
Дахададаева М. А. Некоторые особенности правового статуса должностных лиц местного самоуправления, уполномоченных на совершение нотариальных действий	250
Иванова П. А. Принципы и пределы осуществления гражданских прав: соотношение понятий	256
Исмаилов С. Ф. Характеристика и природа цифрового рубля как объекта гражданских прав	262
Кулагина А. В. Дискриминация работников в связи с положительным ВИЧ/СПИД статусом	269
Матевосян М. Г. Некоторые проблемы контроля за деятельностью нотариусов в Российской Федерации	275
Петухов С. В. История становления субсидиарной ответственности контролирующих лиц в Российской Федерации	282
Рябова В. Д. Административная ответственность в сфере обеспечения безопасности дорожного движения: современные тенденции и перспективы	289
Рязанова М. В. Актуальные проблемы включения цифровой валюты в конкурсную массу гражданина	295
Слипченко Н. П. Понятие и принципы исполнения договорных обязательств	303

Contents

International public law in the system of international integration

Bychkova V. V. The role of UN bodies in the protection of human rights in military conflicts	11
Gainulova I. M. Problems of the idea of sovereignty in a globalising society.....	17
Javadov J. I. International legal aspects of the protection of cultural property in modern conditions	25
Djavathanov M. D., Zemerov A. N. International legal support of regional security in modern conditions	32
Zemerov A. N. The role of Bilateral contracts of BRICS members in detection of perspectives of efficiency.....	39
Lartsin I. P. International principles and standards in Russian electoral law: history and modernity.....	48
Makarova M. S. Democracy as a state-legal ideal. History and modernity	55
Nikolaeva A. D. The great Mongol horde of the 13th century: the form of the state and the social system	61
Serebryakov S. V. Problems of consolidation of the principles of law in international and domestic legislation	68
Solodovnikov A. A. Historical aspects of the formation of international legal norms in the field of railway transport.....	74
Sapozhnikova M. A., Khusainova M. R. Analysis of legislation on robotics: on the example of the Russian Federation and foreign countries.....	82
Tsurkan K. O. International legal regime of the Arctic.....	89

Criminal law. Criminology. Criminal and executive law

Gorbachuk V. T. Acts of prosecutorial response: problems and prospects.....	99
Dybenko V. B. Some issues related to the assessment of evidence in criminal proceedings.....	106
Kobylina Y. E. Ensuring the rights of convicts in criminal proceedings: problems of theory and practice	113
Kondin I. I. Problems of criminal law assessment of economic crimes in the digitalization of the economy.....	120
Kushnarev A. S. On some aspects of the prosecutor's waiver of public prosecution.....	125

Levinin R. M. Problems of constructing the objective side of the corpus delicti.....	131
Petrov A. Y. Fraud as a crime: problems of qualification and law enforcement.....	137
Shaderkov A. A. Problems of Deprivation of the Right to Engage in Certain Activities as a Punishment for Minors	144

Administrative law and process

Belyaeva Y. A. Problems of realization of the right of citizens of the Russian Federation to a referendum	153
Inevatkina K. D. Features of administrative and legal regulation of state property management on the territory of a closed administrative-territorial entity.....	160
Lemekhov S. V. The role of the state inspection for the prevention and prevention of offenses in the Russian Federation	169
Mazaev R. S. Synchronous analysis of Stolypin agrarian legislation: system of agrarian reform	175
Makarova-Zemlyanskaya A. A. The problem of determining the legal status of artificial intelligence in modern legislation	183
Metsker E. V. The problem of assessing the effectiveness of administrative and legal norms.....	191
Mironenko A. S. Differentiation of the concepts of crossing and passing persons across the State border of the Russian Federation within the framework of the administrative-legal regime of the State border of the Russian Federation	198
Mokiev A. S. Administrative legal ways to protect the intellectual rights of the copyright holder.....	205
Soshnikov A. V. The role of customs agency in the system of currency control agency.....	212
Timaeva N. M. Ambiguous understanding of the content of administrative proceedings.....	218

Civil law and civil proceedings

Azizova O. R. Electronic evidence in civil procedure.....	225
Artyukhov V. V. About the Institute of Digital Intermediary.....	232
Vasilev N. A. Legal advantages and disadvantages of the institution of a court order	238
Grigoriev I. V. Limits of the use of special knowledge in civil proceedings	243

<i>Dakhadadaeva M. D.</i> Some features of the legal status of local government officials authorized to perform notarial actions	250
<i>Ivanova P. A.</i> Principles and limits of the exercise of civil rights: relation of concepts.....	256
<i>Ismailov S. F.</i> Characteristics and nature of digital ruble as an object of civil rights	262
<i>Kulagina A. V.</i> Discrimination of employees due to positive HIV/AIDS status.....	269
<i>Matevosyan M. G.</i> Some problems of control over the activity of the notaries in the Russian Federation.....	275
<i>Petukhov S. V.</i> The history of the formation of subsidiary liability of controlling persons in the Russian Federation	282
<i>Ryabova V. Dm.</i> Causal relationship as a condition of civil liability	289
<i>Ryazanova M. V.</i> Actual problems of including digital currency in the bankruptcy estate of a citizen.....	281
<i>Slipchenko N. P.</i> The concept and principles of fulfillment of contractual obligations.....	289

**МЕЖДУНАРОДНОЕ ПУБЛИЧНОЕ
ПРАВО И МЕЖДУНАРОДНОЕ
ЧАСТНОЕ ПРАВО В СИСТЕМЕ
МЕЖДУНАРОДНОЙ ИНТЕГРАЦИИ**

Научная статья

УДК 341.3

DOI: 10.47645/9785604917404_11

Роль органов ООН в защите прав человека при военных конфликтах

Вероника Владимировна Бычкова

Санкт-Петербургский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Санкт-Петербург, Россия, vera.bychkova.2015@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье автор исследует вопросы становления органов ООН, особое внимание автор уделяет ее месту и роли последней по обеспечению защиты прав человека в условиях военного конфликта. Целью данной статьи является оценка эффективности работы таких глобальных международных организаций, как ООН, с точки зрения ее участия в процессе нейтрализации военных конфликтов в современных условиях, а также их роль по защите прав человека. Автору видится, что исследуемая область многоаспектна, и требует к себе повышенного внимания, прежде всего, для предотвращения новых вооруженных конфликтов.

Ключевые слова: пути решения, вооруженные конфликты, права человека, ООН.

Для цитирования: Бычкова В. В. Роль органов ООН в защите прав человека при военных конфликтах // Актуальные проблемы национального и международного права: материалы V науч.-практ. конф. студентов магистратуры (Санкт-Петербург, 2 нояб. 2022 г.). СПб.: С.-Петерб. ин-т (фил.) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2022. С. 11–16. DOI: 10.47645/9785604917404_11.

Conference paper

The role of UN bodies in the protection of human rights in military conflicts

Veronika V. Bychkova

Saint Petersburg Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice, Saint Petersburg, Russia, vera.bychkova.2015@mail.ru

Abstract. In this article, the author explores the issues of the formation of UN bodies, the author pays special attention to their place and the role of the

latter in ensuring the protection of human rights in the conditions of military conflict. The purpose of this article is to assess the effectiveness of such global international organizations as the UN in terms of its participation in the process of neutralizing military conflicts in modern conditions, as well as their role in protecting human rights. The author draws attention to the fact that the area under study is multidimensional, and requires increased attention, first of all, to prevent new armed conflicts.

Keywords: Yugoslav wars, armed conflicts, human rights, UN.

For citation: Bychkova V. V. The role of UN bodies in the protection of human rights in military conflicts // Current issues of national and international law: proceedings of the 5th scientific and practical conference of master students (Saint Petersburg, November 2, 2022). Pp. 11–16. DOI: 10.47645/9785604917404_11.

В прошлом тысячелетии, учитывая последствия двух прошедших мировых войн, было сложно представить, что подобные события могут повториться. Человечество надеялось не только на деятельность ООН и других международных организаций, но и на усвоенные государствами уроки истории. К сожалению, вопреки данным обстоятельствам, XX и начало XXI века запомнились не только мировыми войнами, а также другими военными конфликтами, произошедшие после.

В связи с этим, актуальность данной темы исследования обусловлена тем, что рассматриваемая область исследования имеет множество аспектов, изучение которых необходимо не только для предотвращения повторения вооруженных конфликтов (к примеру, подобных Югославским войнам) в будущем, но и выявления места и роли существующих международных организаций в нейтрализации потенциальных вооруженных конфликтов, а также в обеспечении защиты прав людей. По статистическим данным Организации Объединенных наций (далее — ООН), на середину 2020 года в условиях вооруженных конфликтов проживало порядка 100 млн. человек. Видится, что такие цифры неприменимы для современного мира.

Таким ярким примером является ООН, которая была создана после окончания Второй мировой войны странами — участниками антигитлеровской коалиции. Первостепенной целью, которой являлось предотвращение возможных в мире войн. Так, с 2011 года членами-государствами ООН являются 193 страны — это почти все суверенные государства мира. Следует отметить немаловажный факт, что ООН претерпела серьезные изменения с момента своего создания в 1945 г., а именно — почти в четыре раза увеличилось число стран — членов, а также неизмеримо возросло влияние и сам масштаб решаемых Организацией проблем и поставленных задач [1, с. 55].

Ключевая роль ООН, как было отмечено выше, несет собой перво-степенную и важную задачу не допустить развязывание новых мировых и межгосударственных войн. В международном публичном праве известнейший документ, их закрепляющий — Всеобщая декларация прав человека ООН. О деятельности органов ООН зависит благополучие всех человеческих судеб, в особенности, находящихся в условиях вооруженных конфликтов.

Хотелось бы уделить особое внимание конфликтам, носящим, международный характер. Безусловно, в современном мире, государство осознали важность и необходимость урегулирования вооруженных конфликтов с точки зрения норм права. Вооруженные конфликты наносят весомый удар по всем сферам общественной жизни.

Нельзя оставить без внимания и тот факт, что во время вооруженных конфликтов, такие незащищенные слои населения как дети вовлечены в подобного рода события. Согласно докладу генерального секретаря по вопросу о детях в вооруженных конфликтах за 2021 год в отношении проживающих детей на территории, где происходили вооруженные конфликты, совершалось порядка 65 правонарушений в день. Причем, рассматриваемые конфликты, к сожалению, уносят значительное число жизней как малолетних, так и несовершеннолетних детей. Все вышеупомянутое свидетельствует о том, что ООН ни в коем случае нельзя бездействовать в данных вопросах. Так, А. А. Шайхутдинова, в своем научном труде отмечала важность и значимость поиска возможного пути решения в проблеме защиты прав детей в период ведения вооруженных конфликтов [2, с. 310].

Основными жертвами, как было отмечено Советом Безопасности ООН не раз, являются гражданские лица (мирное население), которые не имеют никакого отношения к такому рода конфликтам [3, с. 46].

Представляется целесообразным предложить превентивные меры для предотвращения возможных вооруженных конфликтов на международной арене. Так, в современных условиях одним из таких инструментов по борьбе с развязыванием исследуемых конфликтов является повышение роли и значимости соблюдения норм международного права. Без исключения, в том числе в процессе вооруженных конфликтов.

В различный период времени ООН сыграла одну из важных ролей в создании и обеспечении функционирования специальных уголовных трибуналов (Международный трибунал по бывшей Югославии, Международный трибунал по Руанде). Кроме того, ООН имела непосредственное отношение к созданию других международных судебных органов (Международный уголовный суд, Международный три-

бунал по морскому праву), которые на сегодняшний день независимы от ООН, но при этом, активно взаимодействуют с последней.

Так, одним из примеров вооруженных конфликтов являются события, произошедшие на территории бывшей Югославии, где отличительной чертой данного события являлся межнациональный характер.

Одной из ярких личностей тех событий это — Слободан Милошевич, президент бывшей Югославии. В отношении его личности было выдвинуто обвинение за совершение военного преступления, а именно: убийства, преследование по политическим, расовым и религиозным мотивам. Судебный процесс по данному делу начался 12 февраля 2002 года, но в связи со смертью в 2006 году Милошевича, дело было закрыто [4, с. 20]. Таким образом, создание международного трибунала по Югославии при участии ООН было одним из средств по восстановлению справедливости и объективному правосудию виновных в военных преступлениях против людей.

Предотвращение вооруженных конфликтов путем принятия соответствующих специальных мер — это залог безопасности, как международной, так и национальной.

О главенствующей и первостепенной роли международного права в проблеме разрешения вопросов вооруженных конфликтов и других угроз жизни и безопасности человечеству, отмечали в своей работе — А. Е. Дмитриев и В. Н. Ильченко [5, с. 65].

Немаловажно участие ООН и с точки зрения поддержания мира и безопасности посредством проведения специальных миротворческих миссий. В данном случае можно говорить о надлежщем финансировании, их рациональности и соответствия характера той или иной миссии в специфике происходящих событий, нарушающих мир, безопасность человечества. В свою очередь, от эффективности проведения соответствующих миссий зависит благополучие, благосостояние, и самое главное — мир и безопасность всего человечества.

Думается, ООН следует также поднять вопрос об ответственности за деяния, влекущие за собой нарушение норм, прежде всего международного права, а также международного гуманитарного права.

Видится, что из перечисленных выше мер (инструментов) по укреплению места и роли органов ООН в предотвращении вооруженных конфликтов является проведение специальных миссий, направленных на установление мира и безопасности на соответствующих территориях. Но, в тоже время успех (эффективность) проведения таких миссий неразрывно связано с должным финансированием такой деятельности.

Кроме того, говоря о роле ООН в области решения и предотвращения проблемы вооруженных конфликтов, 6 ноября объявлено

в 2001 году Международным днем предотвращения эксплуатации окружающей среды во время войны и вооруженных конфликтов. В связи с этим ООН проявляет к различным аспектам исследуемой проблемы большой интерес, обозначая важность последнее для всего мира.

Таким образом, подводя итоги всему вышеизложенному, ООН играет ключевую роль в защите прав человека в период ведения войны. Организация призвана в первую очередь предотвратить всевозможные поводы для развязывания вооруженных конфликтов, а также и разрешать разногласия между противоборствующими сторонами с помощью заключения отдельных договоров и соглашений между ними. Стоит отметить, если же конфликт неизбежен, то применяются нормы международного законодательства, разработанные ООН, в которых закреплены некие правила ведения войны и нормы, защищающие права человека. Если же данные нормы нарушаются, то уже ООН вправе применить свои миротворческие силы для прекращения войны и примирения сторон. И в конечном итоге провести независимое расследование всех военных преступлений в сотрудничестве с другими международными органами юстиции, вследствие чего на последней стадии следует справедливый судебный процесс и наказание виновных лиц. Следовательно, ООН участвует на различных стадиях конфликта, начиная от его предотвращения до его окончания. Необходимо упомянуть, что все государства мира должны усвоить печальные уроки, которые преподнесла нам история. Это необходимо для дальнейшего укрепления международных отношений между странами, а также развитие международного права. Без четкого уяснения таких уроков, просто бессмысленно размышлять о мире и безопасности всего человечества.

Список источников

1. *Карташкин В. А.* Организация Объединенных Наций и международная защита прав человека в XXI веке: монография / В. А. Карташкин. Москва: Норма: ИНФРА М. 2022. 176 с.
2. *Омирзакова Д. Д.* Вооруженные конфликты. Решение проблемы вооруженных конфликтов // Интернаука. 2022. № 16-4 (239). С. 20–21.
3. *Шайхутдинова А. А.* Проблема соблюдения прав детей в условиях вооруженных конфликтов // XLVIII итоговая студенческая научная конференция удмуртского государственного университета: Материалы всероссийской конференции, Ижевск, 14–18 апреля 2020 года. Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2020. С. 309–312.

4. *Бучинский В. В., Абрамова В. В.* Некоторые особенности обеспечения защиты прав человека в вооруженных конфликтах // Правовое видение развития России: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 50-летию присоединения Института права к Башкирскому государственному университету, Уфа, 15 апреля 2022 года. Уфа: Башкирский государственный университет, 2022. С. 44–47.

5. *Дмитриев А. Е., Ильченко В. Н.* Причины вооружённых конфликтов и их последствия (историко-правовой аспект) // Историко-педагогические чтения. 2020. № 24. С. 64–68.

References

1. *Kartashkin V. A.* The United Nations and international protection of human rights in the XXI century: monograph / V. A. Kartashkin. Moscow: Norma: INFRA M. 2022. 176 p. (In Russ.).

2. *Omirezakova D. D.* Armed conflicts. Solving the problem of armed conflicts // Internauka. 2022. No. 16-4(239). pp. 20–21. (In Russ.).

3. *Shaikhutdinova A. A.* The problem of observance of children's rights in conditions of armed conflict // XLVIII final student scientific conference of Udmurt State University: Materials of the All-Russian Conference, Izhevsk, April 14–18, 2020. Izhevsk: Publishing Center «Udmurt University», 2020. pp. 309–312. (In Russ.).

4. *Buchinsky V. V., Abramova V. V.* Some features of ensuring the protection of human rights in armed conflicts // Legal vision of Russia's development: Materials of the International scientific and practical conference dedicated to the 50th anniversary of the accession of the Institute of Law to Bashkir State University, Ufa, April 15, 2022. Ufa: Bashkir State University, 2022. pp. 44–47. (In Russ.).

5. *Dmitriev A. E., Ilchenko V. N.* Causes of armed conflicts and their consequences (historical and legal aspect) // Historical and pedagogical readings. 2020. No. 24. pp. 64–68. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 27.10.2022; одобрена после рецензирования 31.10.2022; принята к публикации 31.10.2022.

The paper was submitted 27.10.2022; approved after reviewing 31.10.2022; accepted for publication 31.10.2022.

Научная статья

УДК 341.34

DOI: 10.47645/9785604917404_17

Проблемы идеи суверенитета в условиях глобализации общества

Юлия Муслимовна Гайнулова

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»,
Санкт-Петербург, Россия, julia12111990@mail.ru

Аннотация. В рамках данной работы затрагивается одна из актуальнейших и остро стоящих проблем для международного права сегодня — судьба суверенитета. В условиях глобализации современного общества наблюдается усиление взаимосвязи, взаимовлияния и ассимиляции народов, цивилизаций, культур и государств и возникает риск образования наднациональных формаций с исчезновением национальных государств.

Ключевые слова: суверенитет, глобализация, наднациональные организации, национальная культура, юрисдикция.

Для цитирования: Гайнулова Ю. М. Проблемы идеи суверенитета в условиях глобализации общества // Актуальные проблемы национального и международного права: материалы V науч.-практ. конф. студентов магистратуры (Санкт-Петербург, 2 нояб. 2022 г.). СПб.: С.-Петерб. ин-т (фил.) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2022. С. 17–24. DOI: 10.47645/9785604917404_17.

Conference paper

Problems of the idea of sovereignty in a globalising society

Iuliia M. Gainulova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, julia12111990@mail.ru

Abstract. This article deals with one of the most pressing and acute problems for international law today — the fate of sovereignty. In today's globalising society there is an increasing interconnection, mutual influence and assimilation of peoples, civilisations, cultures and states, and there is a risk of the formation of supranational formations with the disappearance

of nation states. Is the disappearance of sovereignty as a phenomenon possible? The article examines the question through the history.

Keywords: sovereignty, globalisation, supranational organisations, national culture, jurisdiction.

For citation: Gainulova I. M. Problems of the idea of sovereignty in a globalising society // Current issues of national and international law: proceedings of the 5th scientific and practical conference of master students (Saint Petersburg, November 2, 2022). Pp. 17–24. DOI: 10.47645/9785604917404_17.

Наблюдается феномен «поствестфальского мира»: постепенная утрата государственного суверенитета, предполагающего невмешательство мирового сообщества во внутренние дела отдельных государств и неприкосновенность границ (эти принципы были закреплены в Вестфальском мире). Международные надгосударственные и наднациональные структуры имеют обширные возможности вмешательства во внутреннюю политику стран, что также определено действующей нормативно-правовой системой. Появился даже специальный термин «гуманитарная интервенция», «гуманитарная бомбардировка» (в частности, в случае с Сербией, Югославией). Международные организации, такие как НАТО, Евросоюз постепенно забирают суверенитет у национальных государств: он переходит на уровень наднациональных структур, это ослабляет национальные государства и ставит под вопрос идентичность их народов. Стоит ли ожидать, что исчезнут национальные государства?

Тесно вопросами глобализации занимался Уильрих Бек [1]. В отдельных аспектах влияние глобализации на суверенитет рассматривали Алексеев Н. Е., Демиденко О. В. [2], Малеев Ю. Н. [3], Боровский А. А., Лукьянова И. А [4] и другие исследователи. Но специфика данной темы требует постоянной актуализации, а также рассмотрения возникающих вопросов в динамике. В связи с чем, целесообразным представляется дать обзор истории претворения идеи суверенитета в жизнь в сопоставлении с современными тенденциями и на основании накопившегося исторического опыта, предложить авторский подход к проблеме.

В Новое время была очень важной идея достижения своего суверенитета. Э. Хобсбаум утверждал: «нация=государство=народ». В политическом плане реализация идеи, что каждый народ, каждая нация, безусловно, должна иметь свое суверенное государство, была, скорее, идеалистичной. Империи продолжали существовать, но желание стать национальными государствами в итоге вылилось в развитие собственной культуры: в XVIII–XIX веках происходит

расцвет национальных литературных языков, национального просвещения [5].

В XIX–XX веках крайне важную роль в политической жизни играет национальное самосознание. Происходит распад колониальной системы в Азии и Африке, распад СССР, а также Балканские войны. Все это показывает реальность манипулирования национальными элитами, возможности конструирования наций, а также влияние СМИ на процесс формирования национальной идентичности, и укрепляет представление о нации как о «воображаемом сообществе» (Б. Андерсон). Но нельзя отрицать разумность идеи примордиалиста Энтони Смита, что «невозможно создать нацию из ничего»: для ее создания должно быть центральное ядро протонации в виде этнической общности, уже созревшей до уровня народа. И тут благоприятные условия для националистической идеологии создает этничность, потом уже начинают работать конструктивистские технологии нациестроительства.

После Первой мировой войны ситуация в мире стабилизировалась и вопрос становления национальных государств казался закрытым. Но в 1990-е в мировом сообществе начались новые всплески национального вопроса: оживление национальных движений и обострение национальных конфликтов. Следующие причины выделяют знаменитые теоретики национализма Э. Хобсбаум и М. Хрох: во-первых, после краха коммунистических режимов (СССР, Югославия) ряд государств столкнулись с экономическими проблемами; во-вторых, поиски политической идентичности, происходящие после краха коммунистических режимов. Хобсбаум считает, что на фоне удачной национальной политики коммунистические режимы сдерживали национальные движения, однако после падения таких режимов национальные движения активизировались. Хрох не соглашается с такой аргументацией, причинами обострения национальных проблем считает только социально-политические и экономические проблемы, но не сам распад коммунистических государств. В-третьих, после Первой мировой войны создавались новые государства без учета национального принципа, в итоге национальный вопрос все равно всплыл на поверхность во временной перспективе под влиянием пропаганды демократии и прав меньшинств, и также на фоне социально-политических кризисов. Четвертым фактором стала приверженность идеям фундаментализма. В условиях глобализации происходит кризис ценностей. Ответом стало возвращение к традиционным и национальным ценностям, в частности в религиозной сфере и в семейной жизни.

М. Хрох и Э. Хобсбаум придерживались позиции, что национальные движения в 1990-х не приобретут масштабного развития, как это

было в прошлые пики такой активности, так как ранее, в мировых войнах, национальные движения были марионетками в руках великих держав, а сейчас такого нет. Но можно возразить авторам. На мировой арене всегда есть великие державы, а есть страны, имеющие меньший политический вес, которые должны часто (из политических, экономических и других соображений) проявлять лояльность. Сейчас эта ситуация осложнена наднациональными структурами, которые являются достаточно влиятельными и могут, по факту, вмешиваться в политику государств. Подтверждением тому является пример конфликта с Украиной. «Запоздалое» становление государственности, которое свойственно многим славянским странам, в итоге привело к кризису. Национальная элита выбрала путь ориентации на западные ценности (стремление вступить в ЕС стало следствием этого). Так как элита не учла интересов большей части этнических русских в составе государства, ситуация вылилась в серьезный этнополитический конфликт и разделением общества. И наднациональные структуры выступили опосредованными сторонами конфликта. Таких примеров, на самом деле, множество, к примеру: ситуация с Квебеком или Каталонией. Поэтому вопрос становления национальной культурной идентичности всегда остается открытым. В силу того, что в указанных примерах речь идет о становлении национальной культурной идентичности и национальных государств, то разговоры об исчезновении национальных государств выглядят несколько неписывающимся в общую картину.

В связи с проблемой исчезновения национальных государств необходимо сказать о Шотландии. В условиях глобализации на примере Шотландии, несмотря на ее желание остаться в составе ЕС, на самом деле, довольно хорошо прослеживается стремление национальных меньшинств к отстаиванию своего права на суверенитет на основании заявлений о национальной и культурной идентичности. Для Шотландии всегда была принципиальна локальная идентичность. На архетипическом уровне кельтское “чувство территории” ассоциировалось с родиной, поскольку «понятие “своя территория”, — как указывает Н. А. Протопопова, — имплицитно предполагает принадлежность к месту» [6, с. 89]. Родная земля насыщена для шотландцев сакральными символами, они привязаны к земле, ведут традиционный образ жизни, а также чтут и соблюдают ритуалы и хранят историческую память. Культ предков и героизация прошлого всегда связаны с определенной местностью: Стерлинг (битва под предводительством народного героя У. Уоллеса), долина Гленко (коварное убийство членов клана Макдональд), Эдинбургский замок (по легенде, там родила сына королева шотландцев Мария Стюарт) [6, с. 90].

Своеобразную мифологизацию значимых «государственных» символов можно рассматривать как стремление к суверенитету. В книге «Изобретение Шотландии: миф и история» английский историк Х. Тревор-Роупер развенчивает ряд мифов, которые хранятся в коллективном сознании шотландцев: следует обратить внимание, например, на историко-политический миф о «древней» конституции Шотландии как одной из первых разработок европейской политической доктрины, а также на литературный миф о «древней» поэзии Шотландии, стилизованной на основе ирландской поэзии Д. Макферсоном; миф о происхождении шотландского национального костюма, который на самом деле изобретен Ролинсоном в XVIII в. [7, p. 86].

В 1707 г., после поражения в очередной войне с англичанами, Шотландия вошла в состав Британской империи. С 1997 г. Шотландия была ограниченной автономией в составе Великобритании, получения собственной исполнительной власти и парламента она добилась позже, в 1999 году.

Вопрос об отделении Шотландии от Великобритании ставился не один раз. Движения в борьбе за независимость возникали постоянно: например, массовые движения возникали в 1970 гг. На тот момент в Северной Ирландии участились столкновения английских солдат и солдат Ирландской Республиканской Армии. Тогда Шотландия начала требовать независимость.

Положение же Шотландии в составе Великобритании отличалось от ирландского. Ирландия была покорена силой, а Шотландия присоединилась, и шотландская знать достаточно успешно влилась в британскую элиту. Шотландия является протестантской страной, а Ирландия — католической. Вопрос об отделении Ирландии понятен, можно поднять вопрос о целесообразности шотландского сепаратизма.

Экономика Шотландии выиграла в составе Великобритании за счет английских вливаний. Развивался технический прогресс в Шотландии, например, такие отрасли как машиностроение и судостроение. Шотландцы имеют представительство в Палате общин, и даже более того — они не раз становились премьерами Великобритании. Необходимо отметить, что шотландцы на сегодняшний день практически утратили свой язык: великие шотландские писатели писали на английском языке.

Шотландия может требовать независимости, но встает о выигрыше от нее. В случае отделения шотландцы получают суверенитет и право отстаивать собственную культурную самобытность. Сейчас, будучи в составе Великобритании, они могут развивать туризм, проводить грамотный брендинг собственных территорий, особенно учитывая то, что Лондон делегировал достаточно полномочий Шотландии как региону.

Таким образом, в повторяющемся желании Шотландии выйти из состава Великобритании, — хоть которое и может привести к проигрышу Шотландии в связи также с желанием экономической независимости от Великобритании, — проявляется стремление к суверенитету и декларация своей культуры.

К вызовам глобализации относятся: возрастание интенсивности мировых потоков (информации, людей, денег) и, как следствие, эти потоки уже не могут контролироваться национальными государствами; доминирование единой массовой культуры (голливудского кинематографа, предметов обихода и т. д.); создание крупных транснациональных корпораций, проникших практически во все уголки земного шара, «макдональдизация»; усиление миграции, появление так называемых «сетевых идентичностей», «неономадов». Последнее ставит под вопрос институт гражданства. А институт гражданства, являлся одним из принципов, на которых всегда основывалось национальное государство. Именно гражданин нес обязанности по отношению к нации, в частности, воинскую. Сегодня можно иметь двойное, тройное или даже множественное гражданство. И, благодаря интернету, дистанционно осуществлять уплату налогов, дистанционно работать. В связи с чем, встают и вопросы о юрисдикции.

Вышеозначенные вызовы приводят к тому, что национальные государства утрачивают суверенитет и он уходит к надгосударственным структурам. В то же время наблюдается некоторое противоречие — создаются наднациональные союзы, но национальные движения не прекращаются: борьба этничности за свои права и самобытность культуры, а также сохранение языков.

Так сохранятся ли национальные государства в эпоху глобализации? Они сохранятся, но будут и наднациональные организации (в области экономического сотрудничества и правового регулирования). В условиях цифровизации возросла роль наднациональных организаций, меж тем, в борьбе, например, с пандемией, когда проблема была действительно глобальной, государства хоть и обменивались информацией и заимствовали меры по борьбе с распространением инфекции, но по факту каждое государство боролось за себя (например, случай с Италией, которая была недовольна тем, что ЕС не отправило врачей во время пика пандемии). Усилятся и тенденции к самоопределению, а также к сохранению культур и суверенитета внутри национальных государств.

В качестве контраргумента, конечно, можно сказать, что мир объединится под властью транснациональных объединений, а национальные государства будут элементами этой системы (в духе субъектов одной глобальной федерации), но такая мысль представляется несколько

странной в силу хотя бы серьезных языковых и культурных отличий (как минимум относительно таких государств как Китай или Япония).

Национальные культуры, как это видно по указанным аргументам, будут развиваться, в частности, потому, что происходит становление национальных государств (в частности, славянских), которое еще не завершилось. Это также не позволяет нам говорить об исчезновении национальных государств.

Как указывали С. Е. Федоров и А. И. Филюшкин, есть несколько форм стремлений к собственному суверенитету: либеральная (культурный национализм), радикальная (политический национализм) или экстремистская (нацизм, фашизм). Все эти формы видны на примерах, указанных ранее в данной работе, и даже примеры экстремистской формы мы видим в появлении экстремистских партий и даже их успехах в государственной власти (пример — партия «Альтернатива для Германии»). Если есть действие, всегда находится и противодействие, и именно это мы и видим в стремящемся к собственному национальному (в том числе и государственному суверенитету) мире. Другой вопрос, что обязательным условием сохранения национальных культур и благополучия является грамотная национальная политика государства, проведение которой немыслимо вне суверенитета.

Список источников

1. Бек У. Что такое глобализация / Перевод с немецкого А. Григорьева и В. Седелника; ред. и послесловие А. Филиппова. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 304 с.
2. Алексеев Н. Е., Демиденко О. В. Глобализация и национальный суверенитет в аспекте формирования экономических потребностей населения // Гуманитарные науки: Гуманитарные исследования. 2016. № 1. С. 186–190.
3. Малеев Ю. Н. Суверенитет и международное право // Международное право в современном мире / Под ред. Ю. М. Колосова. М., 1991. С. 51–65.
4. Боровский А. А., Лукьянова И. А. Налоговый суверенитет государства в условиях глобализации экономики // Вестник Витебского технологического университета. 2019. № 1 (36). С. 176–186.
5. Кара-Мурза С. Г., Куропаткина О. В. Нацестроительство в современной России, М.: Алгоритм: Научный эксперт, 2014. 408 с.
6. Протопопова Н. А. Выстраивание национальной идентичности Шотландии в условиях экономической глобализации // Вестник Московского университета. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 3. С. 89–96.

7. *Trevor-Roper H.* The Invention of Scotland: Myth and History. New Haven, 2008. P. 46.

References

1. *Beck U.* What is globalisation / Translated from German by A. Grigoriev and V. Sedelnik; ed. Sedelnik; ed. and afterword by A. Filippov. Moscow: Progress-Tradition, 2001. 304 p. (In Russ.).

2. *Alekseev N. E., Demidenko O. V.* Globalization and national sovereignty in the aspect of the formation of economic needs of the population // Humanities: Humanitarian Studies. 2016. № 1. P. 186–190. (In Russ.).

3. *Maleev Y. N.* Sovereignty and International Law // International Law in the Modern World / Ed. by Y.M. Kolosov. M., 1991. P. 51–65. (In Russ.).

4. *Borovsky A. A., Lukyanova I. A.* Fiscal sovereignty of the state in conditions of economic globalization // Vestnik of Vitebsk Technological University. 2019. № 1 (36). P. 177. (In Russ.).

5. *Kara-Murza S. G., Kuropatkina O. V.* Nation-building in Modern Russia, Moscow: Algorithm: Scientific Expert, 2014. 408 p. (In Russ.).

6. *Protopopova N. A.* The construction of national identity Scotland in the conditions of economic globalization // Vestnik of Moscow University. Ser. 19: Linguistics and Intercultural Communication. 2012. № 3. P. 89–96. (In Russ.).

7. *Trevor-Roper H.* The Invention of Scotland: Myth and History. New Haven, 2008. P. 46.

Статья поступила в редакцию 23.10.2022; одобрена после рецензирования 24.10.2022; принята к публикации 24.10.2022.

The paper was submitted 23.10.2022; approved after reviewing 24.10.2022; accepted for publication 24.10.2022.

Научная статья

УДК 341

DOI: 10.47645/9785604917404_25

Международно-правовые аспекты защиты культурных ценностей в современных условиях

Джавад Игоревич Джавадов

Санкт-Петербургский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В данной статье рассмотрены международные правовые аспекты защиты культурных ценностей. Уделено особое внимание международному законодательству в данной сфере. Отражены современные условия возвращения культурных ценностей, а также выявлены пробелы и недостатки в нормативной правовой базе.

Ключевые слова: культурные ценности, культурное наследие, вооруженный конфликт, ЮНЕСКО, международное право.

Для цитирования: Джавадов Д. И. Международно-правовые аспекты защиты культурных ценностей в современных условиях // Актуальные проблемы национального и международного права: материалы V науч.-практ. конф. студентов магистратуры (Санкт-Петербург, 2 нояб. 2022 г.). СПб.: С.-Петерб. ин-т (фил.) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2022. С. 25–31. DOI: 10.47645/9785604917404_25.

Conference paper

International legal aspects of the protection of cultural property in modern conditions

Javad I. Javadov

Saint Petersburg Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice, Saint Petersburg, Russia

Abstract. In this article the authors consider the international legal aspects of the protection of cultural property. Particular attention is paid to international legislation in this area. The current conditions for the return of cultural property are reflected, as well as gaps and shortcomings in the regulatory legal framework.

Keywords: cultural properties, cultural heritage, armed conflict, UNESCO, international law.

For citation: Javadov J. I. International legal aspects of the protection of cultural property in modern conditions // Current issues of national and international law: proceedings of the 5th scientific and practical conference of master students (Saint Petersburg, November 2, 2022). Pp. 25–31. DOI: 10.47645/9785604917404_25.

Защита объектов, относящихся к культурным ценностям, в рамках международного законодательства до сих пор остается актуальной и востребованной проблемой. Многие страны мира довольно щепетильно подходят к вопросу правового регулирования и консолидации усилий в этой сфере. Надо сказать, что наиболее остро эта проблема выражается во время военных конфликтов международного и немеждународного характера, в ходе которых разрушается и разграбляется множество объектов культурного наследия.

В настоящее время отмечается тенденция значительного увеличения количества совершаемых преступлений, в роли фундаментальной основы которых предстают правовые нарушения, совершаемые в области оборота объектов культурного наследия, прежде всего, речь идет об их похищении и незаконном присвоении.

Помимо основополагающих Гаагских конвенций 1899 и 1907 гг., а также Вашингтонского пакта 1935 г., которые впервые упорядочили принципы защиты культурных ценностей в случае вооруженного конфликта, первым целенаправленным международным договором стала Гаагская конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 г., принятая вследствие событий Второй мировой войны. Последняя прямо закрепляет обязанность сторон, участвующих в вооруженном конфликте, не направлять военные действия против культурных ценностей.

Тем не менее, действующие международные нормативные правовые акты не разрешают всех возникающих проблем, связанных с перемещением культурных ценностей.

Опасность незаконного оборота объектов культурного наследия порождает ситуации, при которых они будут безвозвратно утеряны. К примеру, множество культурных ценностей Италии, да и в других странах, ежегодно незаконно присваиваются и вывозятся за границу. Во время фашистской Германии было разграблено огромное количество объектов культурного наследия, которые на сегодняшний день либо вовсе уничтожены, либо вернуть их на родину не представляется возможным.

Сами по себе культурные ценности представляют собой фундамент для самоопределения народов, а также являются носителями обычаев всех предыдущих поколений людей. Применяемые сегодня

международные подходы к определению правовых основ режима культурных ценностей, выступают в роли весомого фактора с точки зрения организации культуры, которая в свою очередь базируется на концепции общедоступности, а также на универсальном характере задачи в сфере обеспечения их защиты [5, р. 298].

Различные вариации определения понятийной категории «культурная ценность» представлены во множестве международных документальных актов, разработанных в целях определения содержательной сущности данного понятия «для удовлетворения собственных целей и интересов». В большинстве случаев оно выражено в виде детального описания, и в роли его фундаментальной основы предстает простой набор объектов, демонстрирующих ту или иную степень ценности для культуры.

На сегодняшний день во всем мире существует по средним оценкам специалистов как минимум сто миллионов разного рода объектов культурного наследия, являющихся при этом целью деятельности в области международно-правовой защиты. Тем не менее, многие из указанных ценностей в отсутствие законных оснований подвергаются вывозу за пределы государств-правообладателей.

Ввиду столь широкого многообразия нормативно-правовых актов возникает объективная необходимость в том, чтобы разработать общий понятийный подход, благодаря которому будет получена возможность использовать указанные нормативно-правовые акты максимально эффективно.

В конце сентября 2022 года в рамках созданной ЮНЕСКО и Мексики конференции под названием МОНДИАКУЛЬТ-2022 порядка 150 стран мира единогласно приняли Декларацию о культуре. В тексте однозначно утверждается, что культура является «глобальным общественным благом». Отметим, что делегации стран отнеслись к этому событию со всей серьезностью, многие из них были представлены на самом высоком уровне министрами культуры своих стран. Генеральный директор ЮНЕСКО Одрэ Азуле подчеркнула, что «культура — это основа каждого общества, посредством нее каждый гражданин может открыть в себе общую человечность и стать свободным и просвещенным. Однако она до сих пор не занимает того места, которое заслуживает как в государственной политике, так и при международном сотрудничестве».

По итогам конференции было предложено включить культуру в качестве самостоятельной конкретной цели в число общих целей ООН в сфере устойчивого развития на последующий период. Также в государственной политике стран должны учитываться свобода творчества, социальные и экономические права творческих работников,

права общин коренных народов сохранять и передавать свои традиционные знания, а также охрана и популяризация культурного и природного наследия.

Помимо этого, документ упорядочивает отношения в цифровом секторе, а именно в интересах культурного разнообразия в Интернете, интеллектуальной собственности артистов и равного доступа к контенту для всех.

Немаловажным является усиление борьбы с незаконным оборотом культурных ценностей на основе расширения международного сотрудничества. Например, обязательства по отношению к субъектам арт-рынка, чтобы не продавать объекты, происхождение которых не доказано. Сюда же можно отнести защиту археологических памятников, так как классифицировать их не представляется возможным, и в связи с этим остается риск незаконных раскопок и грабежей. В таком случае ЮНЕСКО оставляет за собой право предлагать государствам нормативные рамки для решения подобных вопросов.

Базируясь на данном тезисе, предполагается основать и осуществить к 2025 году проект виртуального музея похищенных культурных ценностей, который будет находиться в совместном ведении ЮНЕСКО и Интерпола. Одрэ Азуле также отметила, что данный проект привнесет не только учебно-просветительский вклад, который позволит гражданам знакомиться с историей этих объектов, но и исследовательский вклад для тех, кто сомневается в происхождении того или иного предмета культуры.

В рамках проведенной конференции ЮНЕСКО установила проводить каждые четыре года соответствующий Всемирный форум по политике в области культуры.

Несомненно, особым квалифицирующим признаком культурной ценности выступает высокое эстетическое и духовное нравственное значение. В то же время можно заключить, что ценность определяется как сформировавшаяся в условиях цивилизации и переживаемая индивидами форма их отношения к образцам культуры, имеющим общее для всех значение [6, p. 203–204].

Возвращение культурных ценностей предполагает ряд юридических вопросов. Одним из видов возвращения культурных ценностей является реституция. Однозначного определения этого процесса в научных кругах не выработано, и наряду с компенсацией и сатисфакцией реституцию можно определить в качестве одной из форм возмещения вреда, причиненного противоправным деянием в аспекте международного права [1, с. 237–239]. В свою очередь, реституция подразделяется на материальное восстановление и на сам возврат имущества.

К примеру, недавно министр культуры и наследия Польши Петр Глинский заявил, что во время Второй мировой войны порядка сотни тысяч произведений искусства могли быть вывезены из оккупированной Польши в СССР и потребовал вернуть их на историческую родину. Польша уже направила в Россию 20 запросов о возвращении десяти тысяч артефактов, однако Москва пока что не вынесла ни одного решения по этому поводу. Согласно отчету польского парламентского комитета, ущерб от потери культурных ценностей в результате нападения Германии составил более четырех миллиардов евро. В соответствии с этим глава МИД Польши Збигнев Рау подписал ноту в адрес Германии с требованием о возмещении ущерба вследствие Второй мировой войны. В документе также указывается, что власти Германии должны компенсировать не только материальный ущерб в целом, но также решить вопрос о разграбленных польских культурных ценностях и архивах.

Нематериальное культурное наследие, которое выражается в виде «особых знаний», представляет собой еще один связующий структурный компонент между интеллектуальной собственностью и культурными ценностями в связи с тем, что именно он формирует фундамент, на котором в дальнейшем реализуется процесс творческого развития. В основном указанную проблематику на сегодняшний день демонстрируют в США и Австралии.

Укажем, что в российской правовой науке по сравнению с иностранной доктриной отмечается отсутствие сугубо экономического подхода, который в дальнейшем применяется в целях установления отличительных признаков культурной ценности, так как в иностранной доктрине она рассматривается в роли наиболее эффективного средства, позволяющего получить материальную выгоду в процессе ее эксплуатации [4, с. 137]. В данном случае, мы считаем, что культурная ценность характеризуется единением в своей структуре материального и нематериального элемента, а также духовного начала.

Весомые пробелы и несоответствия наблюдаются в действующих Конвенциях и Рекомендациях ЮНЕСКО, в силу чего исключается возможность организовать продуктивное противодействие перемещению движимых объектов культурного наследия. В роли фундаментального аспекта предстает принятие мер для недопущения совершения правовых нарушений в отношении подводного культурного наследия. На сегодняшний день данные мероприятия реализуются путем вступления в действие положений Конвенции ЮНЕСКО «Об охране подводного культурного наследия».

Также представляется необходимым внести дополнительные изменения в Конвенцию ООН «Против транснациональной организованной преступности», так как в тексте указанного документа следует

отразить современный понятийный аппарат, разработка которого в свою очередь будет осуществляться на условиях принятия во внимание положений международного права и научной доктрины, в силу чего будет получена возможность исключить возникновение противоречий в толковании.

Наибольший эффект может достигаться тогда, когда в рамках предлагаемого дополнительного Протокола к Конвенции будут отражены условия обязательной криминализации такого рода деяний, при этом потребуются отразить положение, согласно которому каждая страна-участница Конвенции должна принять такого рода законодательные и иные меры, объективная потребность в которых может возникать для того, чтобы признать в качестве уголовно-наказуемых подобные деяния, если последние совершаются на условиях наличия умысла [2, с. 77].

В последнее время отмечается повышение озабоченности, которую проявляет мировое сообщество в отношении того, что сегодня хищения культурных ценностей совершаются в международных масштабах, более того, география незаконного вывоза таких ценностей демонстрирует тенденцию к своему расширению на Восток.

На сегодняшний день в рамках «Типового договора о предупреждении преступлений, которые связаны с посягательством на объекты культурного наследия народов в виде движимых ценностей» 1990 г. на мировые государства возлагается обязанность решения задач в области разработки нормативных актов, признанных для того, чтобы предотвратить возможность международного преступного сговора физических лиц учреждений, функционирующих и находящихся на их территории в отношении движимых культурных ценностей. Также они обязаны предоставлять необходимые данные о похищенных ценностях с целью включения в состав международной базы данных.

Как показывает практика, именно двусторонние соглашения между государствами позволяют достичь необходимой степени конкретизации процесса нормативного регулирования в анализируемой области, для того чтобы принять во внимание все специфические черты, которые прослеживаются в ходе сотрудничества.

Список источников

1. Алиева М. Н., Курбанова Э. А. К вопросу о защите культурных ценностей в международном праве // Закон и право. 2022. № 4. С. 237–239.

2. Глотова С. В. Универсальная юрисдикция за преступления международного терроризма: понятие, практика государств и пред-

ложения по совершенствованию уголовного кодекса РФ // Юридический журнал «Пробелы в российском законодательстве». М.: ООО Издательский дом «Юр-ВАК». № 5, 2016 г. С. 76–79.

3. Право международных организаций: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / Отв. ред. А. Х. Абашидзе. М.: Издательство Юрайт. Серия: Бакалавр и магистр. Академический курс. 2016. 505 с.

4. *Ducrey P.* Le traitement des prisonniers de guerre dans la Grèce antique, des origines a la conqete romaine, Éditions E. de Boccard, Paris, 1968. Pp. 295–300.

5. *Nahlik S.-E.* „Protection of Cultural Property“, в International Dimensions of Humanitarian Law, Paris/Geneva, Henry Dunant Institute/ UNESCO/Martinus Nijhoff Publishers, 1988. P. 203–204.

References

1. *Alieva M. N., Kurbanova E. A.* To the question of the protection of cultural values in international law // Law and Law. 2022. No. 4. P. 237–239. (In Russ.).

2. *Glotova S. V.* Universal jurisdiction for crimes of international terrorism: the concept, practice of states and proposals for improving the criminal code of the Russian Federation. Legal journal «Gaps in Russian legislation». М.: LLC Publishing house «Yur-VAK». No. 5, 2016, pp. 76–79. (In Russ.).

3. Law of international organizations: textbook and workshop for undergraduate and graduate students / Ed. Ed. ОН. Abashidze. М.: Yurayt Publishing House. Series: Bachelor and Master. Academic course. 2016. 505 p. (In Russ.).

4. *Ducrey P.* Le traitement des prisonniers de guerre dans la Grèce antique, des origines a la conqete romaine, ÉditionsE. de Boccard, Paris, 1968. Pp. 295–300.

5. *Nahlik S.-E.* „Protection of Cultural Property“, в International Dimensions of Humanitarian Law, Paris/Geneva, Henry Dunant Institute/ UNESCO/Martinus Nijhoff Publishers, 1988. P. 203–204.

Статья поступила в редакцию 27.10.2022; одобрена после рецензирования 31.10.2022; принята к публикации 31.10.2022.

The paper was submitted 27.10.2022; approved after reviewing 31.10.2022; accepted for publication 31.10.2022.

Научная статья

УДК 341

DOI: 10.47645/9785604917404_32

Международно-правовое обеспечение региональной безопасности в современных условиях

Магомед Джаватханович Джаватханов

Санкт-Петербургский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Санкт-Петербург, Россия, ks.konsalt812@gmail.com

Аннотация: в данной статье рассматриваются вопросы обеспечения региональной безопасности. Автором делается вывод о том, что региональная безопасность является основой национальной безопасности государства. В статье отмечается, что региональная безопасность имеет внутригосударственное проявление и внешнеполитическую составляющую. Автор указывает на то, что на современном этапе активно функционируют региональные системы обеспечения безопасности, которые по аналогии с ООН обеспечивают параметры безопасности не в глобальном масштабе, а на уровне своего региона. При этом региональное взаимодействие в сфере безопасности не подменяет собой деятельность ООН, а только дополняет ее.

Ключевые слова: региональная безопасность, международная безопасность, международное сотрудничество, угроза безопасности, интеграция.

Для цитирования: Джаватханов М. Д. Международно-правовое обеспечение региональной безопасности в современных условиях // Актуальные проблемы национального и международного права: материалы V науч.-практ. конф. студентов магистратуры (Санкт-Петербург, 2 нояб. 2022 г.). СПб.: С.-Петерб. ин-т (фил.) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2022. С. 32–38. DOI: 10.47645/9785604917404_32.

Conference paper

International legal support of regional security in modern conditions

Magomed D. Djavathanov

Saint Petersburg Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice, Saint Petersburg, Russia, ks.konsalt812@gmail.com

© Джаватханов М. Д., 2022.

Abstract. This article discusses the issues of ensuring regional security. The author concludes that regional security is the basis of the national security of the state. The article notes that regional security has a domestic manifestation and a foreign policy component. The author points out that at the present stage, regional security systems are actively functioning, which, by analogy with the UN, provide security parameters not on a global scale, but at the level of their region. At the same time, regional cooperation in the field of security does not replace the activities of the UN, but only complements it.

Keywords: regional security, international security, international cooperation, security threat, integration.

For citation: Djavathanov M. D. International legal support of regional security in modern conditions // Current issues of national and international law: proceedings of the 5th scientific and practical conference of master students (Saint Petersburg, November 2, 2022). Pp. 32–38. DOI: 10.47645/9785604917404_32.

Актуальность проблем международной безопасности на фоне специальной военной операции, проводимой Российской Федерацией на Украине возросла в несколько раз, так как реакция западных стран на указанное событие показала, что международное сообщество не всегда готово адекватно решать глобальные вопросы, в том числе и в сфере обеспечения региональной безопасности.

В 21 веке необходимо признать, что обеспечение глобальной безопасности в том числе и обеспечение безопасности региональным интеграционным объединениям возможно только при стремлении к этому всех членов международного сообщества.

Только осознание того факта, что безопасность должна быть неделимой и охватывать все сферы международного взаимодействия позволит обеспечить безопасное международное сотрудничество и интеграцию во всех сферах от военной до гуманитарной.

Полагаем возможным согласиться с экспертным мнением ряда ученых, которые полагают, что безопасность представляет собой определенную систему гарантий как суверенитета страны так возможности обеспечения иных ее национальных интересов и защиты от кризисов [1, с. 402].

При этом стоит сразу отметить, что на современном этапе обеспечить региональную безопасность только силовыми методами невозможно поскольку связи в различных областях на сегодняшний день имеют взаимоувязанный характер. Поэтому проблему безопасности необходимо рассматривать комплексно, обеспечивая и социально-экономическую и технологическую и продовольственную безопасность.

С помощью армии невозможно обеспечить доставку из другой точки земного шара необходимых для промышленности компонентов и занятость трудовых ресурсов в стране. Современные технологии настолько сложны, что производить все в рамках одного региона невозможно и экономически неоправданно.

Соответственно региональное объединение или отдельное государство может обеспечить свою безопасность только активным участием в международных отношениях в рамках которых признается право каждого государства на собственное развитие и определенную автономию в социально-культурной или экономической сфере.

Нередко понятие глобальной и региональной безопасности объявляют тождественными понятиями, что приводит к неверной трактовке сути данного явления. Региональная безопасность обеспечивается не сколько индивидуальными усилиями одного государства или группы стран, а прежде всего общими усилиями как общепризнанных международных организаций, так и региональных объединений, взаимодействующих с данными организациями.

Региональные аспекты безопасности как правило не получают должного внимания при проведении исследований по названной проблематике. Однако многие региональные организации предлагают широкие концепции безопасности, в том числе в сфере защиты экологических и политических прав человека [2, с. 92]. Сейчас региональный аспект безопасности можно рассматривать как с более глобальных позиций, так и на уровне функционирования отдельных государственных институтов.

Независимо от того с каких позиций мы изучаем различные аспекты региональной безопасности во главу угла всегда будет ставиться безопасность конкретного индивида [3, с. 15].

Международное право сегодня — это обширная система различных правовых источников разных объединений и организаций, которая формировалась более 60 лет.

Косвенным результатом эффективности международного права в разных направлениях можно считать показатели глобального миролюбия (GPI). Он состоит из 23 качественных и количественных показателей. Эти индикаторы сгруппированы по трем ключевым областям: продолжающийся конфликт, безопасность и милитаризация. Большинство из них относятся к области международного права (терроризм, отношения с соседними странами, вооружение, военные конфликты и другие). Результаты 2020 года показывают, что средний уровень глобального мира снизился на 0,07%. Связано это в основном с влиянием пандемии, которая обнаружила особенно в международных отношениях ряд проблем.

Международное право сегодня недостаточно эффективно, а отдельные страны и вовсе игнорируют международные акты, продолжая гнуть свою политику. В итоге каждый седьмой человек во всем мире считает преступность, насилие или терроризм наибольшим риском для своей безопасности в повседневной жизни. Помимо этого, существует ряд и других угроз, которые выделяются мировым сообществом [4, с. 11].

Исходя из того, что на современном этапе в основе международной безопасности лежит защита прав конкретного человека, в рамках нашего исследования для выделения основных проблем международной безопасности мы исходили из того, какие именно проблемы являются для решения на международном уровне приоритетными для человека. С этой целью нами был проанализирован ряд различных опросов, в рамках которых обсуждались вопросы международной безопасности и угроз ей, которые наиболее актуальны для людей.

В целом все опросы и исследования сходятся на том, что основными глобальными угрозами, которые требуют адекватного международного правового решения являются: терроризм, экологическая безопасность, проблема коррупции на высшем уровне и ряд иных.

Другой проблемой является отсутствие желания участников реально решать совместно вопросы и идти на открытый диалог. Отсутствие данного диалога по сути подтверждается данными Индекса уровня глобализации стран мира (KOF Globalization Index), позволяющий оценить масштаб интеграции той или иной страны в мировое пространство. Большинство стран даже ещё не вступили в общемировую глобализацию, что в целом снижает их активность и желание участвовать в решении глобальных вопросов. Это в свою очередь способствует тому, что отдельные государства влияют на данный момент на систему обеспечения региональной безопасности в рамках достижения согласия международного сообщества по наиболее важным вопросам.

Практически по всем глобальным вопросам на сегодняшний день приняты международно-правовые акты определяющие процедуры реагирования и противодействия угрозам в каждой отдельно вышеназванной сфере.

По каждому из указанных выше направлений существует годами нарабатанная база различных международных правовых источников и соглашений. В рамках отдельных угроз на данный момент прослеживается так называемый секторальный подход, который отражает необходимость для международного сообщества прагматично рассматривать возникающие угрозы и стремится нейтрализовать их в рамках имеющихся норм международного права, а при необходимости при-

нимать меры по разработке глобального документа определяющего процедуры реагирования на новые вызовы.

Однако здесь стоит отметить, что и в рамках секторального подхода нет единых документов в этих отдельных секторах. Большинство специалистов уже давно высказываются в пользу кодификации международных норм.

Но данная задача на сегодняшний день достаточно труднореализуема, так как во многих вопросах государства не могут согласовать даже единую терминологию (например, понятие «терроризма»).

На наш взгляд отсутствие открытого диалога между странами является основной проблемой, которая в итоге не позволяет решить другие выявленные в ходе исследования основные проблемы в рамках международного права.

Также особенно важным в рамках противодействия угрозам становится вопрос неактуальности правовых международных норм, а их осуществления на уровне национального законодательства. При этом нормы национального права должны конкретизировать и дополнять международные обязательства государства обеспечивая его успешную интеграцию в глобальные процессы. Однако в силу того, что международная база слишком обширна и соответствующее национальное законодательство с целью не нарушения международных норм достаточно тяжело трансформируется, так как анализ всей базы международных актов при любом текущем изменении требует значительного по времени анализа. Помимо этого, также существует проблема реального выполнения государствами предписанных норм.

В рамках обеспечения международной безопасности нужны общепризнанная и закреплённая международными соглашениями стратегия, направленная на создание условий для диалога между странами. Проводником в данном случае должна стать естественно ООН в силу своих имеющихся функций и возможностей поскольку региональные системы безопасности составляют часть всемирной универсальной системы безопасности [5, с. 176].

Особую роль в решении данных вопросов должна играть контрольная функция и привлечение ответственности, которые на данный момент как практически эффективный инструмент практически отсутствуют.

В современных условиях усложнения международно-экономических связей и санкционного давления со стороны ряда государств на Российскую Федерацию необходимо создавать глобальные работающие механизмы по предотвращению и оперативному разрешению конфликтных ситуаций.

Создание глобального реально функционирующего юридическо-го механизма обеспечения региональной безопасности на надгосударственном уровне будет способствовать укреплению международного доверия между странами и снижению международной напряженности.

Список источников

1. *Куклина Е. А., Старикова О. В.* Устойчивое развитие регионов России и региональная безопасность в контексте new normal // Вестник Уральского федерального университета. Серия: Экономика и управление. 2016. Т. 15. № 3. С. 401–419.

2. *Халанский И. В.* О некоторых аспектах региональной системы международной безопасности в современном мире // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2015. Т. 15. № 3. С. 92–96.

3. *Мингазов Л. Х.* Проблема обеспечения безопасности личности в международном праве // Международные отношения и общество. 2019. Т. 1. № 3. С. 14–25.

4. *Довгань Е. Ф.* Обеспечение контроля Совета Безопасности ООН за деятельностью региональных организаций в области поддержания международного мира и безопасности // Влияние вооруженных конфликтов на международное право: сборник научных статей. Международный университет «МИТСО». 2018. С. 5–26.

5. *Савченко М. С.* К вопросу о роли региональных систем безопасности в международной системе // World science: problems and innovations. 2021. С. 175–177.

References

1. *Kuklina E. A., Starikova O. V.* Sustainable development of Russian regions and regional security in the context of the new normal // Bulletin of the Ural Federal University. Series: Economics and Management. 2016. V. 15. № 3. P. 401–419. (In Russ.).

2. *Khalansky I. V.* On some aspects of the regional system of international security in the modern world // Bulletin of the Kyrgyz-Russian Slavic University. 2015. V. 15. № 3. P. 92–96. (In Russ.).

3. *Mingazov L. Kh.* The problem of ensuring the security of the individual in international law // International relations and society. 2019. V. 1. № 3. P. 14–25. (In Russ.).

4. *Dovgan E. F.* Ensuring the control of the UN Security Council over the activities of regional organizations in the field of maintaining international

peace and security // The impact of armed conflicts on international law: a collection of scientific articles. International University «MITSO». 2018. P. 5–26. (In Russ.).

5. *Savchenko M. S.* On the role of regional security systems in the international system // World science: problems and innovations. 2021. P. 175–177. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 27.10.2022; одобрена после рецензирования 31.10.2022; принята к публикации 31.10.2022.

The paper was submitted 27.10.2022; approved after reviewing 31.10.2022; accepted for publication 31.10.2022.

Научная статья

УДК 341.17

DOI: 10.47645/9785604917404_39

Роль двусторонних контактов стран-членов БРИКС в установлении перспектив эффективности

Александр Николаевич Земеров

Санкт-Петербургский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Санкт-Петербург, Россия, zemerchik96@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассмотрена роль двусторонних связей России со странами-членами БРИКС в настоящее время. Определены перспективы двухсторонних контактов для повышения эффективности деятельности БРИКС. Определена роль позитивного эффекта от укрепления валютной базы БРИКС для развития национальных экономик и укрепления экономического сотрудничества стран БРИКС. Названы риски в реализации интеграционных планов в сфере финансово-экономического взаимодействия стран БРИКС, преодоление которых является ключевым фактором успеха дальнейшего развития международной организации.

Ключевые слова: международные организации, институционализация, двухсторонние связи, сотрудничество, БРИКС.

Для цитирования: Земеров А. Н. Роль двусторонних контактов стран-членов БРИКС в установлении перспектив эффективности // Актуальные проблемы национального и международного права: материалы V науч.-практ. конф. студентов магистратуры (Санкт-Петербург, 2 нояб. 2022 г.). СПб.: С.-Петербур. ин-т (фил.) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2022. С. 39–47. DOI: 10.47645/9785604917404_39.

Conference paper

The role of Bilateral contracts of BRICS members in detection of perspectives of efficiency

Aleksandr N. Zemerov

Saint Petersburg Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice, Saint Petersburg, Russia, zemerchik96@mail.ru

Abstract. This article examines the role of Russia's bilateral relations with the BRICS member countries at the present time. Prospects for bilateral

contacts to improve the efficiency of BRICS activities have been identified. The role of the positive effect of strengthening the BRICS currency base for the development of national economies and strengthening economic cooperation of the BRICS countries is determined. The risks in the implementation of integration plans in the field of financial and economic cooperation of the BRICS countries are identified, overcoming which is a key factor in the success of the further development of the international organization.

Keywords: international organizations, institutionalization, bilateral relations, cooperation, BRICS.

For citation: Zemerov A. N. // Current issues of national and international law: proceedings of the 5th scientific and practical conference of master students (Saint Petersburg, November 2, 2022). Pp. 39–47. DOI: 10.47645/9785604917404_39.

В условиях отсутствия постоянно действующих исполнительных органов международные организации не могут исключить элемент влияния двусторонних межгосударственных отношений стран-членов на эффективность своей деятельности. В особенности это касается БРИКС, чей потенциал институционализации как международной организации все еще очень высок, но пока не реализован.

В ряду партнеров России на международной арене Бразилия традиционно занимает особое место. Еще 26 декабря 1991 г. Бразилия признала Россию как государства-преемника СССР. И уже с июня 2000 года был подписан базовый договор России и Бразилии о партнерских отношениях [1, с. 89].

На сегодняшний день сотрудничество между Бразилией и Россией особенно активно развивается в военно-технической сфере. Так, Россия завоевывает позиции поставщика современных вооружений для Бразилии, осуществляя поставки вертолетов К-62, зенитных комплексов «Панцирь-С1» и переносных зенитно-ракетных комплексов «Игла». У двух стран есть возможность совместной разработки, производства и эксплуатации ракетносителей и спутников, а также запуска спутников российскими ракетносителями с помощью космодрома Алкантара, расположенном наиболее удачно (для более простого и дешевого использования) из всех действующих мировых космодромов.

Бразилия — один из наиболее стратегически важных торговых партнеров России в Южной Америке. Для российского рынка эта страна является крупнейшим поставщиком сельскохозяйственной продовольственной продукции. А по объемам импорта мороженой говядины и тростникового сахара Бразилия уверенно занимает лидирующие позиции на отечественном рынке [2, с. 2].

Перспективным видится крупным российским игрокам нефтегазовой и электроэнергетической отраслей включение бразильского рынка в орбиту своих интересов. В установлении связей между двумя странами в рамках бизнес-сообщества важную роль играет Межправительственная Российско-Бразильская комиссия по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству. Не в последнюю очередь сближению между нашими странами способствуют общность некоторых ключевых страновых политико-географических характеристик (федеративное устройство, сырьевое богатство, большая территория, традиционное доминирование сельскохозяйственного уклада) и традиция бережного отношения к дружественным культурным связям двух стран [3, с. 151].

Активное развитие экономического, социального и политического потенциала Индии в последние десятилетия выводит ее в отдельных отраслях мировой экономики на лидирующие позиции. Так, на протяжении последнего десятилетия индийские специалисты в сфере информационных технологий занимают ведущие позиции на рынке труда США и ведущих европейских стран, а развитая в Индии сеть технопарков способствует переориентированию экономики страны на экспорт высокотехнологичной продукции [4, с. 47].

Так же, как и Бразилия, Индия является крупнейшим импортером российского вооружения [5, с. 89].

Традиционной с момента образования Китайской Народной Республики в 1949 году является политика взаимной поддержки нашей страны и Китая. Усилия наших стран по выстраиванию стратегического партнерства во всех сферах, глубокое понимание позиций друг друга в Совете безопасности ООН и единство мнений в отношении необходимости ограничения рисков однополярного мироустройства обусловили неизбежность возникновения сильного стратегического союза Китая и России [6, с. 47].

Сближение внешнеполитических позиций России и Китая по вопросам Сирийской и Ливийского кризисов, ближневосточной повестке в целом, ситуацией в Украине, как и по целому ряду острых вопросов международной политики является постоянно действующим фактором, без учета которого невозможна внешнеполитическая активность ни международных блоков и межгосударственных объединений, ни отдельных акторов международной политики [7, с. 302].

Родство внешнеполитических позиций Россия и Китая пока, однако, не играет роли в сближении подходов к организации внутривнутриполитических векторов развития каждой из стран. Давняя традиция партнерского взаимодействия позволяет создать предпосылки для более глубокого взаимного проникновения экономик двух стран. Но несо-

ответствие отечественного подхода к организации участия иностранных инвесторов в хозяйственной жизни страны, в рамках которого интересы капитала ставятся выше интересов социально-экономического развития, китайскому подходу, основанному на началах традиционализма и патернализма, создает препятствия для интеграционных усилий двух стран в сфере экономики [8, с. 62].

Россия и ЮАР не так давно начали приобретать опыт координации позиций на внешнеполитической арене. Конструктивное взаимодействие двух стран после 2011 года в рамках обновленного международного объединения БРИКС должно полностью отвечать интересам наших стран и открывать новые перспективы для развития их экономик.

Товарооборот России и ЮАР демонстрирует тенденцию к росту. В 2021 году товарооборот России с ЮАР составил 1 138 522 578 долл. США, увеличившись на 15,97% (156 756 229 долл. США) по сравнению с 2020 годом. Экспорт России в ЮАР в 2021 году составил 342 222 010 долл. США, увеличившись на 18,67% (53 837 144 долл. США) по сравнению с 2020 годом. Импорт России из ЮАР в 2021 году составил 796 300 568 долл. США, увеличившись на 14,84% (102 919 085 долл. США) по сравнению с 2020 годом.

Несмотря на скромные показатели объемов внешней торговли двух стран, Россия и ЮАР разрабатывают долгосрочные программы взаимодействия в различных сферах. Одним из перспективных направлений такого двустороннего сотрудничества может стать совместное производство военной техники для расширения поставок российского оружия в ЮАР.

Наличие двусторонних связей между странами-участницами БРИКС и Россией, как это показано выше, является фундаментом, необходимым условием для укрепления роли БРИКС на мировой арене. Такой фундамент способствует созданию предпосылок для формирования новой внешнеполитической повестки, в которой существенная роль будет принадлежать наиболее активно развивающемуся направлению сотрудничества стран в рамках диалоговой платформы. На сегодняшний день таким направлением является финансово-экономическое направление сотрудничества стран-членов БРИКС.

Согласованная позиция стран БРИКС в отношении перспектив развития экономического взаимодействия ведет к формированию новых подходов к разделению труда на мировом рынке, перераспределению рынков сбыта и, самое главное, переформатированию мирового валютного рынка.

Кроме наличия двусторонних связей, другим фактором, обуславливающим возможность претворения в жизнь интеграционных пла-

нов в финансово-экономической сфере для стран БРИКС является сходство динамик развития экономических систем этих стран и сходство имеющихся у них экономические проблем.

Так, прежде всего, необходимо отметить, что страны-члены БРИКС характеризуются близкими значениями «индекса развития человеческого потенциала».

При всей относительности и неточности такого понятия, как «индекс человеческого развития», ценность этого показателя заключается в его интегральном характере. Таким образом, сходство значений такого показателя у стран БРИКС говорит о возможном нахождение многих других, характеризующих уровень социально-экономического развития этих государств показателей на сходных уровнях [9, с. 3].

Кроме того, несмотря на существенные институциональные различия в устройстве и порядке функционирования национальных валютных систем стран-членов БРИКС, существуют и некоторые общие тенденции развития национальных валют.

В этой связи необходимо отметить, что консолидация позиций монетарных властей стран-членов БРИКС возможна только на основе признания необходимости и возможности консолидации их валютных систем на основе обеспеченного золотовалютными резервами китайского юаня. Такое понимание сопровождало самые первые заявления стран БРИКС о переходе на расчеты в национальных валютах задолго до признания роли Народного банка Китая в установлении ежедневной цены на золото и до признания юаня резервной мировой валютой [10, с. 20].

Два ключевых события последних лет в финансовом мире определили тренд развития интеграционных усилий стран БРИКС и будут определять его еще некоторое время до тех пор, пока степень институционализации объединения не достигнет внятного уровня, либо пока сама идея объединения не девальвируется в виду обостряющейся международной обстановки и фактической утраты такой идеей актуальности на фоне мирового кризиса.

Первое событие произошло 22 июня 2015 года. В этот день Лондонская Ассоциация рынка драгоценных металлов (LBMA) объявила о том, что Банк Китая одобрен ICE Benchmark Administration (IBA) для участия в процессе установления ежедневной биржевой цены на золото, проводимого под эгидой IBA (Официальный сайт LBMA Media Centre Режим доступа URL: http://www.lbma.org.uk/_blog/lbma_media_centre/post/lbma-gold-price-bank-of-china-to-join-as-new-participant/).

Вторым поворотным в истории мировых финансов XXI века событием стало придание китайскому юаню статуса мировой резерв-

ной валюты в день 65-летия образования КНР — 1 октября 2016 года (Китайский юань стал резервной валютой МВФ Режим доступа URL: <https://www.forbes.ru/news/329661-kitaiskii-yuan-stal-rezervnoi-valyutoi-mvf>). Так была создана новая интеграционная платформа для формирования предпосылок нового валютного порядка, в котором роль основной мировой резервной валюты со временем и по крайней мере для азиатских рынков, а возможно, и для стран БРИКС начнет выполнять вместо уступающего позиции доллара крепнущий на фоне бурно растущей экономики Китая юань [11, с. 115].

Очевидно, что в процессе интернационализации валют стран БРИКС, существует направляющая сила, способная создать предпосылки для повышения эффективности интеграционных усилий экономик стран-участниц диалоговой платформы.

Еще одним перспективным направлением развития сотрудничества в рамках БРИКС является совершенствование организационно-правового обеспечения деятельности диалоговой платформы, основанное на унификации правовых позиций различных отраслей национального права стран-членов. Так, заключение договоров о правовой помощи может и должно сопровождаться сближением правовых позиций, как в отраслях частного права, так и в публично-правовой сфере.

Сходные правовые институты, предназначенные для регулирования частного оборота, большей части гражданско-правовых сделок, правовые конструкции, определяющие условия экономической активности, могут быть использованы для создания комфортной среды для бизнеса одной страны-участницы БРИКС при ведении дел в другой стране-участнице БРИКС (Национальные особенности и перспективы унификации частного права стран БРИКС: учебник: в 2 т.).

Таким образом, в установлении перспектив эффективности БРИКС сегодня как никогда велика роль двусторонних контактов России и других стран-членов БРИКС. Укрепление валютной базы БРИКС для развития национальных экономик и укрепления экономического сотрудничества стран БРИКС становится важным вопросом, который требует своего решения в ближайшее время.

Однако в реализации интеграционных планов в сфере финансово-экономического взаимодействия стран БРИКС существуют риски.

Первый риск в становлении нового валютного порядка заключается в затягивании процесса перехода на расчеты в юанях или в новой расчетной валюте стран БРИКС, которая может быть создана в будущем.

Вторым риском развития финансово-экономических перспектив БРИКС является риск регионализации международной торговли. Так,

замена полноценного международного экономического сотрудничества между всеми странами-членами БРИКС на региональные локальные двусторонние взаимодействия может стать угрозой развитию союза.

Третий риск является внесистемным и внешним по отношению к экономикам стран БРИКС и указывает на возможность срыва планов экономической интеграции из-за внешнеполитической напряженности.

Преодоление данных рисков является ключевым фактором успеха дальнейшего развития международной организации.

Список источников

1. *Барышев И. С.* Развитие договорных отношений России и Бразилии в период 1992–2011 гг. // Вопросы российского и международного права. 2011. № 3. С. 88–103.
2. *Панков Э.* Бразилия: состояние и перспективы развития военно-технического сотрудничества со странами высоких технологий // Мировое и национальное хозяйство. 2015. № 3 (34). С. 2–4.
3. *Папцов А. Г., Медведева Н. А.* Возможности развития торгово-экономического сотрудничества стран БРИКС // Экономика сельского хозяйства России. 2016. № 3. С. 84–95.
4. *Масленников М. И.* Внешнеэкономические партнеры и конкуренты России на мировом аграрном рынке // Экономика региона. 2011. № 4 (28). С. 149–158.
5. *Тадтаев Г. Х.* Тенденции военно-технического сотрудничества стран БРИКС // Актуальные проблемы современных международных отношений. 2013. № 2. С. 87–91.
6. *Rodionova I., Massarova A., Epifantseva A.* BRICS countries in international innovation rankings // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2015. № 3. С. 45–52.
7. *Прокопенко В. В.* Российско-Китайские отношения: эволюция, основные аспекты, перспективы // Международные научные исследования. 2016. № 4 (29). С. 301–305.
8. *Новоселова Л. В.* Инвестиции // В кн.: Основные отрасли и сферы экономики современного Китая / отв. ред. А. В. Островский; сост. П. Б. Каменев. В 2 кн. М.: ИДВ РАН. 2012. Кн. 1. С. 61–62.
9. *Голяшев А., Павлюшина В., Бриллиантова В.* ЮАР: успехи и проблемы развития // Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики. Аналитический центр при правительстве РФ. 2018. № 28. С. 2–5.
10. *Пелевина К. А.* Тенденции развития торгово-экономического сотрудничества стран БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР): автореф. дис. (...) канд. эк. наук. Саратов. 2013. 26 с.

11. Коваленко В. Н. Перспектива интернационализации юаня в НОВЫХ геополитических условиях // В сборнике: Итоги 12-й пятилетки (2011–2015 годы) и перспективы развития экономики КНР до 2020 года РАН; Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Дальнего Востока Российской академии наук. Москва, 2017. С. 111–124.

References

1. *Baryshev I. S.* The development of contractual relations between Russia and Brazil in the period 1992–2011. // Issues of Russian and international law. 2011. No. 3. Pp. 88–103. (In Russ.).

2. *Pankov E.* Brazil: the state and prospects of development of military-technical cooperation with high-tech countries // World and national economy. 2015. No. 3 (34). Pp. 2–4. (In Russ.).

3. *Papstov A. G., Medvedeva N. A.* Opportunities for the development of trade and economic cooperation of the BRICS countries // Economics of Agriculture of Russia. 2016. No. 3. Pp. 84–95. (In Russ.).

4. *Maslennikov M. I.* Foreign economic partners and competitors of Russia in the world agricultural market // The economy of the region. 2011. No. 4 (28). Pp. 149–158. (In Russ.).

5. *Rodionova I., Massarova A., Epifantseva A.* BRICS countries in international innovation rankings // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Economics. 2015. No. 3. Pp. 45–52. (In Russ.).

6. *Tadtaev G. H.* Trends in military-technical cooperation of the BRICS countries // Actual problems of modern international relations. 2013. No. 2. Pp. 87–91. (In Russ.).

7. *Prokopenko V. V.* Russian-Chinese relations: evolution, main aspects, prospects // International scientific research. 2016. No. 4 (29). Pp. 301–305. (In Russ.).

8. *Novoselova L. V.* Investments // In the book: The main branches and spheres of the economy of modern China / ed. A.V. Ostrovsky; comp. P. B. Kamenev. In 2 books — Moscow: IDV RAS, 2012, Book 1. Pp. 61–62. (In Russ.).

9. South Africa: successes and problems of development // Bulletin on current trends in the world economy. Analytical Center under the Government of the Russian Federation. 2018. No. 28. Pp. 2–5. (In Russ.).

10. *Pelevina K. A.* Trends in the development of trade and economic cooperation between the BRICS countries (Brazil, Russia, India, China, South Africa) // Abstract for the academic degree. Candidate of Economic Sciences. Specialty 08.00.14. — M.: Saratov State Socio-Economic University, 2013. 26 p. (In Russ.).

11. *Kovalenko V. N.* The prospect of internationalization of the yuan in NEW geopolitical conditions // In the collection: Results of the 12th Five-year plan (2011–2015) and prospects for the development of the PRC economy until 2020 of the Russian Academy of Sciences; Federal State Budgetary Institution of Science Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences. Moscow, 2017. Pp. 111–124. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 27.10.2022; одобрена после рецензирования 27.10.2022; принята к публикации 27.10.2022.

The paper was submitted 27.10.2022; approved after reviewing 27.10.2022; accepted for publication 27.10.2022.

Научная статья
УДК 34.047
DOI: 10.47645/9785604917404_48

Международные принципы и стандарты в российском избирательном праве: история и современность

Иван Павлович Ларцын

ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА)», Москва, Россия, i.p.lartsyn@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена изучению проблем и перспектив влияния международного права на избирательное право Российской Федерации. Целью данной работы является оценка степени влияния международных норм на российское избирательное право. Проведено сравнение международных избирательных стандартов и российского избирательного права, изучены перспективы дальнейшего влияния. Сделаны выводы о значительной роли международных стандартов в избирательном процессе Российской Федерации. Новизну исследования подчеркивает особые геополитические условия, сложившиеся после февраля 2022 г.

Ключевые слова: международное право, избирательное право, выборы, избирательное законодательство, избирательные нормы.

Для цитирования: Ларцын И. П. Международные принципы и стандарты в российском избирательном праве: история и современность // Актуальные проблемы национального и международного права: материалы V науч.-практ. конф. студентов магистратуры (Санкт-Петербург, 2 нояб. 2022 г.). СПб.: С.-Петербург. ин-т (фил.) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2022. С. 48–54. DOI: 10.47645/9785604917404_48.

Conference paper

International principles and standards in Russian electoral law: history and modernity

Ivan P. Lartsin

Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MSLA), Moscow, Russia, i.p.lartsyn@gmail.com

Abstract: This article is devoted to the study of the problems and prospects of the influence of international law on the electoral law of the Russian

Federation. The purpose of this work is to assess the degree of influence of international norms on Russian electoral law. As part of the research tasks, a comparison of international electoral standards and Russian electoral law was carried out, and prospects for further influence were studied. The results of the study indicate the significant role of international standards in the electoral process of the Russian Federation. The novelty of the study, of course, emphasizes the special geopolitical conditions that have developed since February 2022.

Keywords: international law, electoral law, elections, electoral legislation, electoral norms.

For citation: Lartsin I. P. International principles and standards in Russian electoral law: history and modernity // Current issues of national and international law: proceedings of the 5th scientific and practical conference of master students (Saint Petersburg, November 2, 2022). Pp. 48–54. DOI: 10.47645/9785604917404_48.

Международное право призвано обеспечивать соблюдение национальными государствами различных общепризнанных принципов, путем установления соответствующих международных норм, регулирующих наиболее важные отрасли права. Одной из важнейших подобных отраслей права является избирательное право. Международное право содержит целую совокупность документов, в которых есть нормы избирательного права, что позволяет говорить о появлении особой подотрасли международного публичного права — международного избирательного права [1, с. 20]. Вопрос о влиянии международных норм и принципов на российское избирательное законодательство является актуальным, особенно в текущих реалиях напряжения международной политической обстановки. Как и любой юридический процесс, избирательный процесс — это и определенная деятельность, и система правовых норм, эту деятельность регулирующих, поэтому существует возможность проследить динамику влияния норм международного права на российское избирательное право.

В рамках вопроса оценки влияния международного права на российские нормы избирательного права необходимо рассмотреть нормативную базу соответствующих отраслей права в российском и международном законодательстве. Несмотря на то, что в юридической литературе отсутствует определение понятия «международный избирательный стандарт» [2, с. 32], в международном избирательном праве существует большое количество нормативных актов, Нормы избирательного законодательства в международном праве на данный момент не консолидированы в едином акте. Подобные нормы можно найти в Всеобщей Декларации прав человека (1948), Международном пакте о

гражданских и политических правах (1966), а также в Декларации о критериях свободных и справедливых выборов (1994). Помимо перечисленного, к системе международных избирательных норм можно отнести совокупность резолюций Генеральной Ассамблеи ООН, в которых и получил распространение термин «имплементация» [3, с. 328], то есть, включение международных норм в национальное право. Основой же российского избирательного законодательства, в первую очередь, является Конституция Российской Федерации, а также Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее — Федеральный закон о гарантиях избирательных прав), Федеральный закон «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (далее — Федеральный закон о выборах депутатов Государственной Думы) и многочисленные подзаконные акты. Влияние международных норм на российский избирательный процесс нормативно обуславливается ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которой общепризнанные принципы и нормы международного права входят в российскую правовую систему.

Фундамент требованиям к выборам и избирательному законодательству [4, с. 25] были закреплены на международном уровне во Всеобщей декларации прав человек (1948), а в именно в ч. 3 ст. 21, согласно которой предъявляются следующие требования к выборам: периодичность, нефальсифицированность, всеобщее и равное избирательное право, тайна голосования. Данные требования фактически устанавливали универсальные принципы организации и проведения демократических выборов [5, с. 75], поэтому указанные требования нашли отражение в ст. 3 Федерального закона о гарантиях избирательных прав.

Следующим документом, содержащим международные нормы и стандарты избирательного права, стал Международный пакт о гражданских и политических правах (1966). Данный пакт значительно отличался от принятой ранее Всеобщей Декларации прав человека тем, что представлял собой многосторонний международный договор, который обязывал государства, подписавшие его, соблюдать нормы и принципы, закрепленные в данном Пакте. Ст. 25 данного Пакта закрепляет активные и пассивные избирательные права каждого гражданина, которые должны реализовываться в рамках периодических, свободных, равных, справедливых выборах при тайном голосовании. Принцип периодичности находит отражения и в российском избирательном праве. Так, Конституция Российской Федерации в ст. ст. 81 и 96 закрепляют периодичность выборов Президента Российской Фе-

дерации (6 лет) и депутатов Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации (5 лет), что также позволяет говорить о наличии международных стандартов в российском избирательном праве.

Наконец, наиболее полные требования международного права к демократическим выборам представлены в Декларации о критериях свободных и справедливых выборов (далее — Декларация), принятой единогласно на 154-й сессии Совета Межпарламентского союза. На указанной сессии присутствовали представители 112 стран, включая представителей Российской Федерации, что позволяет говорить о международном характере данных критериев.

Ст. 1 данной Декларации, также как и предыдущие рассмотренные документы, провозглашает, что волеизъявление народа выражается на подлинных, свободных и справедливых выборах, организуемых через регулярные периоды на основе всеобщего, равного и тайного голосования.

Ст. 2 данной Декларации принципы отсутствия дискриминации любого вида при избирательном процессе, а также всеобщую и реальную доступность к избирательному процессу и избирательным участкам. Помимо этого, есть указания на наличие лиц, лишенных пассивного избирательного права и их права обжаловать подобные решения органов государственной власти. Отражением данных норм в избирательном законодательстве России является ст. 4 Федерального закона о гарантиях избирательных прав, согласно которой не имеют права избирать, участвовать в референдуме граждане, признанные судом недееспособными или содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда.

В ст. 3 данной Декларации закрепляются основные права и обязанности кандидатов и партий, участвующих в выборах различного уровня. В первую очередь, речь идет о следующих правах кандидатов и партий: без ограничений высказывать политические взгляды и позиции; осуществлять сбор и передачу информации; территориальная свобода агитации в предвыборные периоды; равенство всех партий, участвующих в выборах, включая правящую партию. Аналогичные права закреплены в ст. 48 Федерального закона о гарантиях избирательных прав, регулирующей право кандидатов и избирательных объединений на проведении предвыборной агитации.

Помимо этого, ст. 3 Декларации закрепляет право кандидатов на равный доступ к средствам массовой информации в период предвыборной агитации, с целью обеспечения справедливости при протекании избирательного процесса. Аналогию можно провести со ст. 64 Федерального закона о выборах депутатов Государственной Думы,

которая обязывает различные средства массовой информации предоставлять равный доступ к информационным ресурсам всем зарегистрированным кандидатам.

Наконец, стоит отметить, что гарантии безопасности кандидатов, также закрепленные в ст. 3 данной Декларации, имеют отражение и в российском избирательном праве. Так, ст. 41 Федерального закона о гарантиях избирательных прав, регламентирует и закрепляет освобождение работника, который является зарегистрированным кандидатом, от должностных обязанностей, а также запрещает увольнение подобных работников по инициативе работодателя. Кроме этого, п. 4 указанной статьи содержит положения о том., при возбуждении уголовного и административного дела в отношении зарегистрированного кандидата требуется согласие прокурора или руководителя следственного органа соответствующих уровней, что также создает дополнительную гарантию к препятствию оказания давления на кандидатов.

Следует также обратить внимание на ст. 5 Декларации, которая регламентирует обязанности государства в период выборов. Помимо очевидной обязанности государства по обеспечению исполнения норм избирательного законодательства, присутствуют указания на обязанности корректной и современной регистрации избирателей. В российском законодательстве подобная норма закреплена в ст. 16 Федерального закона о гарантиях избирательных прав, которая указывает на необходимость регистрации всех избирателей и участников референдума без каких-либо проявлений дискриминации. Обязанность по регистрации возлагается на глав органов местного самоуправления, что закрепляется во ч. 2 той же статьи.

Пункт 7 ст. 5 Декларации закрепляет обязанность государства предпринять все необходимые меры для обеспечения прозрачности избирательного процесса, например, через введение института наблюдателей на выборах. В российском законодательстве, а именно в ст. 33 Федерального закона о выборах депутатов Государственной Думы закрепляется право назначение наблюдателей за каждой политической партией или кандидатом, участвующих в выборах. Помимо этого, часть 6 указанной статьи закрепляет полномочия наблюдателя, которые позволяют осуществлять контроль за честностью и прозрачностью избирательного процесса.

Пункт 9 ст. 5 Декларации закрепляет за государством обязанность обеспечения прав граждан на обжалование неправомерных решений и действий, принятых в рамках избирательного процесса, а также обязанность по своевременному рассмотрению и реагированию на указанные жалобы. Аналогию в российском законодательстве можно провести с главой X Федерального закон о гарантиях избирательных

прав, которая регламентирует порядок подачи жалоб на проведения процедур в рамках избирательного процесса. Подача жалоб осуществляется в суды и избирательные комиссии различного уровня, решения указанных органов обязательны для всех участников избирательного процесса.

Таким образом, исходя из перечисленных соответствий международного и российского избирательного права, можно сделать вывод о том, что российское избирательное законодательство в целом соответствует общепризнанным нормам о демократических выборах. Однако подобные выводы следует относить только к наиболее общим и основополагающим принципам, не затрагивая национальные особенности избирательного законодательства каждой страны, включая Российскую Федерацию.

Список источников

1. *Худолей Д. М.* Международные источники избирательного права и процесса // Актуальные теоретические и практические вопросы развития юридической науки: общегосударственный и региональный аспекты: сб. ст. / редкол.: Елохов А. М. (пред.) [и др.] / Пермь, Негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Западно-Уральский институт экономики и права», 2014. С. 213–221.

2. *Босова Е. Н.* Об одной проблемной сфере развития российского избирательного права в свете современного международного права // Евразийский юридический журнал. 2017. № 11(114). С. 32–34.

3. *Цахоева О. Ч.* К вопросу об имплементации норм международного избирательного права в законодательство России // Актуальные проблемы права: сб. ст. / редкол.: Койбаева Б. Г., Зураев А. М. [и др.] / Владикавказ, Северо-кавказский горно-металлургический институт, 2019. С. 328–331.

4. *Городецкая Е. А.* Международные избирательные стандарты как гарантия избирательных прав граждан: имплементация в национальное законодательство на примере Приднестровья // Избирательное законодательство и практика. 2020. № 3. С. 24–28.

5. *Козлова К. О., Круглова Д. С., Николаева Е. В.* Международные стандарты в российском избирательном праве // Избирательная система Российской Федерации: вчера, сегодня, завтра: мат. межрег. науч.-практ. сем. (Санкт-Петербург, 5 дек. 2018 г.) / редкол.: Седлецкая Т. В. (отв. ред.) [и др.] / СПб.: Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина (Санкт-Петербург), 2019. 126 с. С. 74–76.

References

1. *Khudolei D. M.* International sources of electoral law and process // Actual theoretical and practical issues of the development of legal science: national and regional aspects: collection of articles / editorial board: Elok-hov A. M. (pred.) [et al.] / Perm, Non-governmental educational institution of higher professional education «West Ural Institute of Economics and rights», 2014. P. 213–221. (In Russ.).

2. *Bosova E. N.* About one problematic area of the development of Russian electoral law in the light of modern international law // Eurasian Law Journal. 2017. No. 11(114). P. 32–34. (In Russ.).

3. *Tsakhoeva O. Ch.* On the question of the implementation of the norms of international electoral law in the legislation of Russia // Actual problems of law: collection of articles / editorial board: Koibaeva B. G., Zuraev A. M. [et al.] / Vladikavkaz. North Caucasus Mining and Metallurgical Institute, 2019. P. 328–331. (In Russ.).

4. *Gorodetskaya E. A.* International electoral standards as a guarantee of citizens' electoral rights: implementation into national legislation on the example of Pridnestrovie // Electoral legislation and practice. 2020. No. 3. P. 24–28. (In Russ.).

5. *Kozlova K. O., Kruglova D. S., Nikolaeva E. V.* International standards in Russian electoral law // Electoral system of the Russian Federation: yesterday, today, tomorrow: mat. interreg. scientific-practical. sem. (St. Petersburg, 5 Dec. 2018) / editorial board: Sedletskaia T. V. (ed.) [and others] / St. Petersburg: Leningrad State University named after A. S. Pushkin (St. Petersburg), 2019. P. 74–76. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 30.09.2022; одобрена после рецензирования 19.10.2022; принята к публикации 19.10.2022.

The paper was submitted 30.09.2022; approved after reviewing 19.10.2022; accepted for publication 19.10.2022.

Научная статья

УДК 342

DOI: 10.47645/9785604917404_55

Демократия как государственно-правовой идеал. История и современность

Мария Сергеевна Макарова

ФГКОУ ВО «Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации», Омск, Россия, makarova.masha13@mail.ru

Аннотация. На сегодняшний день большинство государств позиционируют себя как демократии. Мы видим, что даже в нашей действительности представления о демократии различны. Что же несет в себе «истинная» демократия? Во что демократия трансформировалась в XXI веке? Какой должна быть демократия России? Ответы на эти вопросы лежат в истории понятия «демократия» и в анализе основных подходов к ее пониманию.

Ключевые слова: Государственно-правовой идеал, демократия, ценности демократии, античная политико-правовая мысль, русская политико-правовая мысль.

Для цитирования: Макарова М. С. Демократия как государственно-правовой идеал. История и современность // Актуальные проблемы национального и международного права: материалы V науч.-практ. конф. студентов магистратуры (Санкт-Петербург, 2 нояб. 2022 г.). СПб.: С.-Петерб. ин-т (фил.) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2022. С. 55–60. DOI: 10.47645/9785604917404_55.

Conference paper

Democracy as a state-legal ideal. History and modernity

Maria S. Makarova

Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Omsk, Russia, makarova.masha13@mail.ru

Abstract. Today, most states position themselves as democracies. We see that even in our reality, ideas about democracy are different. What does “true” democracy mean? What has democracy transformed into in the XXI century? What should Russia’s democracy be like? The answers to these

questions lie in the history of the concept of “democracy” and in the analysis of the main approaches to its understanding.

Keywords: State-legal ideal, democracy, values of democracy, ancient political and legal thought, Russian political and legal thought.

For citation: Makarova M. S. Democracy as a state-legal ideal. History and modernity // Current issues of national and international law: proceedings of the 5th scientific and practical conference of master students (Saint Petersburg, November 2, 2022). Pp. 55–60. DOI: 10.47645/9785604917404_55.

Государство — основной институт жизни человека. От самого рождения до самой смерти мы все являемся его частью. Поэтому для каждого из нас крайне важно, чтобы он отвечал нашим интересам. Пожалуй, все мы представляем свое идеальное государство по-своему. Исходя из исторического процесса, наиболее устойчивой моделью государства и уже заложенного в нашем сознании как идеальное является демократия. Но действительно ли это так? Отвечают ли признаки демократии тому идеалу, который хотят большинство людей? Всегда ли демократия воспринимается нами одинаково?

Для ответа на эти вопросы следует проанализировать три аспекта. Условно можно их назвать: «прошедшее», «настоящие» и «будущие». Где под первым понимается те представления, что были о демократии в прошлом, под вторым — настоящее состояние демократии, и под третьим — какой должна быть демократия в будущем, чтобы отвечать требованиям идеала для человечества.

Актуальность данной темы заключается в том, что нередко стремясь к идеалам демократии некоторые государства, попросту, подменяют истинные ее ценности ложными: уходя в крайности (защищая интересы меньшинства в ущерб мнению большинства) или же в псевдоценности (декларируются, но не гарантируются права и свободы гражданина).

В работе были проанализированы труды наиболее влиятельных ученых разных эпох (Платон, Аристотель, Б. Н. Чичерин, Б. А. Кистяковский, В. М. Гессен, С. А. Котляревский, С. Хантингтон)

В основе исследования лежат диалектический, герменевтический подходы, формально-юридический и логические методы познания.

В настоящих реалиях под влиянием времени, политической ситуации и других факторов, понятие «демократия» используется не в том смысле, в котором она закладывалась еще своими теоретиками. Также нужно отметить, что представление о демократии как о модели государства не всегда воспринималось как идеальной. Например, в античное время некоторые философы считали демократию не самой

удачной моделью государства (Платон, Аристотель и другие). Прежде всего, это объясняется закладываемым смыслом в саму демократию. Термин «демократия» произошел от латинских слов «демос» и «кратия» — народ и власть соответственно, что всегда переводилось в буквальном смысле как народовластие, при этом участвовать в политической жизни могли лишь свободные люди (это в то время существенно меньшая часть общества). Так Платон, выделял идеальным государство аристократическое, критикуя демократию (критерий — справедливость). Во-первых, по мнению философа, она уравнивает равных и неравных людей. Такое отношение легко объясняется тем, что данный ученый признавал и легализировал рабство, считая, что допускать к власти можно лишь немногих, «лучших людей». Во-вторых, принцип «свободы», на котором основана демократия, легко может перерасти при злоупотреблении, вследствие слабого управления народа и его управляемости, в тиранию. В-третьих, основываясь на свободе, демократии автоматически становятся присущи все недостатки этого принципа, а также ряд неразрешимых вопросов. К ним можно отнести: насколько человек должен быть свободен, что нужно подразумевать под свободой, как ее измерить и определить границы и другие [1, с. 216–225].

Похожих взглядов придерживается и Аристотель, относя демократию к разряду неправильных форм правления (критерий — общая польза). Однако он отмечает положительный опыт существования цензовой демократии, где «примеряются бедные и богатые на основе закона» (Политика Аристотеля / Пер. с греч. яз., с примеч., с крит. исслед. Н. Скворцова). Идеальным государством он считал «политию».

С учетом этого теоретического опыта были сформированы воззрения ученых-юристов второй половины XIX — начала XX вв. Для нас этот период важен, так как в российской мысли формируются и оформляются развернутые либеральные представления об идеальном государстве, что в немалой степени способствовало российской юридической науке в целом. Проанализируем, концепции демократии таких правоведов, как Б. Н. Чичерин, Б. А. Кистяковский, В. М. Гессен, С. А. Котляревский.

Подобно Аристотелю, Б. Н. Чичерин анализирует демократию с позиций свободы и равенства, выделяя ее положительные и отрицательные стороны. К первым он относит свободу и равенство граждан перед законом, следование общему интересу, личную ответственность граждан, повышение правосознания граждан и другие. К недостаткам — склонность людей к чрезмерной свободе, некомпетентность толпы, а как следствие и неумелое правление, бесчестные выборы, популизм и зависимость от него выбора народа и другие. Также схожа

и с Аристотелем у Б. Н. Чичерина классификация видов демократии: умеренная (положительная форма и допустимая для реализации) и «необузданная» (крайний вид демократии вследствие воплощение недостатков). Оценивая же жизнеспособность демократии как формы государства, он отмечает, что она не имеет перспектив для развития [2, с. 175–210]. Идеальным государством автор считает конституционную монархию [2, с. 232].

Многие ученые-юристы давая классификацию формам государства подразделяют их на монархии и республики, отводя демократии роль политического режима. Признавая наличие правового государства, они отождествляют с ним и ряд признаков демократии. Так, Б. А. Кистяковский и В. М. Гессен выделили права и свободы граждан, разделение властей, верховенство права в административных и судебных решениях, представительную форму правления и другие. «...» убеждение, что государство должно принять облик правового государства, остается непоколебимо», — пишет С. А. Котляревский, представляя будущее российского государства [3, с. 4].

Наиболее известную позицию о «демократии» в конце XX — начале XXI веков занимает американский ученый С. Хантингтон. Так, В. В. Меньшиков раскрывает его концепцию: демократию в современном понимании стоит определять как «форму правления ... исходя либо из источников власти правительства, либо целей, которым правительству служит, либо из процедур его образования» [4, с. 124]. Она включает в себя такие признаки, как наличие: конституционализма, правового государства, разделения властей, гарантий прав и свобод гражданина, защиту меньшинства от большинства.

На сегодняшний день выделяются такие виды демократии: представительная и прямая, нелиберальная и либеральная. Так в России демократия характеризуется представительностью и либеральностью, что соответствует многим зарубежным государствам. К дополнительным признакам таких демократий относят выборность высших должностных лиц, выборы (честные, часто проводимые, регламентированные законодательством по срокам проведения, свободные), пассивное и активное избирательное право у граждан, право на объединение, плюрализм в политической сфере, «свобода слова, наличие действительного местного самоуправления, децентрализацию публичной власти» [5, с. 252–255].

Также в современной теории государства и права до сих пор остается дискуссионным вопрос о том, какой вид демократии можно считать идеалом для общества. Подавляющим большинством ученых впервые признается, что именно демократия является оптимальной формой, поскольку способна наиболее полно удовлетворить потребности обще-

ства. В зависимости от точки зрения на вид демократии, соответственно в этом направлении она и должна развиваться. Например, «элитарная демократия» признает существование конкурирующих элит, которые и определяют свой вес в общественном развитии. Такой демократии естественно нужно двигаться и стремиться к тому, чтобы конкурирующие элиты формировались из людей, которые представляют интересы большинства, стремиться ограничивать произвол элит в отношении остальной части общества через право и другие механизмы защиты.

На наш взгляд, наиболее жизнеспособной является «демократия плюралистическая». Так как она предполагает: а) плюрализм различных политических взглядов, б) способствует выбору для избирателей и наиболее полно отражает их потребности, в) противоборствующие силы будут стремиться угодить большинству населения, чтобы повысить электорат, г) такой вид демократии предполагает формирования высших органов власти (парламент) из людей разных политических предпочтений для выработки компромисса.

Исходя из всего вышеизложенного, России стоит стремиться к данному типу демократии, поскольку она является многонациональным государством и игнорирование интересов отдельных народов грозит угрозой сепаратизма или национализма. Конечно, необходимо существование и механизмов по реализации принципов данной демократии, в том числе и работа с населением по повышению правосознания и политической активности, так как при наличии многообразия политических взглядов граждане должны хорошо разбираться в политической сфере и быть достоверно информированными. В противном случае население может поддержать радикальные воззрения или попасть под влияние популизма политиков, что является существенной угрозой самой демократии. Так же при всем плюрализме мнений необходимо устанавливать ограничения для движений, направленных против демократических ценностей и способствующих дестабилизации политической системы.

Список источников

1. Сочинения Платона, переведенные с греческого и объясненные профессором В. Н. Карповым. Политика или Государство. 2-е изд., исправленное и дополненное. Ч. 1–6. СПб: тип. духов. журн. «Странник», 1863–1879. Ч. 3. 532 с.
2. *Чичерин Б. Н.* Курс государственной науки / М.: типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К. 1894–1898. Ч. 3. 556 с.
3. *Котляревский С. А.* Власть и право: Пробл. правового государства // М.: тип. «Мысль» Н. П. Меснянкин и К°. 1915. 417 с.

4. *Меньшиков В. В.* Формы властного бытия общества // Южно-российский журнал социальных наук. 2005. № 3. С. 124–144.

5. *Харламов С. О., Нечай С. Л.* Эталон демократии и демократическая практика: оценка оптимальности // Вестник московского университета МВД России. 2022. № 2.

References

1. Plato's writings, translated from Greek and explained by Professor V. N. Карпов. Politics or the State. 2nd ed., corrected and supplemented. Ch. 1-6. St. Petersburg: type. spirits. journal. «The Wanderer», 1863–1879. Part 3. 532 p. (In Russ.).

2. *Chicherin B. N.* Course of state science / M.: tipo-lit. t-va I. N. Kushnerev and Co. 1894-1898. Ch. 3. 556 p. (In Russ.).

3. *Kotlyarevsky S. A.* Power and law: Probl. of the rule of law // M.: tip. «Thought» by N.P. Mesnyankin and Co. 1915. 417 p. (In Russ.).

4. *Menshikov V. V.* Forms of the domineering existence of society // South-Russian Journal of Social Sciences. 2005. No. 3. P. 124–144. (In Russ.).

5. *Kharlamov S. O., Nechai S. L.* The standard of democracy and democratic practice: evaluation of optimality // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 2. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 29.09.2022; одобрена после рецензирования 24.10.2022; принята к публикации 24.10.2022.

The paper was submitted 29.09.2022; approved after reviewing 24.10.2022; accepted for publication 24.10.2022.

Научная статья
УДК 94(47).031
DOI: 10.47645/9785604917404_61

Великая монгольская орда XIII в.: форма государства и общественный строй

Анастасия Дмитриевна Николаева

ФГБОУ ВПО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва, Россия, ms.thenastya@mail.ru

Аннотация. В соответствии с официальными данными историографии Золотая Орда на протяжении более двухсот лет являлась одним из самых крупных и влиятельных государств средневековья, которое распалось в XV веке. На сегодняшний день сложилось множество стереотипов об устройстве населения в Ордае, его структуре, о государственном аппарате, о власти хана и его приближенных. Культура, государственный и общественный строй Орды формировались долгие годы и многие детали данных процессов до сих пор неизвестны. В статье проводится анализ структуры общественного и государственного строя, определяется организация чиновничьего аппарата, а также деление населения Орды на класс феодалов и зависимых.

Ключевые слова: общественный строй, государственный строй, Золотая Орда, улус, «черная кость», «белая кость», дом Джучи, хан.

Для цитирования: Николаева А. Д. Великая монгольская орда XIII в.: форма государства и общественный строй // Актуальные проблемы национального и международного права: материалы V науч.-практ. конф. студентов магистратуры (Санкт-Петербург, 2 нояб. 2022 г.). СПб. : С.-Петерб. ин-т (фил.) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2022. С. 61–67. DOI: 10.47645/9785604917404_61.

Conference paper

The great Mongol horde of the 13th century: the form of the state and the social system

Anastasia D. Nikolaeva

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, ms.thenastya@mail.ru

Abstract. In accordance with the official data of historiography the Golden Horde for more than two hundred years was one of the largest and most

influential states of the Middle Ages, which broke up in the 15th century. To date, there are many stereotypes about the structure of the population in the Horde, its structure, the state apparatus, the power of the khan and his entourage. The culture, state and social system of the Horde took many years to form and many details of these processes are still unknown. The article analyzes the structure of the social and state system, determines the organization of the bureaucracy, as well as the division of the Horde population into the class of feudal lords and dependent.

Keywords: social system, political system, Golden Horde, ulus, «black bone», «white bone», the house of Jochi, khan.

For citation: Nikolaeva A. D. The great Mongol horde of the 13th century: the form of the state and the social system // Current issues of national and international law: proceedings of the 5th scientific and practical conference of master students (Saint Petersburg, November 2, 2022). Pp. 61–67. DOI: 10.47645/9785604917404_61.

Государственный и общественный строй Золотой Орды подробно разобран в отечественной историографии. Интерес историков, политиков и иных учёных к устройству Золотоордынского государства заключается не только в его непосредственном влиянии на другие европейские и азиатские страны, но и в уникальности и неповторимости данной формы существования государства в мировой истории. Золотая Орда является не стандартным государством, потому что оно было создано из кочевых племён, объединённых целью укрепления своего положения путём расширения своих границ, порабощения оседлых народов и наложения на них обязательств по уплате дани, за счёт которой они фактически жили.

Монголия расположилась на восточной части евразийской степной зоны, которая прошла от Маньчжурии до Венгрии [1, с. 36]. Формирование Монголии происходило к XIII веку, когда начали появляться улусы, состоявшие из разных семейств, не связанных кровным родством и подчиняющиеся нойонам. Подобная форма организации общества была на Руси, выраженная в верви, когда семьи, не связанные родством объединялись для оптимизации рабочих и иных процессов. И вервь, и улусы стали предпосылкой создания государства. Разница в том, что семьи в улусах кочевали, а семьи в верви вели оседлый образ жизни. В дальнейшем улусы разрастались и улусами назывались уделы царевичей, которые создавали свои государства. Создание Золотой Орды относят к 1224 году после раздела империи Чингисхана. Орда наименовалась Улусом Джучи в составе Монгольской империи. Отношения в монгольском государстве можно охарактеризовать как раннефеодальные отношения. Так у Золотой Орды были зависимые

территории, к примеру, русские земли платили дань Орде, а самими землями распоряжался хан, давая ярлыки на княжение русским князьям. Простыми словами, хан был вассалом, а русские земли находились в вассальной зависимости от Орды. То есть сложились вассальные отношения, характерные для феодализма.

После прихода к власти Чингисхан провёл реформы, чтобы укрепить армию и административный аппарат. Такое укрепление сложилось на основе подразделения на десятки, сотни, тысячи и десятки тысяч. Каждое низшее звено было ответственно перед высшим, сложилась четкая система контроля и привлечения к ответственности, что помогло сформировать слаженность и дисциплину [2, с. 418].

Органы власти в Орде строились на основе восточного деспотизма, заимствованного из Китая и Персии. Монголы смогли создать четкую систему управления с иерархичностью и подконтрольностью. Система состояла из хана, придворной знати, органов управления (ведомства), судебного аппарата. Налоги помогали собирать целый ряд штатских чиновников. Например, в ярлыке Тимур-Кутлуга говорится о гонцах, сборщиках налогов, лодочниках, о людях, которые отвечали за мосты [3, с. 79]. Также существовала рыночная полиция и специальные лица, обслуживающие конно-почтовые станции. К середине XIII века органы отраслевого управления, именуемые диванами. Такие органы находились под контролем у хана, потому что тот занимался назначением глав диванов. К компетенции диванов относилось налогообложение и администрирование. Должностными лицами диванов были битикчи, которые составляли различные документы и управляли их выдачей.

В Орде было множество должностных лиц, которые управляли государством, например, губернаторы, формирующие административный аппарат управления в городах, округах и поселениях. Другим примером могут стать эмиры городов (туменбеки) и округов (шехирбеки). Знать так же наделялась полномочиями по управлению на местах. Так можно выделить даругов и баскаков.

Хан обладал всей полнотой власти, он решал все главные вопросы по управлению Ордой, его помощником был министр, которого на Востоке часто называли визирем. Хан руководил государством, осуществляя различные полномочия, а визирь осуществлял полномочия хана по его личному поручению. Улусные эмиры так же были высшими должностными лицами. Страшим из них был бекляри — бек, обладающий широким кругом полномочий в областях армии, внешней политики, судебной системы [4, с. 265].

После реформ Чингисхана деление страны на десятки, сотни и тысячи укрепило власть хана. Войско формировало десятичная систе-

ма, а самое низшее подразделение составляла десятка. Как правило, десятка состояла из людей, связанных родственными связями. Благодаря этому в десятки существовала взаимовыручка, повышенная ответственность за членов подразделения. Ответственность можно обосновать тем, что в случае побега с поля боя из десятки, казнилась вся десятка. Иначе говоря, один из членов десятки своими действиями мог подвести близких и родных к смерти. Следовательно, возрастала дисциплина и слаженность, помогающая вести боевые действия эффективно. Темник командовал десятью тысячи и стоял во главе войска, а в подчинении темника были тысячники (командиры тысячных отрядов), тогда в подчинении тысячников — десятники и сотники. Темники представляли знатный род нойонов — Джучидов. Командиры обычно были связаны между собой сеньориально — вассальными отношениями.

Судебная система Золотой Орды XIII века подтверждает деспотизм, указанный выше. Высшая судебная власть принадлежала хану, а хан мог принимать самостоятельно принимать произвольные решения. К примеру, хан Узбек призвал тверского князя Михаила Ярославича в Орду и казнил князя без веских на то оснований. Исходя из приведенного примера, судопроизводство князь проводил самостоятельно. При этом в судебную систему Орды входили Верховным суд и местные суды. Местные суды составляли низшую инстанцию, а возглавляли их яргучи, которые разбирали незначительные дела. После того, как хан Узбек стал мусульманином, Ислам стал государственной религией Золотой Орды. Появляются мусульманские судьи — кадьи (суды кадиев), которые при принятии решения руководствовались законами шариата, применяя нормы мусульманского права.

Итак, аппарат власти в Золотой Орде был построен на иерархии и подчинении нижестоящих лиц вышестоящим. Также благодаря четкой выстроенной системе наместничества и деления империи на десятки, сотни, тысячи он помогал управлять как самим государством, так и его покоренными землями. При сложившейся системе местного и городского управления свои позиции усиливали крупные кочевнические феодалы.

Общественное устройство в Золотой Орде характеризовалось существованием двух классов — «белая кость» и «черная кость». Земля в Орде принадлежала великому хану, но землевладельцы управляли своими угодьями сами, руководили людьми и распределяли землю по своему желанию.

Аппарат власти возглавлял хан, который раздавал улусы царевичам из дома Джучи. Царевичи были феодальными сеньорами (попуапами). После хана и царевичей в классовой лестнице идут беки

и найены, составляя вторую группу господствующего класса. Такие землевладельцы получали большой доход от своих угодий — 100–200 тыс. динаров в год [5, с. 123]. Нукеры были последним звеном господствующего класса. Данная группа подчинялась своим вассалам, находясь в их близком окружении.

В монгольском обществе XIII века преобладали вассалы-воины, которые также относились к господствующему классу. Это были обычные воины или «люди свободного состояния» [6, с. 89]. Они происходили из различных монгольских родов, которые не входили в кочевую аристократию и поддерживали Чингиса и его род. Господствующим классом считались и духовенство, кушцы и ремесленники, вожди и родовые старейшины, крупные землевладельцы в районах Поволжья, Кавказа, Крыма.

Следовательно, в Золотой Орде выделялось две группы господствующего класса — великие сеньоры (царевичи, беки, тарханы) и малые сеньоры (найены, нукеры, вассалы хана, арриер-вассалы). Действительно, класс феодалов совершенно отличался от низшей прослойки общества. В Золотой Орде XIII века феодалы, т. е. царевичи, тарханы, беки держали под своей властью большую часть земель империи, имели собственных слуг, которые к ним прикреплялись.

Люди низшего класса «черная кость» подразделялись на несколько групп. К первой относилась «чернь». Изначально к ним относилось простонародье, которое относилось к феодалам, сотникам и тысячникам, дархатам [7, с. 271]. Позже они становились земледельцами, кочевниками — скотоводами и др. Ко второй группе относились слуги или рабы. Они не имели личного имущества, были взяты в плен на войне, также имели другое происхождение. К ним причисляли и монголов-кочевников. Данным рабским трудом могли пользоваться сеньоры.

Феодално-зависимое население называлось «черной костью», оно состояло из кочевников-скотоводов, земледельцев и жителей городов. Основной массой трудящихся были кочевники-скотоводы или карачу. Карачу подчинялись старейшинам рода и военным должностным лицам. Кочевники-скотоводы имели собственное хозяйство, скот, который пасли на пастбищах, принадлежавших хозяину. При деспотичной системе возникали хозяйственные повинности у скотоводов. Карачу должны были проходить военную службу, а также предоставлять транспорт чиновникам и воинским частям. Степень зависимости крестьян была разной, это зависело от феодальных владык.

В различных районах Крыма и Поволжья крестьян называли как собанчи и уртачки. Сабанчи были феодально зависимыми крестьянами, обрабатывали как свои участки, так и участки сеньора. Уртачки

считались кабальными людьми, которые обрабатывали государственную землю или землю сеньора за половину урожая, т. е. были издольщиками. Они считались обедневшими членами общины, были лишены своей земли и собственного инвентаря. На земле сеньора работали за долю продуктов.

На самом низком положении находились рабы. Их насчитывалось огромное количество, т. к. монголы завоевывали много стран, где брали людей в плен. Рабов могли превратить в крестьян, ремесленников. Использовались они при постройках, в ремесленном производстве. Если у раба есть сын, то его могли прикрепить к земле, и он получал статус уртакчи или собанчи. Зависимость раба от своего господина существовала и в личном плане, т. е. сеньор мог распоряжаться своим слугой, как хотел. Но все же не имел права лишать его жизни без суда.

Подводя итог сказанному о низшем классе монгольского общества XIII века, можно отметить, что положение его было тяжелое. Несмотря на близость родов, их близкое проживание и крепкие взаимоотношения, кабальная зависимость бедных родов и бедняков усиливалась. Можно наблюдать, как простой народ превращается в «чернь», т. е. в низший класс, попадая под зависимость от высшего класса — своих сеньоров.

Таким образом, несмотря на существование множества мнений ученых насчет возникновения и устройства Орды, можно увидеть, что в данном государстве развивался иерархичный государственный аппарат, социальный строй также имел характер подчинения низших слоев населения высшим, а власть хана была основана на деспотии. Однако некоторые детали государственного и общественного устройства Золотой Орды и сегодня остаются неизвестными, поэтому данный вопрос требует дальнейшего исследования.

Список источников

1. *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. // отв. ред. В. И. Буганов. М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ. 2008. 603 с.
2. *Вернадский Г. В.* Монголы и Русь / М.: Ломоносовъ. 2011. 521 с.
3. *Трепавлов В. В.* Государственный строй Монгольской империи XIII в.: Пробл. ист. преемственности / М.: изд. фирма «Вост. лит.». 1993. 587 с.
4. *Штулер Б.* Золотая Орда. Монголы на Руси. 1223–1502 / пер. с немецкого С. Ю. Чупрова. М.: Центрполиграф. 2017. 415 с.
5. *Владимирцов. Б. Я.* Общественный строй монголов: монгольский кочевой феодализм / Академия наук СССР. Ленинград: Академия наук. 1934. 317 с.

6. Греков Б. Д. Золотая Орда и ее падение // Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. М.: изд-во и 1-я тип. изд-ва Академии наук СССР. 1950. 214 с.

7. Петрушевский И. П. Иранская филология. // Краткое изложение докладов научной конференции, посвященной 60-летию профессора А. Н. Болдырева. Академия наук СССР М. 1969. 474 с.

References

1. Egorov V. L. Historical geography of the Golden Horde in the XIII–XIV centuries. // ed. V. I. Buganov. M.: Book House LIBROCOM. 2008. 603 p. (In Russ.).

2. Vernadsky G. V. Mongols and Rus / M.: Lomonosov. 2011. 521 p. (In Russ.).

3. Trepavlov V. V. The state system of the Mongolian Empire of the XIII century: Prob. ist. continuity / M.: publishing house of the firm “East. lit.”. 1993. 587 p. (In Russ.).

4. Shpuler B. The Golden Horde. Mongols in Russia. 1223–1502 / translated from German by S. Yu. Chuprova. M.: Tsentrpoligraf. 2017. 415 p. (In Russ.).

5. Vladimirtsov. B. Ya. The social system of the Mongols: Mongolian nomadic feudalism / Academy of Sciences of the USSR. Leningrad: Academy of Sciences. 1934. 317 p. (In Russ.).

6. Grekov B. D. The Golden Horde and its fall // B. D. Grekov, A. Y. Yakubovsky. M.: publishing house and 1st type. publishing house of the Academy of Sciences of the USSR. 1950. 214 p. (In Russ.).

7. Petrushevsky I. P. Iranian philology. // Summary of the reports of the scientific conference dedicated to the 60th anniversary of Professor A. N. Boldyrev. Academy of Sciences of the USSR M. 1969. 474 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 29.09.2022; одобрена после рецензирования 21.10.2022; принята к публикации 21.10.2022.

The paper was submitted 29.09.2022; approved after reviewing 21.10.2022; accepted for publication 21.10.2022.

Научная статья
УДК 34.047
DOI: 10.47645/9785604917404_68

Проблемы закрепления принципов права в международном и внутригосударственном законодательстве

Сергей Владимирович Серебряков

Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя, Москва, Россия, serebro163163@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются вопросы закрепления принципов права их взаимодействия в международном и национальном праве, ставится вопрос соотношения нормативно-закрепленных и незакрепленных принципов в юридической практике в России и мире. Автор приходит к выводу о различной трактовке понятий принципа права в общей теории права и международном публичном праве, что в свою очередь, усложняет их практическую реализацию.

Ключевые слова: принципы права, норма права, международное право, внутригосударственное право, текстуальное изложение принципов права, правовое регулирование, гражданское право, конкретизация права.

Для цитирования: Серебряков С. В. Проблемы закрепления принципов права в международном и внутригосударственном законодательстве // Актуальные проблемы национального и международного права: материалы V науч.-практ. конф. студентов магистратуры (Санкт-Петербург, 2 нояб. 2022 г.). СПб.: С.-Петерб. ин-т (фил.) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2022. С. 68–73. DOI: 10.47645/9785604917404_68.

Conference paper

Problems of consolidation of the principles of law in international and domestic legislation

Sergey V. Serebryakov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, Moscow, Russia, serebro163163@mail.ru

Annotation. The article analyzes the issues of consolidation of the principles of law and their interaction in international and national law, raises the question of the correlation of normative and non-fixed principles in

legal practice in Russia and the world. The author comes to the conclusion about the different interpretation of the concepts of the principle of law in the general theory of law and public international law, which in turn complicates their practical implementation.

Keywords: principles of law, rule of law, international law, domestic law, textual presentation of the principles of law, legal regulation, civil law, concretization of law.

For citation: Serebryakov S. V. Problems of consolidation of the principles of law in international and domestic legislation // Current issues of national and international law: proceedings of the 5th scientific and practical conference of master students (Saint Petersburg, November 2, 2022). Pp. 68–73. DOI: 10.47645/9785604917404_68.

Принципы права — это понятие, которым оперируют далеко не только теоретики права. Чтобы принципы права действительно работали и выполняли свои функции, они должны быть грамотно закреплены в законодательстве, а этого достигнуть получается не всегда. Так, по мнению Г. М. Лановой нормативно закрепленные принципы имеют большую юридическую силу по сравнению с незакрепленными, в связи с тем, что на практике субъекты правоприменительной деятельности признают неразрывную связь общеобязательности и нормативности с формальной определенностью, что, несомненно, облегчает использование формально закрепленных принципов на практике [1, с. 215]. Мы не можем с ней не согласиться в этом суждении.

Отечественная правовая система идет по пути полной формализации всех возможных правовых регуляторов общественных отношений. Обусловлено это тем, что принципы права в отечественном законодательстве приравниваются к правовым нормам, т. е. несут в себе обязательное предписание, за неисполнение которого предусматривается санкция со стороны государственной власти. Таким образом, при нарушении юридически незакрепленных принципов права, к самому нарушителю не может применено никаких властно-принудительных мер.

Формальное закрепление принципов права, несомненно ставится в приоритет, но, в то же время среди ученых ведутся дискуссии по поводу того, в какой форме они должны быть облачены. В частности, критике подвергается законодательное закрепление принципов права. Так, И. Л. Честнов утверждает, что перевод принципов права в законодательство не всегда является адекватным о соответствующим действительности, ввиду того, что законодатель интерпретирует их всегда по своему, часто не принимая во внимание объективные факты [2, с. 223]. Данное суждение построено на том, что принцип не может

отождествляться с нормой права, так как принцип — это обобщенное правило поведения, которое не может быть заключено в жесткие рамки, в противном случае будет нарушена вся его сущностная роль.

В противовес текстуальному изложению принципов права ряд ученых предлагают их поименование. Поименование представляет собой использование в законодательстве принципа без его раскрытия. С одной стороны, это дает вольное толкование данного принципа, но в то же время учитывая, что принципы это и есть обобщенные положения права, то использование доктринального толкования будет вполне достаточно. В качестве примера поименования принципа права можно привести равенство права и возможностей работников в трудовом праве (ст. 2 ТК РФ) и принципы справедливости, разумности и добросовестности в гражданском праве (п. 2 ст. 6 ГК РФ). Легального определения данных принципов нет, но в то же время это не говорит о том, что они не действуют на практике. Таким образом, с одной стороны сохраняется их формализованность, а следовательно, их обеспечение защиты со стороны государства, а с другой стороны нет жесткой привязки к тексту закона, что позволяет использовать принципы права в контексте фактических общественных отношений, которые постоянно видоизменяются.

Несмотря на очевидное преимущество поименование принципов, в теории права бытует мнение, что без текстуального закрепления, некоторые принципы права просто невозможно воплотить в жизнь. Вызвано это может быть повышенной сложностью значения принципа для массового осознания обществом, либо же особой значимостью общественных отношений, урегулированных принципом. Наиболее значимыми являются общественные отношения, которые затрагивают наиболее существенные права и свободы человека — право на свободу передвижения, выбора деятельности, право свободно распоряжаться собственным трудом или даже право на жизнь. Речь идет сейчас преимущественно об общественных отношениях, урегулированных нормами уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права. Действительно, если проанализировать принципы, например, уголовного права, то можно прийти к выводу, что почти все они являются принципами-нормами. Доктринальные споры и вольность толкования подобного рода норм представляется недопустимой ввиду того, что это может дезориентировать правоприменителей.

Отечественные правоведы неоднократно утверждали, что ряд отраслей российского права нуждается в модернизации, в том числе в части, касающейся правовых принципов. Н. М. Коршунов в своих трудах критиковал имеющуюся систему принципов гражданского права. В частности, критике подвергалось само закрепление принци-

пов права, которые по своей сути «разбросаны» на всем Гражданском Кодексе РФ [3, с. 105]. Не определился законодатель с терминологической идентификацией принципов права, которые в законе обозначаются как «основные начала», «общие начала и смысл». Решение данной проблемы нам представляется в следующем — полная консолидация всех принципов гражданского права в рамках одной статьи, в которой будет исчерпывающий перечень всех принципов. Данный вопрос касается не только гражданского права, но и других отраслей и институтов российского законодательства. Если провести аналогию гражданского права с уголовным или уголовно-процессуальным, то можно понять, что в последних двух куда эффективнее построена система правовых принципов.

О соотношении международного и внутригосударственного права существует несколько довольно устоявшихся позиций. Так, С. В. Черниченко отстаивал мнение, что международное право и внутригосударственное право — это абсолютно разные объекты правового регулирования, которые не имеют общего примата друг над другом, действующие в различных плоскостях и юридических измерениях [4, с. 110]. Некоторые ученые придерживаются мнения, что международное право полностью превалирует над внутригосударственным, выступая его главным регулятором. Мы же согласны в большей степени с Риадом Т. Шамсоном, который считал, что международное право и внутригосударственное право — это две тесно взаимосвязанные и относительно самостоятельные системы права, характеризующиеся постоянным взаимодействием, взаимовлиянием и развитием [5, с. 184].

Проблематика заключается также в том, что понятие принципа права в общей теории права и международном публичном праве разнятся. Так, И. С. Чабаева утверждает, что международное право в вопросе понимания принципа права хоть и придерживается положений общей теории государства и права, но все-таки использует некоторые корректировки, а именно под принципами международного права она предлагала понимать исторически обусловленные основополагающие общепринятые нормы, выражающие главное содержание международного права, его характерные черты и обладающие высшей, императивной юридической силой, с помощью которых закрепляются основы современных систем международных отношений и международного права [6, с. 29].

Закрепление принципов международного права происходит преимущественно в текстуальной форме. Основными источниками принципов международного права являются международные договоры. Считается, что главным нормативным актом, где перечислены принципы международного права сегодня, является Декларация

о принципах международного права 1970 года. Но, заметим, что в тексте самой этой декларации прописано, что её содержание носит обобщающий характер относительно принципов международных отношений. Любопытным нам представляется тот факт, что в данной декларации закреплена норма о толковании принципов международного права, в частности там сказано, что ни одно из положений не должно быть истолковано сторонами таким образом, чтобы согласно ему нарушались интересы другой стороны, или извращалось содержание Устава ООН.

Подводя итоги данного исследования, стоит заметить, что теоретические аспекты закрепления принципов права имеют непосредственное значение на их практическое применение их в правовой жизни. Именно правовые принципы дают основополагающие идеи для системы правовых взаимоотношений в государстве и в мире, а также гарантируют соблюдение естественных прав и свобод граждан. Так, даже если то или иное государство подписало международное соглашение, частью которого является закрепление определенных правовых принципов, то это совершенно не говорит о том, в данном государстве действительно будут соблюдаться эти принципы, пусть и с формальной точки зрения. Реализация принципов международного права требуют усилия сразу трех ветвей власти страны. На практике, к сожалению, это достигается не всегда, учеными не раз отмечалось, что в мировом сообществе с регулярностью нарушаются такие основные принципы как: уважение прав человека, невмешательство во внутренние дела государства, принцип сотрудничества государств.

Список источников

1. *Лановая Г. М.* Проблемы юридического закрепления общих принципов права в отечественной правовой системе: теоретико-правовой аспект // *Юридическая техника.* 2020. № 14. С. 213–216.

2. *Честнов И. Л.* Конкретизация права с позиций социальной антропологии права // *Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики: материалы Международного симпозиума (Геленджик, 27–28 сентября 2007 года)* / Под ред. доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В. М. Баранова. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2008. С. 223–224.

3. *Коришунов Н. М.* Проблемы восполнения пробелов законодательного закрепления принципов гражданского права // *Пробелы в российском законодательстве.* 2008. № 2. С. 105–106.

4. *Черниченко С. В.* Международное право: современные теоретические проблемы. М., 1993, С. 110.

5. *Риад Т. Шамсон* Соотношение международного и внутригосударственного права: методологические и теоретические аспекты // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2000. № 2. С. 183–185.

6. *Чабаева И. С.* Понятие принципов права в общей теории права и в международном публичном праве // Актуальные проблемы российского права. 2010. № 1. С. 26–29.

References

1. *Lanovay G. M.* Problems of legal consolidation of general principles of law in the domestic legal system: theoretical and legal aspect // Legal technique. 2020. No. 14. Pp. 213–216. (In Russ.).

2. *Chestnov I. L.* Concretization of law from the standpoint of social anthropology of law // Concretization of legislation as a technical and legal method of normative, interpretative, law enforcement practice: Materials of the International Symposium (Gelendzhik, September 27–28, 2007) / Edited by Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation V. M. Baranov. N. Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2008. Pp. 223–224. (In Russ.).

3. *Korshunov N. M.* Problems of filling gaps in the legislative consolidation of the principles of civil law // Gaps in Russian legislation. 2008. No. 2. Pp. 105–106. (In Russ.).

4. *Chernichenko S. V.* International law: modern theoretical problems. M., 1993. P. 110. (In Russ.).

5. *Riad T. Shamson* Correlation of international and domestic law: methodological and theoretical aspects // Bulletin of the RUDN. Series: Legal Sciences. 2000. No. 2. Pp. 183–185. (In Russ.).

6. *Chabaeva I. S.* The concept of principles of law in the general theory of law and in international public law // Actual problems of Russian law. 2010. No. 1. Pp. 26–29. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 27.10.2022; одобрена после рецензирования 01.11.2022; принята к публикации 01.11.2022.

The paper was submitted 27.10.2022; approved after reviewing 01.11.2022; accepted for publication 01.11.2022.

Научная статья
УДК 341.9
DOI: 10.47645/9785604917404_74

Исторические аспекты формирования международно-правовых норм в сфере железнодорожного транспорта

Александр Александрович Солодовников

Санкт-Петербургский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Санкт-Петербург, Россия, asolod71@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены международные договоры, регулирующие перевозочный процесс на железнодорожном транспорте евразийского континента, являющиеся источниками отраслевых правовых норм. Изученные автором материалы и анализ практических аспектов развития правовых норм, позволяют дать рекомендации и спрогнозировать пути дальнейшего развития процесса перевозок грузов железнодорожным транспортом, способствующих развитию торговых отношений между регионами Центральной Азии, Европы и Африки, Китаем, с учётом наделения железнодорожной накладной товарораспорядительной функцией.

Ключевые слова: железнодорожный транспорт, перевозка грузов, СМГС, коносамент, аккредитив, товарораспорядительный документ.

Для цитирования: Солодовников А. А. Исторические аспекты формирования международно-правовых норм в сфере железнодорожного транспорта // Актуальные проблемы национального и международного права: материалы V науч.-практ. конф. студентов магистратуры (Санкт-Петербург, 2 нояб. 2022 г.). СПб.: С.-Петерб. ин-т (фил.) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2022. С. 74–81. DOI: 10.47645/9785604917404_74.

Conference paper

Historical aspects of the formation of international legal norms in the field of railway transport

Alexander A. Solodovnikov

Saint Petersburg Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice, Saint Petersburg, Russia, asolod71@mail.ru

© Солодовников А. А., 2022.

Abstract. The article considers international agreements regulating transportation process on the railway transport of the Eurasian continent, which are sources of industry-specific legal norms. The materials studied by the author and the analysis of practical aspects of the development of legal norms make it possible to give recommendations and predict ways of further development of the process of cargo transportation by rail, contributing to the development of trade relations between the regions of Central Asia, Europe and Africa, China, taking into account the assignment of the railway waybill with a title function.

Keywords: railway transport, cargo transportation, SMGS, bill of lading, letter of credit, document of title.

For citation: Solodovnikov A. A. Historical aspects of the formation of international legal norms in the field of railway transport // Current issues of national and international law: proceedings of the 5th scientific and practical conference of master students (Saint Petersburg, November 2, 2022). Pp. 74–81. DOI: 10.47645/9785604917404_74.

Международное транспортное право [1, с. 29], регулирующее международные транспортные отношения, представляет собой совокупность правовых норм, содержащихся в национальном законодательстве, международных договорах и обычаях, которые регулируют обязательственные отношения по перевозке грузов (пассажиров и багажа) в международном сообщении, то есть осложненных иностранным элементом.

Железнодорожный транспорт в Российской Федерации, является основным в доставке сырьевых грузов для нужд народного хозяйства, в том числе на экспорт на основе международного правового регулирования перевозок грузов. Учитывая масштабы нашего государства, Российские железные дороги в 2020 году обеспечили вклад в развитие страны в размере 5,5% ВВП («Чистая прибыль РЖД в 2020 году составила 300 млн. руб.» URL: <https://tass.ru/ekonomika/10739183>), а удельный вес железнодорожного транспорта без учета трубопроводного в грузообороте страны достиг 87%.

Все перевозки грузов де-юре можно разделить на две категории: международные и внутренние (или национальные). Перемещение грузов происходит на основании договора перевозки груза, который является либо международным, либо внутренним (национальным), т. е. договор международной перевозки груза приоритетно регулируется нормами международного транспортного права, а договор внутренней перевозки — нормами национального права соответствующего государства.

В силу статьи 785 Федерального закона «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 № 14-ФЗ (да-

лее — ГК РФ) заключение договора перевозки груза подтверждается составлением и выдачей отправителю груза транспортной накладной — коносамента или иного документа. На железнодорожном транспорте таким документом, является железнодорожная транспортная накладная.

Статья 2 Федерального закона от 10.01.2003 № 18-ФЗ «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации», определяет транспортную железнодорожную накладную, как документ (перевозочный документ), подтверждающий заключение договора перевозки груза, порожнего грузового вагона или удостоверяющий заключение договора перевозки пассажира, багажа, грузобагажа. При этом, такая накладная не обладает товарораспорядительной функцией.

Спецификой международных перевозок железнодорожным транспортом, оказывающей влияние на правовое регулирование, является осуществление перевозки по железным дорогам разных государств, что приводит к необходимости решения возникающих технических и транспортных вопросов.

Таким примером, является различие ширины колеи инфраструктуры: ширина колеи железных дорог государств пространства бывшего СССР, а также Монголии и Финляндии составляет 1520 мм, а стран Европы и некоторых стран Азии, в том числе Китайской Народной Республики — 1435 мм. Это приводит к необходимости перегрузки грузов либо смене колёсных пар вагонов при передаче их на пограничной станции на железные дороги с другой шириной колеи, что определяется пограничными соглашениями между национальными железными дорогами, имеющими различную ширину колеи.

В период деятельности Совета Экономической Взаимопомощи — межправительственная экономическая организация, действовала в 1949–1991 годах и созданная представителями Албании, Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, СССР и Чехословакии, на территории этих стран действовали два международных договора, заключенные в 1950 году — Соглашение о международном железнодорожном грузовом сообщении (СМГС) и Соглашение о международном железнодорожном пассажирском сообщении (СМПС).

Действующие в настоящее время соглашения СМГС и СМПС разработаны Организацией сотрудничества железных дорог (далее — ОСЖД) при участии национальных железнодорожных администраций. Со стороны СССР участие принимало Министерство путей сообщения СССР, а в настоящее время участвует Министерство транспорта Российской Федерации [2, с. 54–55].

Так соглашение СМГС устанавливает прямое международное сообщение для перевозок грузов между железными дорогами 25 госу-

дарств: Албания, Азербайджан, Афганистан, Белоруссия, Болгария, Венгрия, Вьетнам, Грузия, Иран, Казахстан, КНР, КНДР, Киргизия, Латвия, Литва, Молдова, Монголия, Польша, Россия, Словакия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Украина, Эстония [3, с. 73].

На пространстве колеи 1520 мм технология железнодорожных перевозок, в том числе с применением договора СМГС и СМПС, устанавливается актами Совета по железнодорожному транспорту государств-участников Содружества Независимых Государств [4, с. 113–114], которые следует рассматривать как отраслевые международные договоры, и как указывает Трубин Е. М. в своём исследовании, неподлежащие ратификации в установленном законом порядке.

С 1951 года железнодорожные перевозки на евразийском железнодорожном пространстве, стали оформляются по договорам СМГС или СМПС, либо на основе Конвенции о международных железнодорожных перевозках (далее — COTIF) в рамках Единых правовых предписаний по перевозке пассажиров (далее — CIV-COTIF) или Единых правовых предписаний по перевозке грузов (далее — CIM-COTIF), насчитывающей 52 государства-участника из Европы, Азии, Северной Африки, Ближнего Востока, Северного Кавказа в рамках Межправительственной организации по международным железнодорожным перевозкам (далее — OTIF). Россия является участником указанного соглашения с оговорками [3, с. 75] [5, с. 116].

Вместе с тем, чтобы осуществить по договору международную железнодорожную перевозку груза при следовании груза из региона СМГС в регион CIM-COTIF, а также и в обратном направлении, следует заключить два договора перевозки: один по Соглашению СМГС, другой по Конвенции CIM-COTIF [5, с. 117] [6, с. 25].

Процессу унификации железнодорожного права было положено начало на 75-й сессии Комитета по внутреннему транспорту Европейской Экономической Комиссии ООН (URL: <https://unece.org/75th-jubilee-session>) в феврале 2013 г. в г. Женева, где 37 стран, включая Россию, подписали Совместную декларацию о развитии евроазиатских железнодорожных перевозок и осуществлению деятельности по созданию единого железнодорожного права, что положило начало созданию единой конвенции, регламентирующей все аспекты функционирования железнодорожных перевозок с целью унификации различных правовых норм.

Так в 2017 году в рамках реформирования и унификации железнодорожного права Министерство торговли Китайской Народной Республики, как участник СМГС, инициировало рассмотрение вопроса о расширении статуса железнодорожной накладной с приданием товарораспорядительной функции по аналогии с коносаментом, под-

тверждающим заключение договора морской перевозки груза (статьи 142, 143 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации (далее — КТМ РФ).

При этом именно отправитель по договору морской перевозки груза имеет право распоряжаться грузом (статья 149 КТМ РФ) до выдачи его получателю либо передачи такого права получателю или третьему лицу при условии уведомления перевозчика об этом, что отличает коносамент от накладной железнодорожной перевозки груза и придаёт ему функцию ценной бумаги. Именно эту особенность коносамента, следует рассматривать как товарораспорядительную функцию.

Сходные подходы к товарораспорядительной функции коносамента, обозначены как в Международной конвенции об унификации некоторых правил о коносаменте (статьи 3 и 7 Гаагско-Висбийских правил 1924 г. в редакции 1968 и 1979 гг. (Гаага-Висби правил), присоединение России ратифицировано Федеральным законом от 06.01.1999 № 17-ФЗ, так и в Конвенции ООН о морской перевозке грузов 1978 года (Гамбургские правила, статьи 1, 4, 9 и 15; Россия не присоединилась к Конвенции).

В 2019 году Китайская Народная Республика на 52-й сессии Комиссии ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ) ([URL: http://undocs.org/ru/A/CN.9/998](http://undocs.org/ru/A/CN.9/998)) и XLVII сессии Совещания Министров Организации сотрудничества железных дорог (ОСЖД) ([URL: https://osjd.org/ru/8984/page/106072?id=182001](https://osjd.org/ru/8984/page/106072?id=182001)), выступила с предложением о придании железнодорожной накладной товарораспорядительной функции.

В рамках XLVII сессии Совещания Министров ОСЖД было принято решение о создании Временной рабочей группы по подготовке предложений относительно предоставлению накладной СМГС новой товарораспорядительной функции.

При этом к основным задачам Временной рабочей группы отнесено: проведение анализа опыта использования функции товарораспорядительного документа накладной, проведение анализа положений СМГС, препятствующих решению вопросов по товарораспорядительному документу ([URL: https://osjd.org/ru/9086](https://osjd.org/ru/9086)), что, на мой взгляд, следует изучить вопросы практического применения коносамента, как товарораспорядительного документа при передаче прав на груз третьим лицам при осуществлении морских перевозок, а также учесть, что соответствующий документ перевозки груза исторически содержит в себе те особенности, присущие именно тому виду транспорта, на котором они применяются [7, с. 53].

В качестве основной позиции, администрация Китайской Народной Республики обозначала основной целью придания железнодо-

рожной накладной товарораспорядительной функции, создание условий для возможности оформления залога по аналогии с морским коносаментом, передачи товара, находящегося в пути следования и проведения торговых расчётов в мультимодальных международных перевозках, так как в настоящее время такие возможности отсутствуют. Железнодорожный «коносамент» будет решать, три основные задачи: определение прав и обязанностей собственника товара (груза), надёжный механизм контроля за товаром и подтверждение реальной выдачи товара.

Вместе с тем, при разработке изменений в СМГС, возникает ряд ключевых сложностей: наличие нескольких перевозчиков (в отличие от морских и авиаперевозок), вызывает необходимость определить какой из перевозчиков должен брать на себя ответственность по «накладной-коносаменту» [7, с. 191]. Кроме того, возникает необходимость проработки понятийного аппарата и определение использования соответствующего вида коносамента применительно к железнодорожной перевозке: ордерного, именного или на предъявителя.

Также изменения в СМГС должны обеспечить возможность использования транспортных документов в качестве гарантий для открытия документарного аккредитива со стороны банков, поскольку выдача аккредитива, предполагает возможность обращения взыскания на груз, и определение места хранения и соответствующего плательщика за хранение.

Учитывая решающую роль железнодорожного транспорта в достижении устойчивого экономического и социального развития стран Азии и Европы, и усилия, принимаемые в этом направлении Организацией сотрудничества железных дорог (ОСЖД), 25 августа 2022 года в Санкт-Петербурге прошла конференция по вопросу придания накладной СМГС товарораспорядительной функции.

Были отмечены правовые вопросы глобального характера, связанные с необходимостью разработки единых железнодорожных правил и выработки общих руководящих принципов по согласованию правовых ограничений для операций смешанных перевозок при придании накладной СМГС функции товарораспорядительного документа, что неизбежно повлечёт изменения норм транспортного права и иных отраслях права. Такие изменения потребуют решения также локальных вопросов и детализации: таможенных процедур, перевалки грузов, документооборота, а также прав и обязанностей участников перевозочного процесса.

При анализе существующих вариантов коносамента, можно отметить, что именной коносамент не потребует и не повлечёт существенных изменений в технологию пилотных железнодорожных перевозок,

и его возможно использовать в финансовых операциях. При этом ордерный коносамент, потребует создания новых способов взаимодействия между сторонами перевозочного процесса, что приводит к возникновению потенциальных рисков, как для перевозчика, так и для операторов (владельцев) подвижного состава [7, с. 26].

Для перевозчика такими рисками могут быть: простой подвижного состава на станции назначения, хаотическая переадресовка вагонов, отсутствие единого лицевого счёта у итогового получателя груза для проведения окончательных расчётов за перевозку, усложнение идентификации грузополучателя — держателя коносамента СМГС.

Операторы (владельцы) подвижного состава могут столкнуться с такими рисками как потеря управляемости парком, невозможность проведения расчётов за сверхнормативное использование вагона (контейнера), «выпадение» вагона из оборота на длительный период при простое с грузом в ожидании грузополучателя, так и увеличение расходов по возврату порожнего вагона.

При этом отправитель, у которого не будет заинтересованности в использовании накладной СМГС как товарораспорядительного документа, сможет предъявить груз к перевозке по накладной, предусмотренной в действующей редакции СМГС [7, с. 266].

Предложение Китайской Народной Республики о придании накладной СМГС функции товарораспорядительного документа, позволит увеличить грузооборот, расширит перевозчикам и отправителям сотрудничество с банками, а также поможет реализовать международную инициативу Китая в отношении концепции «Один пояс — один путь», направленную на совершенствование существующих и создание новых транспортных торговых путей, будет способствовать развитию торговых отношений между регионами Центральной Азии, Европы и Африки и Китаем, в том числе устранение препятствий по восстановлению нормального функционирования глобальных цепочек поставок в сложившейся геополитической ситуации.

Список источников

1. *Ерпылева Н. Ю., Максимов Д. М.* Правовое регулирование международных железнодорожных перевозок // *Международное право и международные организации.* 2012. № 3. С. 28–32.

2. *Холопов К. В.* Оформление международных железнодорожных перевозок грузов между Россией и странами Европы. Статья // *Российский внешнеэкономический вестник.* М. 2009. № 1. С. 54–58.

3. *Холопов К. В.* СМГС: новые правила международных железнодорожных перевозок грузов. Что обязательно надо знать об этом экс-

портёру. Статья // Российский внешнеэкономический вестник. 2016. № 5. С. 74–79.

4. *Трубин Е. М.* Акты Совета по железнодорожному транспорту государств-участников Содружества. Статус и проблемы применения в Российской Федерации // Закон и право. 2019. № 1. С. 113–121.

5. *Протасова С. А.* Актуальные вопросы регулирования железнодорожной логистики. Статья // Внешнеэкономическая деятельность ВШЭ. М. 2014, № 9. С. 114–122.

6. *Колодяжный К. Н.* Различия правового регулирования ответственности перевозчика согласно СМГС и ЦИМ: сравнительно-правовой анализ // Юридическая наука. 2018. № 6. С. 23–27.

7. *Бутакова Н. А.* Правовое регулирование прямой смешанной перевозки грузов: автореф. дис. <...> канд. юрид. наук. М. 2019. 51 с.

References

1. *Erpyleva N. Yu., Maksimov D. M.* Legal regulation of international railway transportation // International law and international organizations. 2012. № 3. P. 28–32. (In Russ.).

2. *Kholopov K. V.* Registration of international rail cargo transportation between Russia and European countries. Article // Russian Foreign Economic Bulletin. М. 2009. № 1. P. 54–58. (In Russ.).

3. *Kholopov K. V.* SMGS: new rules for international rail freight transportation. What the exporter should definitely know about this. Article // Russian Foreign Economic Bulletin. 2016. № 5. P. 74–79. (In Russ.).

4. *Trubin E. M.* Acts of the Council for Railway Transport of the Commonwealth member States. Status and problems of application in the Russian Federation // Law and Law. 2019. № 1. p. 113–121. (In Russ.).

5. *Protasova S. A.* Topical issues of railway logistics regulation. Article // Foreign Economic activity of the HSE. М. 2014, № 9. P. 114–122. (In Russ.).

6. *Kolodyazhny K. N.* Differences in the legal regulation of carrier liability according to SMGS and CIM: comparative legal analysis // Legal Science. 2018. № 6. P. 23–27. (In Russ.).

7. *Butakova N. A.* Legal regulation of direct multimodal transportation of goods: abstract. dis. <...> cand. jurid. sciences. М. 2019. 51 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 27.10.2022; одобрена после рецензирования 31.10.2022; принята к публикации 31.10.2022.

The paper was submitted 27.10.2022; approved after reviewing 31.10.2022; accepted for publication 31.10.2022.

Научная статья

УДК 340.5

DOI: 10.47645/9785604917404_82

**Анализ законодательства о робототехнике: на примере
Российской Федерации и зарубежных стран**

Маргарита Александровна Сапожникова

Санкт-Петербургского института (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Санкт-Петербург, Россия, m.sapozhnikova26@gmail.com

Мунира Рахматилловна Хусаинова

Санкт-Петербургского института (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Санкт-Петербург, Россия, khmunia1997@gmail.com

Аннотация. В данной статье авторами проведено исследование законодательства в области робототехники на примере опыта России, отдельных зарубежных стран, а также интеграционных объединений. Изучение указанной темы заключается в ее актуальности (как в Российской Федерации, так и за рубежом). Данное обстоятельство обусловлено тем, что на сегодняшний день роботизированные процессы происходят как на локальном, так и на глобальном уровнях, увеличиваются количественные показатели внедрения роботов в самые различные сферы деятельности человека.

Ключевые слова: робототехника, искусственный интеллект, нормативно-правовое регулирование, законодательство, проблемы.

Для цитирования: Сапожникова М. А., Хусаинова М. Р. Анализ законодательства о робототехнике: на примере Российской Федерации и зарубежных стран // Актуальные проблемы национального и международного права: материалы V науч.-практ. конф. студентов магистратуры (Санкт-Петербург, 2 нояб. 2022 г.). СПб.: С.-Петерб. ин-т (фил.) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2022. С. 82–88. DOI: 10.47645/9785604917404_82.

Conference paper

**Analysis of legislation on robotics: on the example
of the Russian Federation and foreign countries**

Margarita Alexandrovna Sapozhnikova

St. Petersburg Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice, Saint Petersburg, Russia m.sapozhnikova26@gmail.com

© Сапожникова М. А., Хусаинова М. Р., 2022.

Munira Rakhmatilloevna Khusainova

St. Petersburg Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice, Saint Petersburg, Russia, khmunia1997@gmail.com

Abstract. in this article, the authors conducted a study of legislation in the field of robotics on the example of the experience of Russia, individual foreign countries, as well as integration associations. The study of this topic lies in its relevance (both in the Russian Federation and abroad). This circumstance is due to the fact that today robotic processes occur both at the local and global levels, quantitative indicators of the introduction of robots into various spheres of human activity are increasing.

Keywords: robotics, artificial intelligence, regulatory and legal regulation of activities, legislation, international standards, integration associations.

For citation: Sapozhnikova M. A., Khusainova M. R. Analysis of legislation on robotics: on the example of the Russian Federation and foreign countries // Current issues of national and international law: proceedings of the 5th scientific and practical conference of master students (Saint Petersburg, November 2, 2022). Pp. 82–88. DOI: 10.47645/9785604917404_82.

Робототехника, глобальная цифровизация, искусственный интеллект — такие понятия уже не новы для современного мира. На данном этапе развития общества наблюдается высокий темп внедрения названных категорий в самые разнообразные сферы человеческой деятельности, которые ежедневно доказывают на практике свою результативность и эффективность. Так, рассматривая экстенсивный показатель, отметим, что по данным официального сайта Международной федерации робототехники (далее — МФР) за 2021 год, плотность роботов достигла 126 систем на 10 тыс. трудящихся. Стоит отметить, рассматриваемые технологии находят свое активное применение в самых различных отраслях, начиная от образовательного процесса и медицины до строительной деятельности и авиации. Так, в качестве конкретного примера можем привести использование строительных роботов, которые в свою очередь вносят неопределимый вклад в строительную индустрию. Благодаря им значительно сокращаются сроки строительства, сводятся к минимуму и предотвращаются потенциальные угрозы для жизни и здоровья человека, в процессе осуществления последним своей профессиональной деятельности. Отсюда можно сделать вывод, о том, что, процессы роботизации играют ключевую роль в повышении производительности труда.

Обращаясь к опыту Японии как одной из стран, являющейся лидером в области внедрения, применения робототехники, следует отметить, что на сегодняшний день, страна считается мировым производи-

телем робототехнических систем. Она обеспечивает 45% поставок по всему миру. Рассматривая уровень роботизации в России, отмечается, что он почти в 20 раз ниже, чем в среднем в мире.

Говоря о развитии робототехники в мире, то неоднозначную роль, на наш взгляд, сыграла и пандемия COVID-19. С одной стороны, возникли сложности с обеспечением финансирования стартапов в индустрии роботизации и проблемы с поставками необходимых составных частей роботов, а с другой — это возникновение совершенно новых инновационных идей по практическому применению робототехники в жизнь людей. На основании этого можно заключить, что проблема нормативно-правового регулирования процессов роботизации на сегодня имеет высшую ступень своей актуальности как на национальном уровне, так и на международном, в виду масштабного распространения робототехники во многих отраслях экономики. Стоит сказать, что изучения правового регулирования робототехники (в том числе и искусственного интеллекта) начались практически 50 лет назад в США [1, с. 116], но, видится, что конечный результат таких исследований еще не достигнут. Например, общепринятое определение термина «робототехника» отсутствует до сих пор.

На наш взгляд пока еще слишком рано говорить о полноценном и действенном правовом регулировании рассматриваемой сферы и применительно к российской правовой действительности в силу того, что на сегодняшний день нормативная база в индустрии робототехники весьма разрознена и находится в процессе своего становления. Так, об этом говорит отсутствие единого кодифицированного акта в области робототехники (так и искусственного интеллекта), а нормы, посвященные регламентированию процессов роботизации содержатся в отдельных нормативных актах, к примеру, в указах президента РФ, постановлениях правительства РФ и т. д. Поэтому многие общетеоретические вопросы (правосубъектность и юридическая ответственность, и т. д.), связанные с высокими процессами роботизации актуальны и требуют внимания с точки зрения правовой регламентации.

Затрагивая международно-правовые аспекты регулирования робототехники, представляется важным определить в рамках международного сотрудничества государств общие принципы (правила), благодаря которым отдельные страны получили бы возможность руководствоваться ими при формировании своего национального законодательства в области робототехники, что, несомненно, имело бы положительную тенденцию в становлении правовой базы того или иного государства.

В отличие от Российской Федерации, в отдельных зарубежных странах существует сформировавшаяся нормативная база в рассматри-

ваемой отрасли. Говоря о зарубежном опыте, ярким примером может послужить Южная Корея, где с 2008 г. (с учетом внесенных поправок 2016 г.) существует Закон «О содействии развитию и распространению умных роботов». Видится, целью принятия данного нормативно-правового акта является повышение качества условий жизни общества и государства в целом, развитие экономической составляющей с помощью разработки норм, регламентирующих устойчивое развитие отрасли робототехники. В таком интеграционном объединении как Европейский союз (далее — ЕС), стоит выделить следующий нормативный документ, который является первым этапом в становлении законодательной базы роботизированной системы — Резолюция Европейского Парламента 2017 г. «Нормы гражданского права о робототехнике». Развитие робототехники и искусственного интеллекта в ЕС берет свое начало с 2015 г., когда была сформирована специальная рабочая группа по правовым вопросам в указанной сфере. Стоит отметить, что рассматриваемый документ не обладает обязательной юридической силой, то есть, носит рекомендательный характер. В том числе, в пределах просторов евразийской интеграции, в свою очередь, так же уделяется некоторое внимание роботизации. К примеру, такой документ как «Основные направления промышленного сотрудничества» в рамках Евразийского экономического союза до 2025 года (утвержден в 2021 году Решением Евразийского межправительственного совета), к числу которых относится ускорение научно-технического прогресса и технологической трансформации в сфере промышленности, связанное с роботизацией и цифровизацией производственных процессов.

В то же время, отметим, что Российской Федерацией не оставляется без внимания вопрос правового регулирования рассматриваемой нами области. Так, в 2020 году Правительством РФ распоряжением № 2129-р была утверждена Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года». Одной из целей которая является «создание предпосылок для формирования основ правового регулирования новых общественных отношений, складывающихся в связи с разработкой и применением технологий искусственного интеллекта и робототехники и систем на их основе, а также определение правовых барьеров, препятствующих разработке и применению указанных систем».

Безусловно, особое место в процессах роботизации занимают вопросы технического регулирования. В данном случае речь идет о разработке и утверждении соответствующих стандартов (как национальных, так и международных).

В структуре Международной организации по стандартизации (ИСО) функционирует специализированный рабочий орган, который

представлен в виде технического комитета, посвященного робототехнике (ISO/TC 299 Robotics). Так, в рамках деятельности рассматриваемой организации были разработаны и опубликованы некоторые международные стандарты, посвященные робототехническим технологиям, к примеру, такие как: 1) ISO/TS 15066:2016 «Robots and robotic devices». Целью разработки такого стандарта явилась, прежде всего, необходимость определения требований безопасности промышленных роботов к рабочей среде; 2) ISO 8373:2021 «Robotics Vocabulary» (словарь по робототехническим технологиям). Применительно к Российской Федерации, примером стандартизации в рассматриваемой области является национальный стандарт ГОСТ Р 60.0.0.4-2019 «Роботы и робототехнические устройства. Термины и определения», который идентичен международному стандарту ISO 8373:2012 «Роботы и робототехнические устройства. Словарь» (ISO 8373:2012 «Robots and robotic devices – Vocabulary», IDT).

Одним из путей преодоления пробелов, существующих в нормативной базе в исследуемом нами направлении, является разработка Советом Федерации законопроекта, описывающего взаимоотношения робота и человека. Указанный законопроект будет являться фундаментом правового регулирования в отношениях, связанных с робототехническими процессами. И, что не маловажно, в нем будет отражена легальная дефиниция «робототехника», а также приведена классификация роботов по различным критериям (например, деление на гражданские и служебные). Проводя ретроспективный анализ законопроектов, нами был исследован следующий: «О внесении изменений в Гражданский кодекс РФ в части совершенствования правового регулирования отношений в области робототехники» (в научной литературе носит название как Закон «Гришина»), который был разработан международной юридической фирмой «Dentons» под авторством В. В. Архипова и В. Б. Наумова в декабре 2016 г. [2, с. 49].

А в 2017 году исследовательским центром проблем регулирования робототехники и искусственного интеллекта — «Робоправо» была разработана единственная в мировой практике модельная конвенция о робототехнике и искусственном интеллекте, определяющая базовые положения робототехники, потенциальные проблемы (и пути их решения), которые могут появиться при взаимодействии роботов с людьми, в том числе правового характера.

Анализ последних исследований и публикаций. Так, Д. А. Казанцев справедливо отмечает, что: «Отсутствие законодательного регулирования данной сферы тормозит развитие робототехнической отрасли» [3, 68]. Верно, утверждает и Т. С. Заплатина [4, с. 128], что «на

сегодняшний день отсутствует единый подход к правовой регламентации искусственного интеллекта и робототехники».

Как отмечалось ранее, дискуссионные вопросы соотношения права и роботов пользуются популярностью среди ученых, в том числе и иностранных авторов. К примеру, в отдельных зарубежных юридических научных трудах постепенно исследуется самостоятельная предметная область, т. е. складывается так называемое «право роботов» [5, с. 79]. Представляется довольно перспективным и разработка кодекса этики робототехники, затрагивающего этические проблемы роботизации. Подобные попытки предпринимались в США («Этический кодекс робота»), так и на пространстве Европы создан проект «морального кодекса для роботов».

Вывод. На основании всего вышеизложенного можно утверждать о том, что необходимость проведения исследования в рамках правового регулирования робототехники вызвана такими первопричинами как: 1) интенсивное увеличение объема роботизированных систем (роботов) как в России, так и за рубежом, которое по прогнозам специалистов будет ежегодно увеличиваться; 2) отсутствие кодифицированных законодательных актов либо отдельных правовых норм в правовых системах ряда стран, регламентирующих процессы роботизации.

Данные обстоятельства важны в силу того, что право, на наш взгляд, не должно отставать от происходящего в мировой практике технологического развития, создавая при этом определенные трудности, к примеру, при рассмотрении возможных дел в судебных органах. Кроме этого, обобщая вышеизложенное, следует учитывать и опыт отдельных зарубежных стран (интеграционных объединений) по вопросам правовой регламентации робототехники и искусственного интеллекта в целом. Применительно к сказанному отметим, что законодательство в рассматриваемой нами отрасли носит на настоящий момент фрагментарный характер, и находится лишь в стадии своего развития.

Список источников

1. *Шарпа И. А.* Анализ существующих подходов к регулированию искусственного интеллекта // Технологии XXI века в юриспруденции: Материалы III международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 21 мая 2021 года) / Отв. редактор Д. В. Бахтеев. Екатеринбург: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный юридический университет». 2021. С. 111–115.

2. *Архипов В. В.* Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робото-

технике / В. В. Архипов, В. Б. Наумов // Труды СПИИРАН. 2017. № 6 (55). С. 46–62.

3. *Казанцев Д. А.* Анализ тенденций становления правового регулирования искусственного интеллекта и роботов // Научные записки молодых исследователей. 2022. Т. 10. № 1. С. 66–76.

4. *Заплатина Т. С.* Правовые подходы к регулированию искусственного интеллекта и роботов в Европейском Союзе и его государствах-членах // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2020. № 4 (68). С. 121–128.

5. *E. Palmerini, A. Bertolini, F. Battaglia, B.-J. Koops, A. Carnevale, P. Salvini*, RoboLaw: Towards a European framework for robotics regulation // Robotics and Autonomous Systems, Vol. 86. 2016. P. 78–85. ISSN 0921-8890.

References

1. *Sharapa I. A.* Analysis of existing approaches to the regulation of artificial intelligence // Technologies of the XXI century in jurisprudence: Materials of the scientific and practical III International Conference, Yekaterinburg, May 21, 2021 / Editor-in-chief D.V. Bakhteev. Yekaterinburg: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Ural State Law University». 2021. P. 111–115. (In Russ.).

2. *Arkhipov V. V.* Artificial intelligence and autonomous devices in the context of law: on the development of the first law on robotics in Russia / V. V. Arkhipov, V. B. Naumov // Proceedings of SPIIRAN. 2017. № 6 (55). P. 46–62. (In Russ.).

3. *Kazantsev D. A.* Analysis of trends in the formation of legal regulation of artificial intelligence and robots // Scientific notes of young researchers. 2022. Vol. 10. No. 1. P. 66–76. (In Russ.).

4. *Platina T. S.* Legal approaches to the regulation of artificial intelligence and robots in the European Union and its member states // Bulletin of the O. E. Kutafin University. 2020. No. 4 (68). P. 121–128. (In Russ.).

5. *Palmerini E., Bertolini A., Battaglia F., Kups B.-J., Carnevale A., Salvini P.* RoboLaw: on the way to the European structure of robotics regulation // Robotics and autonomous systems, Volume 86. 2016. P. 78–85. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 27.10.2022; одобрена после рецензирования 27.10.2022; принята к публикации 27.10.2022.

The paper was submitted 27.10.2022; approved after reviewing 27.10.2022; accepted for publication 27.10.2022.

Научная статья

УДК 341.22

DOI: 10.47645/9785604917404_89

Международно-правовой режим Арктики

Кристина Олеговна Цуркан

Санкт-Петербургский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Санкт-Петербург, Россия, kristinaricardson@gmail.com

Аннотация. Определение режима арктического континентального пространства, а также его международно-правового статуса составляет достаточно острую современную проблему. В настоящее время отсутствует отдельный транснациональный договор, устанавливающий правовой статус Арктики. Автор статьи обращает особое внимание на опыт отдельных международных организаций, а также государств, которые проводят исследования в области международно-правового режима Арктического пространства. Кроме того, неотъемлемым элементом, составляющим перспективный вектор развития и освоения человечеством существующего Арктического пространства является национальное законодательство.

Ключевые слова: Арктика, международно-правовой режим, развитие, северный морской путь, взаимодействие, интересы.

Для цитирования: Цуркан К. О. Международно-правовой режим Арктики // Актуальные проблемы национального и международного права: материалы V науч.-практ. конф. студентов магистратуры (Санкт-Петербург, 2 нояб. 2022 г.). СПб.: С.-Петербург. ин-т (фил.) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2022. С. 89–96. DOI: 10.47645/9785604917404_89.

Conference paper

International legal regime of the Arctic

Kristina O. Tsurkan

Saint Petersburg Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice, Saint Petersburg, Russia, kristinaricardson@gmail.com

Abstract. The definition of the regime of the Arctic continental space, as well as its international legal status, is a rather acute modern problem. Currently, there is no separate transnational treaty establishing the legal status

of the Arctic. Research conducted by various international organizations and states in the field of the international legal regime of the Arctic space, as well as a decisive assessment of existing national legislation, constitute a promising basis for the development and development of the existing Arctic space by mankind.

Keywords: Arctic, international legal regime, development, northern sea route, interaction, interests.

For citation: Tsurkan K. O. International legal regime of the Arctic // Current issues of national and international law: proceedings of the 5th scientific and practical conference of master students (Saint Petersburg, November 2, 2022). Pp. 89–96. DOI: 10.47645/9785604917404_89.

Издавна базирующийся на военно-стратегическом, политическом, правовом, экономическом, а также экологических и социальных интересах стратегически важный Арктический регион оказывает непосредственное влияние на специфику принимаемых, находящимися вблизи данного пространства, приарктическими государствами составляемых соглашений и правовых актов, которые напрямую регламентируют международный и правовой режим морских пространств в Арктике.

Стоит сказать, что исследование в сфере международно-правового регулирования морских пространств Арктики является особо значимым вопросом для приарктических государств, и оказывает прямое влияние на развитие международных отношений. В связи с этим данная проблема является в современных условиях особо актуальной. Непосредственно в настоящее время неразрешены некоторые проблемы, связанные с распределением и освоением глубин и зон всего Мирового океана, носящие как экономический, так и политический характер. Открытым остается по-прежнему вопрос использования и управления такими различными ресурсами, среди которых следует выделить: энергетические и минеральные ресурсы, а также добыча последних.

Рассматривая международно-правовой режим пространства Арктики, важно отметить, такой документ как Конвенция ООН по морскому праву. Последняя представляет собой основополагающее начало правового регулирования ледяного пространства в исследуемой сфере. Следовательно, значимую роль в сформированной нормативной базе пространства Арктики занимает указанная выше Конвенция, что нашло отражение в Илулисате в 2008 году, когда состоялась встреча стран-участниц арктической пятерки, которые подтвердили особую значимость и место данной Конвенции в нормативно-правовом регулировании исследуемого пространства (Арктика:

интересы России и международные условия их реализации / авт. кол.: Ю. Г. Барсегов (рук. проекта)).

Проводя ретроспективный анализ, стоит упомянуть начало XX века, когда в указанный период времени применялся такой подход (как со стороны СССР, так и Канады), который получил впоследствии название — отраслевая теория.

Такая теория базировалась на следующем факте, что все обнаруженные территории, а именно архипелаги и острова в секторе, который состоит из прямых и пересекает Северный полюс и самый западный и самый восточный пик национальной территории государства, достанутся данному государству. Стоит сказать, что такая теория в наши дни признается не актуальной, что напрямую указывает на неприменимость в рамках международного права. Но по мнению автора, рассматриваемый подход не потерял свою значимость и на сегодня. Во-первых, это связано с тем, что под оттаявшими ледниками могут находиться острова, а также архипелаги, которые могли бы являться объектами той или иной страны.

Нельзя оставить без должного внимания тот факт, что в 1925 году Канадой, была сформулирована не противоречащая своему национальному законодательству теория, которая получила название — секторальная. Кроме того, СССР в 1926 году также сформулировал в соответствии со своим национальным законодательством Канадой в 1925 году первый раз была обозначена секторальная теория, а также данная теория была упомянута Советским Союзом, но уже в 1926 году. Вышеупомянутая теория являлась предметом споров и обсуждений различных специалистов в области международного права [1, с. 29].

Обращая свое внимание к ранее упомянутой Конвенции ООН специалистами были обнаружены моря и океаны, которые напрямую прилегают к территории того или иного государства. Важно отметить, что государствам представлена возможность по исключительно своей инициативе устанавливать границы прибрежных морей, которые непосредственно принадлежат последним (данное обстоятельство распространяется от исходных государственных линий на расстоянии, имеющем значение до 12 морских миль). Порядок установления границ прибрежного государства включает в свой состав внешнюю границу территориального моря относительно прибрежных вод, над государством в воздушном пространстве, в недрах морского дна и в водах государство принимает на себя обязательства по обеспечению территориальной независимости. Следует сказать, что имеется определенная оговорка в применении данных правил, а именно: без каких либо препятствий пересекать существующие прибрежные воды —

это право иностранных судов. А также, то или иное государство обладает правом осуществлять контроль за различными судами, с целью избежать самых многочисленных нарушений: начиная с фискальных и заканчивая иммиграционными, но стоит отметить, что данное предписание распространяется лишь в прибрежной зоне (24 морских миль от исходных линий). Нельзя оставить без внимания и такое понятие как исключительная экономическая зона, которая исчисляется 200 морскими милями от исходных линий. На данной зоне у государства имеется право на независимую разведку и использование имеющихся разнообразных природных ресурсов на морском дне, а также в водах, а также в недрах морского дна [2, с. 48].

Исследуя проблемы Арктического пространства с точки зрения международного права, то многие из таких проблем находятся лишь на начальной стадии своего разрешения. Как было упомянуто автором ранее, огромную роль в становлении норм международного права, посвященных развитию законодательства в области морского, а также международного права, в целом, явилась Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. Именно этот нормативный документ закрепил важнейшее положение касательно ширины территориального моря, было установлено расстояние в определении исключительной экономической зоны (200 морских миль). Несомненно, названная Конвенция дала большой толчок для развития морского законодательства приарктических государств, и не осталась без должного внимания проблема возможного разграничения арктических морских пространств.

Все большую значимость в современном мире приобретает вопрос загрязнения морской среды в Арктике, который в свою очередь требует координированных действий государств на международной арене. Вопросам сохранения морской среды и ответственности за такую деятельность посвящены положения Конвенции ООН по морскому праву [3, с. 50]. Надлежащее выполнение обязательств государств по упомянутой Конвенции — это, своего рода, ответственность перед всем мировым сообществом.

Признание серьезности соглашений в период кризиса между Арктическими государствами выражается в осознании в первую очередь экономической выгоды, а во-вторых — это готовность государств быть готовыми к конструктивным диалогам, а также идти на определенные уступки в рамках международных отношений. Вне всякого сомнения, ярким примером такой деятельности может являться совещание представителей государств таких стран как Россия и Канада, а именно: в 2009 году в столице России проходили важные переговоры между двумя министрами иностранных дел, упомянутых выше государств. Именно в ходе данной встречи решался вопрос о границах

континентального шельфа, являющийся в свою очередь решением другой важной проблемы — статус (положение) геоморфологических единиц Северного Ледовитого океана.

Следует отметить, что большое количество высказываний Европарламента исходит из принципа, что Арктическое пространство является зоной международного сотрудничества и мира. Однако, на текущий момент можно наблюдать очевидные признаки, подвергающие риску сферу международного сотрудничества. Депутаты Европарламента озабочены угрозами безопасности со стороны Китая и России, которые усиливают свои стратегии в Арктике. Также характерно, что Комиссия может изменить роль ЕС в Арктике непосредственно исходя из интегрированной политики ЕС.

Совместное заявление со стороны верховного Представительства ЕС и Европейской Комиссии было представлено 13 октября 2021 года в котором шла речь о возможностях усиления взаимодействия со стороны ЕС для обеспечения устойчивого развития Арктического региона и создания мира. Арктический регион считается стратегически важным для ЕС в связи с добычей сырьевых ресурсов, вопросом по изменению климата, а также геостратегического влияния. Возможности и вопросы, связанные со сферой безопасности, геополитики, экономики, а также социальные и экологические вызовы находят свои ответы в представленной стратегии. Данная стратегия имеет свою направленность на расширение взаимодействия с партнерами для поиска конкретных подходов и для разрешения данных вызовов [4, с. 167].

Депутаты Европарламента обсуждают немедленного изменения концепции восприятия Арктики, в связи с возрастающей международной напряженностью, которая вынуждает Евросоюз пересматривать заложенный политический курс в данном направлении. В связи с увеличением меры доступности Арктического региона роль ЕС может снижаться, в связи с возможной стратегией, предложенной Евросоюзом по принятию в Арктике новых мер по усилению безопасности в случае роста геополитической напряженности. При этом, учитывая данную стратегию, депутаты Европарламента заявляют о необходимости сотрудничества с Россией по Арктике, однако данная дискуссия упирается в санкции по отношению к РФ. Однако, если ситуация не включала бы в себя санкционное давление, сотрудничество ЕС и России в отношении Арктического региона могло быть гораздо более интенсивным, учитывая заинтересованность обеих сторон в сфере данного вопроса. Осознание возможностей и перспектив синергии по арктическим вопросам в данный момент сводится к нулевой вероятности в сфере санкционного давления, в связи с чем данный фактор является деактуализированным.

Санкционное давление по отношению к Российской Федерации затронуло сферу арктических нефтегазовых проектов в связи с их прямым взаимодействием по экономической политике. Целью рассматриваемых проектов, несомненно, является надлежащее обеспечение большей части загрузки Северного морского пути (далее — СМП). Вынужденные оставить, в связи с санкциями, дальнейшее участие в проектах различные западные компании также отказались на данный момент и от дальнейших инвестиций по ним. Однако следует отметить, что такое положение дел не должно оказать сильного влияние на загруженность грузового потока через СМП. Со стороны правительства будет происходить субсидирование регулярных грузоперевозок по СМП. Однако, грузоперевозки по СМП на данный момент не могут конкурировать по экономической эффективности грузоперевозке через Суэцкий канал, но тем не менее они обладают достаточной экономической эффективностью для реализации по принципам государственно-частного партнерства и могут стать основой для получения масштабной макроэкономической отдачи [5, с. 19].

Основной показатель по росту нагрузки СМП к 2024 году до общего значения в 80 млн. тонн сохранится согласно ранее заявленным пунктам в указе президента, учитывая это энергетические ресурсы обеспечат главную нагрузку данного морского коридора. Дополнительно правительство реализует различные меры государственной поддержки нефтегазодобывающих компаний. Отклонений в переносе сроков по реализации данных проектов в рамках программы по СМП в ближайшее время заявлено не было [6, с. 19].

Планирование в сфере обеспечения грузопотока по СМП на данный момент неизменны, значение в 80 млн. тонн должно быть обеспечено к 2024 году, к 2030 данное значение составляет 120 млн. тонн, а к 2035 году — 180 млн. тонн. Следует отметить, что в 2020 году объем грузоперевозок поднялся выше 33 млн. тонн. Подавляющее большинство данной нагрузки к 2024 году должно обеспечить производство сжиженного природного газа (СПГ) и новые перспективные нефтедобывающие проекты, но на сегодняшний день говорить об это пока рано. Часть из данных проектов уже реализована, а другая часть состоит в той или иной фазе реализации. Учитывая вышеизложенное, выход и отказ от инвестиций со стороны европейских участников из данных проектов может лишь в небольшой степени отсрочить их запуск, но не препятствовать их прекращению [7, с. 123].

Так, Арктика является центром сосредоточением совершенно разнообразных областей, включая, к примеру, социальные, экономические, а также и экологические. Выделенные и исследуемые области являются важным фундаментом для формирования надлежащей нор-

мативной правовой базы, регламентирующей правовой режим морских пространств Арктики.

Исходя из вышеизложенного, следует, что на данный момент внешнеполитическая сфера деятельности Европейского Союза сведена исключительно к взаимоотношениям с Россией. Учитывая политику, проводимую на данный момент Европейским союзом, можно сделать вывод, что существует несколько вариантов развития взаимоотношений и геополитики в Арктике, а именно три вариации. Первым является вариант, который предполагает доминирование геополитического сотрудничества. Иными словами, данный вариант несет в себе концепцию «Арктического Средиземноморья», в которой будут открываться новые цели по развитию ресурсного потенциала в XXI веке. Именно по реализации в Арктическом регионе модели по ускоренному развитию в сфере инновации, освоение в данной области новых фундаментальных знаний и развитие экономики при факторе обмена и взаимодействия накопленным опытом с целью дальнейшего развития. Прямо противоположный сценарий является конфронтационным, более силовым, предполагающий наличие главенствующего и жесткого геополитического соперничества, которое практически невозможно без увеличения конфронтации, охватывающей различные сферы, силовое противостояние и противоборство, милитаризацию Арктики, ее раздел и дальнейший передел. Также возможен третий смешанный тип сценария, предполагающий различные факторы как по геополитическому сотрудничеству, так и борьбе, и их различные комбинации, включая синергию силовых и мирных инструментов разрешения арктических проблем. В ближайшей перспективе рассмотрения данного вопроса взаимодействия в Арктическом, учитывая интеграционную политику стран ЕС, можно сделать вывод, что более вероятен последний сценарий развития.

Список источников

1. Барсегов Ю. Г., Корзун В. А. Арктика: интересы России и международные условия их реализации // Правовая инициатива. 2017. № 2. С. 28–34.
2. Гицу М. А. Международно-правовой режим Арктики (концептуальное противостояние) // Государство и право. 2018. № 6. С. 45–58.
3. Дериглазова Л. В. Между идеальным и реальным: социальная политика европейского союза в 2000-е годы // Вестник Кемеровского государственного университета. Т. 3. № 2 (54). 2013. С. 46–51.
4. Доренко К. С. Современная социальная политика стран Европейского союза: проблемы и перспективы развития // Юридическая наука. № 3. 2017. С. 166–172.

5. *Кавешников Н. Ю.* Институционально-политическое развитие ЕС: кризис и варианты трансформации // *Мировая экономика и международные отношения.* № 5. 2017. С. 14–24.

6. *Копылов М. Н.* О правовом режиме Арктики // *Правовая инициатива* № 12. С. 18–21.

7. *Малеев Ю. Н.* Континентальный шельф России в Арктике: управление и использование без борьбы // *Международное право / International Law.* Т. 1 (37). 2014. С. 120–124.

References

1. *Barsegov Yu. G., Korzun V. A.* The Arctic: Russia's interests and international conditions for their implementation // *Legal Initiative.* 2017. № 2. P. 28–34. (In Russ.).

2. *Gitsu M. A.* The international legal regime of the Arctic (conceptual confrontation) // *State and Law.* 2018. № 6. P. 45–58. (In Russ.).

3. *Deriglazova L. V.* Between the ideal and the real: the social policy of the European Union in the 2000s // *Bulletin of Kemerovo State University.* Vol. 3. № 2 (54). 2013. P. 46–51. (In Russ.).

4. *Dorenko K. S.* Modern social policy of the European Union countries: problems and prospects of development // *Legal Science.* № 3. 2017. P. 166–172. (In Russ.).

5. *Kaveshnikov N. Yu.* Institutional and political development of the EU: crisis and transformation options // *World Economy and International Relations.* № 5. 2017. P. 14–24 (In Russ.).

6. *Kopylov M. N.* On the legal regime of the Arctic // *Legal Initiative* № 12. P. 18–21. (In Russ.).

7. *Maleev Yu. N.* The continental shelf of Russia in the Arctic: management and use without struggle // *International Law.* Vol. 1 (37). 2014. P. 120–124. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 23.10.2022; одобрена после рецензирования 31.10.2022; принята к публикации 31.10.2022.

The paper was submitted 23.10.2022; approved after reviewing 31.10.2022; accepted for publication 31.10.2022.

**УГОЛОВНОЕ ПРАВО.
КРИМИНОЛОГИЯ.
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ
ПРАВО**

Научная статья

УДК 342.2

DOI: 10.47645/9785604917404_99

Акты прокурорского реагирования: проблемы и перспективы

Виктор Тимурович Горбачук

ФГБОУ «Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА)», Москва, Россия, gorbachuk.2000@mail.ru

Аннотация. В работе предоставлен сравнительно-правовой анализ актов прокурорского реагирования. На основании доктринальных источников автор определяет сущность актов прокурорского реагирования через дефиницию. Выделены особенности и структура протеста, постановления, предостережения и представления. Среди проблем автор выделяет низкую эффективность применения рассматриваемого механизма регулирования общественных отношений. В заключении предлагаются пути решения поставленных в работе проблем.

Ключевые слова: прокуратура, протест, представление, постановление, предостережение, структура, эффективность, современные технологии.

Для цитирования: Горбачук В. Т. Акты прокурорского реагирования: проблемы и перспективы // Актуальные проблемы национального и международного права: материалы V науч.-практ. конф. студентов магистратуры (Санкт-Петербург, 2 нояб. 2022 г.). СПб.: С.-Петерб. ин-т (фил.) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2022. С. 99–105. DOI: 10.47645/9785604917404_99.

Conference paper

Acts of prosecutorial response: problems and prospects

Victor T. Gorbachuk

Federal State Budgetary Educational Institution «Kutafin Moscow State Law University» (MSAL), Moscow, Russia, gorbachuk.2000@mail.ru

Abstract. The paper provides a comparative legal analysis of the acts of prosecutorial response. On the basis of doctrinal sources, the author defines the essence of acts of prosecutorial response through the definition. The

features and structure of the protest, ruling, warning and representation are highlighted. Among the problems, the author identifies the low efficiency of application of the considered mechanism of regulation of social relations. In the conclusion the ways to solve the problems posed in the work are proposed.

Keywords: prosecutor's office, protest, submission, ruling, warning, structure, efficiency, modern technology.

For citation: Gorbachuk V. T. Acts of prosecutorial response: problems and prospects // Current issues of national and international law: proceedings of the 5th scientific and practical conference of master students (Saint Petersburg, November 2, 2022). Pp. 99–105. DOI: 10.47645/9785604917404_99.

Прокуратура занимает особое место в системе органов государственной власти. Определение прокуратуры дается в ч. 1 ст. 1 Федерального закона «О прокуратуре». Данный нормативно-правовой акт раскрывает положения Конституции о прокуратуре. Назначение прокуратуры, как единой и централизованной системы федеральных органов государственной власти заключается в надзоре за исполнением нормативно-правовых актов, в надзоре за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, а еще работники прокуратуры вправе участвовать в уголовном преследовании (ст. 23 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации»).

Анализируя закон о «О прокуратуре», можно заметить, что органы прокуратуры осуществляют надзор в разных сферах. Для того, чтобы понять сущность прокурорской деятельности, необходимо разобрать понятие надзора и формы его проявления [1, с. 64].

В законе не дается определения надзору, как виду деятельности, а лишь перечисляются и описываются сферы реализации надзора. В учебной и научной литературе многие авторы понимают надзор, как вид государственной деятельности, направленной на исполнение законов, соблюдение прав и свобод человека и гражданина. Суть надзора заключается, прежде всего, в проверке действий или бездействий физических лиц, юридических лиц, органов государственной власти и органов местного самоуправления на предмет законности. Часто в учебной литературе авторы отождествляют контроль и надзор. Следует понимать, что контроль представляет собой проверку деятельности на целесообразность и законность, а надзор — проверка на законность [2, с. 100–103]. Например, Федеральная налоговая служба может провести проверку, чтобы выяснить соответствует ли деятельность организации тем целям, которые указаны в ее уставе. Тем временем, прокурор может проверить деятельность этой же организации на соблюдение законов при осуществлении такой деятельности.

Деятельность прокуроров, их заместителей выражается в актах прокурорского реагирования. Закон не содержит в себе дефиниции актов прокурорского реагирования, а лишь перечисляет их. Для того, чтобы дать определение данному понятию необходимо сначала выявить соответствующие признаки. Так, в первую очередь акты прокурорского реагирования должны быть основаны на законе. Им свойственна императивность и оперативность. Эти два признака выражаются в обязательном рассмотрении того или иного акта прокурорского реагирования в определенные сроки. Акты прокурорского реагирования предназначены для определенного круга лиц, что делает их индивидуально-определенными, выраженные в письменной форме [3, с. 138].

Таким образом, под актами прокурорского реагирования следует понимать правовые средства, применяемые должностными лицами в целях профилактики и предупреждения правонарушений [3, с. 140].

В федеральном законе «О прокуратуре» ст. 23-25.1 посвящены актам прокурорского реагирования, а именно протесту, представлению, постановлению и предостережению.

Эти акты можно разделить в зависимости от функций на три группы: предупредительные (предостережение о недопустимости нарушения закона), пресекательные (протест) и карательные (постановление о возбуждении производства об административном правонарушении).

Некоторые авторы учебников по административному праву и прокурорскому надзору делят вышеуказанные акты на общие и специальные. Общие акты применяются во всех отраслях надзора, примером может послужить протест. Специальные акты характерны для определенной отрасли или деятельности прокурора, например, иск прокурора в суд [4, с. 57].

Необходимо рассмотреть каждый вид акта прокурорского реагирования для того, чтобы понять в чем и как выражается деятельность прокурорских работников.

Протест прокурора, в соответствии со ст. 23 федерального закона «О прокуратуре» представляет собой возражение от имени государства органам, должностным лицам, суду по поводу принятия указанными субъектами актов, противоречащих законодательству. Протест выражается в требовании отменить или изменить какие-либо акты. Протест подлежит обязательному рассмотрению, в течении 10 дней. Если протест выносится представителю органу, то он должен быть рассмотрен на ближайшем заседании такого органа. В исключительных случаях, прокурор вправе установить сокращенный срок рассмотрения протеста. В этом и выражается такой признак актов реагирования прокурора, как оперативность. В случаях, когда основания вынесения протеста потеряли свою актуальность, прокурор вправе

отозвать данный протест. Например, высшее должностное лицо субъекта РФ отменило указ, в связи с которым был вынесен прокурорский протест до рассмотрения такого протеста.

По своей структуре протест состоит из вступительной, описательной, мотивировочной и заключительной части. Вступительная часть содержит наименования адресата, наименование акта и предмет протеста. Описательная часть раскрывает содержание акта, на который вынесен протест. Мотивировочная часть содержит убеждения прокурора о важности изменения или отмены документа. Заключительная часть содержит логические выводы, сделанные на основании выше-сказанных 3 частей [3, с. 148].

Следующая статья (24) рассматриваемого федерального закона раскрывает содержание следующего акта прокурорского реагирования — представления.

Представление по поводу устранения правонарушений вносится органам государственной власти, органам местного самоуправления, должностным лицам, которые могут и должны устранить определенные нарушения закона. В течении 30 дней со дня представления уполномоченные субъекты должны принять соответствующие меры, чтоб устранить указанные в представлении правонарушения.

Как правило, представление вносится не на одно конкретное правонарушение, а на те правонарушения, которые неоднократно повторяются. Представление содержит в себе факт нарушения закона, условия, повлекшие такое нарушение и требование об устранении. Как и уже проанализированный протест, представление состоит из вводной, описательной, мотивировочной и заключительной частей. Особенностью данного акта прокурорского реагирования состоит в том, что если Постановления Правительства не соответствуют Конституции и федеральным законам, то Генеральный прокурор информирует об этом Президента [5, с. 34].

Двадцать пятая статья закона «О прокуратуре» раскрывает сущность прокурорских постановлений. Прокурор выносит постановление о возбуждении производства по делам об административном правонарушении. Постановление направленно против определенного лица, нарушившего положения закона.

Основной целью постановления можно назвать привлечения виновного к административной ответственности. Важно, что постановление выносится только тогда, когда существуют все элементы состава правонарушения. Например, не может быть вынесено постановление по поводу совершения правонарушения лицом, не достигшим возраста привлечения к административной ответственности, то есть лицу, не достигшему шестнадцатилетнего возраста.

Постановление прокурора состоит, как и ранее рассмотренные акты прокурорского реагирования из четырех частей. Отличие в структуре заключается в том, что вместо заключительной части постановление содержит резолютивную часть. Эта часть состоит из двух компонентов: постановляющего и распорядительного. Постановляющий компонент заключается в указании прокурора возбудить дело об административном правонарушении, а распорядительный компонент заключается в том, что прокурор указывает на тщательное изучение материалов дела и разрешение дела по существу [3, с. 149].

Как и проанализированные акты прокурорского реагирования постановлении о возбуждении дела заканчивается подписью прокурора с указанием на инициалы и классный чин.

В 1999 году в федеральный закон, регулирующий деятельность прокуратуры, была введена статья 25.1 посвященная еще одному акту прокурорского реагирования — предостережению о недопустимости нарушения закона. Суть данного акта заключается в том, что если имеются сведения о возможных противоправных деяниях, то прокурор либо же его заместитель направляют должностным лицам, уполномоченным предотвратить правонарушение. Если же у прокурора имеются сведения содержащие в себе элементы экстремисткой деятельности, то прокурор может направить предостережение руководителю общественных, в том числе и религиозных объединений.

Чаще всего предостережение прокурора направлено на должностных лиц, которые могут допустить нарушение закона. Данный документ состоит уже из трех частей — вводной, описательной и резолютивной. Особенность предостережения заключается в том, что оно выполняет функцию по предотвращении террористической и экстремисткой деятельности. Если указанные в постановлении требования прокурора не выполнены, то те должностные лица, которым оно направлено могут быть привлечены к ответственности за бездействие.

Все акты прокурорского реагирования облечены в письменную форму, но прокурор так же может при необходимости устно выразить свои требования. Иногда устные требования фиксируются, например, в судебном протоколе.

Обычно по одному вопросу применяются один акт. Однако, закон не запрещает использовать несколько актов одновременно. Например, прокурор на незаконный правовой акт может внести протест и представление об устранении причин нарушения закона и условий тому способствующих [5, с. 38].

Таким образом, можно сделать вывод, что все проанализированные акты прокурорского реагирования обладают общими призна-

ки, хотя и регулируют различные правоотношения между разными субъектами. Сегодня основной проблемой в правоприменительной практике остается запоздалость в их принятии. Акты прокурорского реагирования должны быть своевременными и в то же время аргументированными. Для того, чтобы акты прокурорского реагирования стали более эффективными и результативными необходимо создать механизм направления и составления таких актов с применением современных технологий. В таком случае акты прокурора будут быстрее доходить до органов власти, должностных лиц и иных субъектов, и они будут рассматриваться оперативно. Акты прокурорского реагирования влияют не только на правоприменение, но и на правотворческий процесс. Все названные меры могут помочь избежать коллизий и пробелов в праве, что значительно повлияет на повышение правовой культуры в обществе, на сокращение нарушений закона. Важно понимать, что повышение эффективности каждого из правовых средств, в данном случае актов прокурорского реагирования, влияет на становление и развитие России, как правового государства.

Список источников

1. *Авагимова Ю. А.* Понятие акта прокурорского реагирования через его сущность // *Правопорядок: история, теория, практика.* № 2 (13). 2017. С. 64–66.
2. *Бессарабов В. Г.* Государственный контроль и прокурорский надзор в России: монография / В. Г. Бессарабов. М.: Юрлитинформ. 232 с.
3. *Калинин В. Н.* Акты прокурорского реагирования на выявленные нарушения закона // *Следователь.* Федеральное издание. № 4. М. 2004. С. 55–61.
4. *Ковешникова Н. Р.* К вопросу о понятии и сущности актов прокурорского реагирования современной российской прокуратуры // *Сущность актов прокурорского реагирования.* Екатеринбург. № 2. 2010. 303 с.
5. *Корешникова Н. Р.* К вопросу о понятии и сущности актов прокурорского реагирования современной российской прокуратуры // *Пробелы в российском законодательстве.* 2010. № 2. С. 34–39.

References

1. *Avagimova Yu. A.* The concept of the act of prosecutorial response through its essence // *Law and order: history, theory, practice.* № 2 (13). 2017. С. 64–66. (In Russ.).

2. *Bessarabov V. G.* State control and prosecutorial supervision in Russia: monograph / V. G. Bessarabov. M.: Yurlitinform. 232 p. (In Russ.).

3. *Kalinin V. N.* Acts of prosecutorial response to detected violations of the law // Investigator. Federal edition. No. 4. M. 2004. pp. 55–61. (In Russ.).

4. *Koveshnikova N. R.* On the question of the concept and essence of the acts of prosecutorial response of the modern Russian prosecutor's office // The essence of the acts of prosecutorial response. Yekaterinburg. No.2. 2010. 303 p. (In Russ.).

5. *Koreshnikova N. R.* On the concept and essence of the acts of prosecutorial response of modern Russian prosecutor's office // Gaps in the Russian legislation. 2010. №2. P. 34–39. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 29.09.2022; одобрена после рецензирования 20.10.2022; принята к публикации 20.10.2022.

The paper was submitted 29.09.2022; approved after reviewing 20.10.2022; accepted for publication 20.10.2022.

Научная статья
УДК 343.14
DOI: 10.47645/9785604917404_106

**Некоторые вопросы, связанные с оценкой
доказательств в уголовном судопроизводстве**

Василий Богданович Дыбенко

Санкт-Петербургский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Санкт-Петербург, Россия, vasyok.dyba@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются положения действующего УПК РФ, регламентирующие порядок оценки доказательств в уголовном судопроизводстве. Кроме того, исследуется структура субинститута оценки доказательств, ее элементы, а также их взаимосвязь между собой. Вместе с тем, анализируются точки зрения различных исследователей относительно вопросов содержательного аспекта характеристики элементов субинститута оценки доказательств, которые носят проблемный характер.

Ключевые слова: оценка доказательств, субъекты оценки доказательств, способ оценки доказательств, внутреннее убеждение, совесть.

Для цитирования: Дыбенко В. Б. Некоторые вопросы, связанные с оценкой доказательств в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы национального и международного права: материалы V науч.-практ. конф. студентов магистратуры (Санкт-Петербург, 2 нояб. 2022 г.). СПб.: С.-Петерб. ин-т (фил.) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2022. С. 106–112. DOI: 10.47645/9785604917404_106.

Conference paper

**Some issues related to the assessment of evidence
in criminal proceedings**

Vasily B. Dybenko

Saint Petersburg Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice, Saint Petersburg, Russia, vasyok.dyba@yandex.ru

Abstract. The article considers the provisions of the current Code of Criminal Procedure of the Russian Federation governing the procedure for as-

sessing evidence in criminal proceedings. In addition, the structure of the sub-institute for assessing evidence, its elements, as well as their relationship with each other are investigated. At the same time, the points of view of various researchers are analyzed regarding the issues of the substantive aspect of characterizing the elements of the sub-institute for assessing evidence, which are problematic in nature.

Keywords: evaluation of evidence, subjects evaluating evidence, method to evaluate evidence, inner conviction, conscience.

For citation: Dybenko V. B. Some issues related to the assessment of evidence in criminal proceedings // Current issues of national and international law: proceedings of the 5th scientific and practical conference of master students (Saint Petersburg, November 2, 2022). Pp. 106–112. DOI: 10.47645/9785604917404_106.

Согласно положению, которое предусмотрено ч. 1 ст. 17 УПК РФ, закрепляющему принцип свободы оценки доказательств, субъекты уголовно-процессуального доказывания: судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью.

Вместе с тем, в соответствии с частью 2 указанной нормы, никакие доказательства не могут иметь заранее установленной силы.

Исходя из содержания рассматриваемой нормы, стоит отметить, что такая уголовно-процессуальная категория как оценка доказательств, являющаяся завершающей стадией уголовно-процессуального доказывания как такового, имеет собственную структуру, состоящую из следующих элементов:

- 1) круг субъектов оценки доказательств;
- 2) внутреннее убеждение;
- 3) закон и совесть как руководящие начала деятельности субъектов, осуществляющих оценку доказательств.

Кроме того, следует подчеркнуть, что анализ представленных категорий вряд ли возможен без учета положений ст. 88 УПК РФ, которые закрепляют правила и критерии оценки доказательств, в частности, предписывая, что каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности — достаточности для разрешения уголовного дела.

В связи с этим, анализируя круг субъектов, указанных в ст. 17 УПК РФ, стоит отметить, что в литературе данный вопрос носит весьма спорный характер, ввиду чего существует ряд точек зрения на

предмет того, какие категории лиц должны включаться в указанный перечень.

Ряд авторов придерживается позиции монособъектности, сущность которой сводится к наделению правовым статусом субъекта доказывания исключительно суд. Это объясняется, прежде всего, тем, что «субъектом права на установление допустимости доказательств должен быть только суд» [1, с. 190], поскольку оценка доказательств, которая производится иными субъектами (прокурором, следователем, дознавателем) в ходе досудебного производства по делу не носит для суда обязательный характер.

При этом, рассмотренная выше позиция, как кажется, небезосновательно подвергается критике, главным образом, по причине того, что на основании оценки доказательств, производимой иными субъектами, указанными в ст. 17 УПК РФ, на досудебной стадии уголовного судопроизводства принимается ряд процессуальных решений, которые имеют соответствующие правовые последствия. В частности, вынося постановление о производстве какого-либо следственного действия в случае, который не терпит отлагательств, следователь либо дознаватель приходит к выводу о наличии указанного обстоятельства, исходя из оценки имеющихся у него доказательств на тот момент времени, в который принимается названное процессуальное решение. Таким образом, сторона обвинения так же, как и суд осуществляет оценку доказательств и является ее полноправным субъектом.

Кроме того, существует иная точка зрения. Авторы, согласные с ней, полагают, что «оценку доказательств в уголовном судопроизводстве может осуществлять любой его участник, включая сторону защиты, юридическое значение для разрешения конкретного уголовного дела, а главное, для определения дальнейшей судьбы подозреваемого, обвиняемого или подсудимого, имеет оценка доказательств, осуществляемая либо судьей единолично, либо коллегией судей, а также стороной обвинения в лице прокурора, следователя и дознавателя» [2, с. 93–96]. Иными словами, данная позиция предлагает не осуществлять привязку самого содержания процесса оценки доказательств к юридическим последствиям таковой. Представляется, что подобное мнение не выглядит обоснованным, поскольку положение ч. 4 ст. 15 УПК РФ указывает на то, что стороны обвинения и защиты равноправны перед судом.

Таким образом, исходя из того, что в действующем уголовно-процессуальном законодательстве отсутствуют абсолютно-определенные критерии, определяющие правовой статус субъекта оценки доказательств, наверное, следует согласиться с позицией авторов, полагающих, что существует необходимость увеличить круг субъектов, ука-

занных в ч. 1 ст. 17 УПК РФ, включив в их число все категории лиц, которые указаны в главах 6–7 УПК РФ.

Рассматривая такой элемент процесса оценки доказательств как внутреннее убеждение, следует подчеркнуть, что содержательный аспект обозначенной категории по-разному оценивается в литературе. Ряд авторов рассматривает внутреннее убеждение в качестве метода оценки доказательств, говоря о том, что его использование позволяет оценивать доказательства по реально присущим им свойствам и является методом подхода к определению их характера и значения по делу [3, с. 130].

Иные авторы предлагают определять внутреннее убеждение как психическое отношение лица, производящего оценку доказательств, к истинности результатов познания имеющихся объектов [4, с. 87]. Здесь имеется в виду, что названное психическое отношение должно формироваться у субъекта на основании анализа упомянутых результатов познания, производимого путем установления их соответствия объективной действительности.

Вместе с тем, имеется точка зрения, являющаяся неким синтезом приведенных выше позиций: «внутреннее убеждение как результат оценки доказательств означает уверенность следователя, судей в правдивости выводов, к которым они пришли в ходе уголовно-процессуального доказывания» [5, с. 211]. То есть, внутреннее убеждение рассматривается как комплексная категория, которая вбирает в себя характеристики как общеметодологического, так и субъективно-психологического подхода.

При этом, некоторые авторы обращают внимание на необходимость разграничения категории «внутреннее убеждение» с производными от нее категориями: «убеждение называется внутренним не только оттого, что зреет в сознании оценивающего субъекта (это только предубеждение), — оно внутреннее, главным образом потому, что единственным убежищем, внутри которого сокрыта истина, служит наличная совокупность доказательств» [6, с. 97].

Таким образом, категорию «внутреннее убеждение», несмотря на то, что положение ч. 1 ст. 17 УПК РФ наделяет ее методологическими характеристиками, сложно рассматривать исключительно в качестве способа оценки доказательств, поскольку сама названная категория, исходя из своей имманентной природы, имеет психологическое происхождение. Стало быть, следует полагать, что внутреннее убеждение все-таки стоит рассматривать как принцип — основополагающий постулат, на котором базируются категории, выступающие как руководящие начала деятельности субъектов, осуществляющих оценку доказательств — закон (применительно к положениям ст. 88 УПК РФ) и совесть.

Следует пояснить, что обозначенный выше вывод имеет легко заметную взаимосвязь со сформулированными в литературе критериями общего характера, используя которые субъекты производят оценку доказательств. Речь идет о нормативном и нравственном критериях. Очевидно, что категорию «совесть» следует анализировать применительно ко второму из названных критериев. При этом, следует обращать внимание на тот характер и степень воздействия, которое упомянутая категория оказывает на нормативный критерий.

В литературе существует несколько подходов к толкованию понятия «совесть». С точки зрения В. В. Мельника, ее следует рассматривать в качестве фактора, который наделяет лицо, производящее оценку доказательств, способностью осуществлять нравственную саморегуляцию и самоконтроль, действуя с опорой на положения уголовно-процессуального закона и нормы нравственности, к числу которых следует относить и нормы профессиональной этики [7, с. 191].

Стоит отметить, что данный подход подвергается критике. Ряд авторов полагает, что в приведенном определении внимание акцентируется, главным образом, на имеющуюся у лица, производящего оценку доказательств, способность, то есть возможность либо умение, осуществлять нравственный самоконтроль. В то же время, с точки зрения упомянутых авторов, содержание нормы, предусмотренной ст. 17 УПК РФ, предполагает, что субъект оценки доказательств имеет не возможность, а, напротив, — долг, выражающийся в обязательстве следовать чувству нравственной ответственности перед личностью, обществом и государством за свои решения и правовые поступки [8, с. 153].

Схожей с обозначенной точкой зрения позиции придерживаются авторы, предлагающие рассматривать совесть как фактор, должный побуждать «суд, прокурора, следователя, орган дознания и дознавателя активно действовать в поисках истины по уголовному делу с тем, чтобы принять решение, отвечающее и этическим представлениям о должном и справедливом» [9, с. 107–108]. Подразумевается, что процесс оценки доказательств, как и процесс доказывания в целом должен базироваться на нравственных началах, что объясняет использование категории «совесть», которой надлежит выступать в качестве морального свойства лица, производящего оценку доказательств, которое позволяет ему устанавливать соотношение между содержанием собственных действий и нормами общественной морали [10, с. 43–44].

В связи с вышеизложенным, имеются основания полагать, что совесть как нравственная категория выступает в роли воздействующего на правовые поступки лица фактора, который пробуждает в его разуме внутреннее чувство ответственности за принимаемые им решения.

Кроме того, она оказывает влияние на возникновение ощущения независимости при формировании внутреннего убеждения и, наконец, обеспечивает соответствие процессуального решения моральным установкам общества. Таким образом, существующее в литературе мнение о нормативной регламентации названной нравственной категории может быть признано вполне обоснованным.

Список источников

1. *Терехин В. В.* Стандарты допустимости доказательств в уголовном процессе // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2016. № 1 (33). С. 188–193.
2. *Маслова М. В.* Некоторые вопросы оценки судом доказательств в уголовном процессе по внутреннему убеждению // *Современное право*. 2015. № 3. С. 93–96.
3. *Зинатуллин З. З., Егорова Т. З., Зинатуллин Т. З.* Уголовно-процессуальное доказывание: Концептуальные основы. Ижевск, 2002. 228 с.
4. *Левченко О. В.* Внутреннее убеждение как метод оценки доказательств в уголовном судопроизводстве // *Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева*. 2013. № 2 (78). С. 87–91.
5. *Победкин А. В.* Уголовно-процессуальное доказывание: моногр. / М.: Юрлитинформ, 2009. 416 с.
6. *Смирнов А. В.* Состязательный процесс: моногр. / СПб.: Альфа, 2001. 320 с.
7. *Мельник В. В.* Искусство доказывания в состязательном уголовном процессе: моногр. / М.: Дело, 2000. 496 с.
8. *Ряполова Я. П., Снегирева Д. Е.* Совесть как нравственный критерий деятельности по оценке доказательств в уголовном процессе // *Известия Юго-Западного государственного университета*. Сер.: История и право. 2018. Т. 8, № 4 (29). С. 151–161.
9. *Кругликов А. П., Дикарев И. С., Бирюкова И. А.* Принципы уголовного процесса Российской Федерации. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. 191 с.
10. *Будников В. Л.* Совесть как нравственный критерий доказывания в уголовном судопроизводстве // *Российская юстиция*. 2010. № 1. С. 43–44.

References

1. *Terekhin V. V.* Standards of admissibility of evidence in criminal proceedings // *Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod*

Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. № 1 (33). P. 188–193. (In Russ.).

2. *Maslova M. V.* Some issues of the court's assessment of evidence in a criminal trial on internal conviction // *Modern law*. 2015. № 3. P. 93–96. (In Russ.).

3. *Zinatullin Z. Z., Egorova T. Z., Zinatullin T. Z.* Criminal Procedure Proof: Conceptual Foundations. Izhevsk, 2002. 228 p. (In Russ.).

4. *Levchenko O. V.* Internal conviction as a method of assessing evidence in criminal proceedings // *Bulletin of the Volga University named after V. N. Tatishchev*. 2013. № 2 (78). P. 87–91. (In Russ.).

5. *Pobedkin A. V.* Criminal Procedure Proof: monograph / M.: Yurlitinform, 2009. 416 p. (In Russ.).

6. *Smirnov A. V.* Competitive process: monograph / St. Petersburg.: Alpha, 2001. 320 p. (In Russ.).

7. *Melnik V. V.* The art of proof in an adversarial criminal trial: monograph / M.: Case, 2000. 496 p. (In Russ.).

8. *Ryapolova Y. P., Snegireva D. E.* Conscience as a moral criterion for the assessment of evidence in a criminal trial // *Izvestia of Southwestern State University*. Ser.: History and law. 2018. T. 8, № 4 (29). P. 151–161. (In Russ.).

9. *Kruglikov A. P., Dikarev I. S., Biryukova I. A.* Principles of the criminal process of the Russian Federation. Volgograd: Publishing House of Volga State University, 2007. 191 p. (In Russ.).

10. *Budnikov V. L.* Conscience as a moral criterion of proof in criminal proceedings // *Russian justice*. 2010. №1. P. 43–44. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 25.10.2022; одобрена после рецензирования 25.10.2022; принята к публикации 25.10.2022.

The paper was submitted 25.10.2022; approved after reviewing 25.10.2022; accepted for publication 25.10.2022.

Научная статья

УДК 343.8

DOI: 10.47645/9785604917404_113

Обеспечение прав осужденных в уголовном судопроизводстве: проблемы теории и практики

Яна Эдуардовна Кобылина

Санкт-Петербургский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Санкт-Петербург, Россия, yanchulik@yandex.ru

Аннотация. В настоящей статье исследованы некоторые проблемы в сфере обеспечения прав осуждённых в уголовном судопроизводстве. Данная тема имеет высокую актуальность, что подтверждается многочисленными жалобами осужденных и статистикой удовлетворения их ходатайств перед судом об условно-досрочном освобождении, о замене наказания более мягким видом наказания.

Ключевые слова: права осужденных, проблема реализации и обеспечения, условно-досрочное освобождение, ходатайство, стадия исполнения приговора, статус осужденного, непосредственное участие, пенитенциарный судья.

Для цитирования: Кобылина Я. Э. Обеспечение прав осужденных в уголовном судопроизводстве: проблемы теории и практики // Актуальные проблемы национального и международного права: материалы V науч.-практ. конф. студентов магистратуры (Санкт-Петербург, 2 нояб. 2022 г.). СПб.: С.-Петерб. ин-т (фил.) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2022. С. 113–119. DOI: 10.47645/9785604917404_113.

Conference paper

Ensuring the rights of convicts in criminal proceedings: problems of theory and practice

Yana E. Kobylina

Saint Petersburg Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice, Saint Petersburg, Russia, yanchulik@yandex.ru

Abstract. This article will reflect some of the problems in ensuring the rights of convicted persons in criminal proceedings. This topic is highly topical in our country, which is confirmed by numerous complaints of con-

victs and statistics on the approval of applications of their petitions to the court for parole, for replacement of the sentence with a milder type of punishment. The aim of the work is to examine the problems and identify the cause-and-effect relation of their occurrence. The goal of this article is to analyse statistical data on the number of convicts' applications for parole and commutation.

Keywords: rights of convicts, the problem of realization and enforcement of rights, Release on probation, solicitation, the Stage of Execution of a verdict, the status of the imprisoned, directly involved, the penitentiary judge.

For citation: Kobylina Y. E. Ensuring the rights of convicts in criminal proceedings: problems of theory and practice // Current issues of national and international law: proceedings of the 5th scientific and practical conference of master students (Saint Petersburg, November 2, 2022). Pp. 113–119. DOI: 10.47645/9785604917404_113.

Подсудимый приобретает статус осужденного после того как суд вынесет в отношении него обвинительный приговор т.е. даст юридическую оценку его деянию. Осужденный начинает реализовывать свои права, которые входят в содержание его вновь приобретённого статуса, на стадии исполнения приговора. Следует вспомнить, что статус человека это совокупность его прав и свобод, которые он приобретает находясь в том или ином статусе. В данной работе будет рассмотрено обеспечение прав осужденного на стадии исполнения приговора.

Следует выделить тот момент, что УПК РФ не содержит отдельной статьи где были бы закреплены отдельно права осужденного, т. е. те права, которые реализуются осужденным на стадии исполнения приговора, когда человек уже утратил статус подсудимого. В начале судебного следствия, после открытия судебного заседания, человеку, который имеет статус обвиняемого или подсудимого, а после, в случае признания его вины в инкриминируемом деянии, осужденного, разъясняется одна и та же статья — 47 УПК РФ, которая закрепляет одновременно права обвиняемого, подсудимого и осуждённого, исходя из чего складывается следующая ситуация: по прохождению стадий судебного процесса, статус у человека меняется, а его права остаются все в той же регламентации.

Однако ст. 399 УПК РФ, которая регулирует разрешение вопросов связанных с исполнением приговора, закрепляет некоторые процессуальные права осужденного, а именно: знакомиться с представленными в суд материалами; участвовать в их рассмотрении; заявлять ходатайства, отводы; давать объяснения; представлять документы;

осуществлять свои права с помощью адвоката. Но, как мы видим из перечня прав, который представлен данной статьёй, она регламентирует исключительно те права, реализовать которые осужденный может исключительно в судебном заседании [1, с. 22].

Захарова С. С. отмечает, что если в уголовно-исполнительном законодательстве РФ права осужденных систематизированы, то в уголовно-процессуальном законодательстве они изложены разрозненно, а в отдельных случаях обладают вероятным характером [2, с. 26]. Следовательно, можно сделать вывод о том, что права, которыми наделяется осужденный, содержатся не в одной норме УПК РФ, а в нескольких, не упорядоченных между собой. Это является препятствием обеспечению осуществления осужденными тех прав, которые они приобрели совместно со своим новым статусом.

Рассмотрим эти права подробнее.

Одним из ключевых прав осужденного является заявление ходатайства об участии в судебном разбирательстве и участие в судебном заседании по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, поскольку, он может их реализовать исключительно в судебном заседании [2, с. 27–28].

Федеральным законом от 20 марта 2011 г. № 40-ФЗ в ст. 399 УПК РФ были внесены изменения, касающиеся процессуального порядка рассмотрения и разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора. При наличии ходатайства осужденного об участии в судебном заседании суд обязан обеспечить его непосредственное участие либо предоставить возможность изложить свою позицию путем использования систем видеоконференц-связи. В вышеуказанном законе понятие «непосредственное участие» и «участие путем использования ВКС» различаются, поскольку между ними стоит «либо», то есть, законодатель считает, что они не тождественны друг другу.

Данное нововведение было направлено на обеспечение прав осужденного, но в то же время лишило его возможности реализации всех прав, которыми он наделяется, в случае его неявки в судебное заседание или невозможности участия в нем. Законодатель не разрешил вопрос о способах обеспечения непосредственного участия осужденного в судебном заседании [2, с. 23].

Таким образом, можно сделать следующий вывод: для того, чтобы осужденный гарантированно стал участником судебного процесса, который даст ему возможность непосредственно реализовать свои права, требуется в УПК РФ закрепить обязательное участие осужденного в судебном заседании и разрешить вопрос об обеспечении его явки [2, с. 23].

Рассмотрим пример, Второму апелляционному суду общей юрисдикции г. Санкт-Петербурга подсудны решения Архангельского областного суда и иных Областных судов, в данном случае, когда осужденный выражает свое волеизъявление на участие в судебном заседании непосредственно, а не путем использования системы ВКС, суд ему разъясняет, что его участие посредством использования системы ВКС является непосредственным, а ее использование это форма данного участия, которая определяется судом. То есть в разъяснении суда ВКС считается формой непосредственного участия, что противоречит положениям вышеуказанного ФЗ. По мнению работников адвокатских палат, в данном примере происходит нарушение права осужденного, поскольку его фактическая доставка в судебное заседание суда апелляционной инстанции не предусмотрена и осужденный вынужден принимать участие посредством использования системы ВКС, находясь в СИЗО, что не может обеспечить его право, например, приобщить документы к материалы уголовного дела непосредственно в судебном заседании, для этого ему требуется заранее направить документы в адрес суда. Данная проблема возникла в связи с тем, что доставка осужденных с иных областей в г. Санкт-Петербург требует времени, финансов и обеспечения им мест, где они бы содержались во время пребывания в Санкт-Петербурге, что в свою очередь также является проблемой.

Одно из прав осужденного — это право подачи в суд ходатайства о рассмотрении вопроса, связанного с исполнением приговора. Например, о применении условно досрочного освобождения (далее по тексту — УДО) осужденного от отбывания наказания. В судебном порядке осуществляется и рассмотрение вопроса об освобождении от наказания в связи с болезнью осужденного (ст. 81 УК РФ) или об освобождении от наказания или о смягчении наказания по причине издания уголовного закона, имеющего обратную силу [1, с. 23–25].

Перечень вопросов, о рассмотрении которых осужденный имеет право ходатайствовать, является закрытым, что нарушает конституционную свободу человека, в отношении которого вынесен обвинительный приговор, полагают некоторые авторы [3, с. 59]. В целях оценки степени реализации процессуальных прав осужденных на стадии исполнения приговора рассмотрим наиболее часто заявляемое осужденными ходатайство — ходатайство об УДО.

Согласно статистике Судебного департамента при Верховном суде РФ, за первое полугодие 2021 года таких ходатайств было заявлено 34 995, было удовлетворено — 15 010, отказано в удовлетворении — 12 617, прекращено, отозвано, передано по подсудности — 6 193. Удовлетворено всего лишь около 40 процентов заявленных об УДО

ходатайств. Для сравнения, в 2020 г. поступило 41 676 ходатайств об УДО, было удовлетворено всего 18 789.

Статистика удовлетворения ходатайств об освобождении наказанной в связи с болезнью осужденного представляет собой следующую картину: от общего числа поступивших ходатайств, который равен 3 871 было удовлетворено всего 1 026, что равняется 27 процентам от общего числа. Для сравнения, в 2020 г. из общего числа поступивших ходатайств — 3 707 удовлетворено — 1 166.

Эти данные позволяют усомниться в гуманности судебной системы, в том, что судьи учитывают условия, в которых содержится осужденный, в том, что они выносят решения с полным анализом ситуации о состоянии здоровья осужденного, его возможности пребывания в условиях исправительного учреждения, и возможности исправительного учреждения оказать осужденному соответствующую медицинскую помощь.

А. Зимбовский, являющийся аналитиком заочно-правовой консультации «Комитета за гражданские права», проанализировал поступившие в адрес Комитета письма от осужденных, заявлявших ходатайство об УДО и получивших отказ в его удовлетворении, и пришел к выводу о систематическом нарушении прав осужденных в этой области. Он выделил два вида допускаемых нарушений, которые препятствуют тому, что бы осужденный реализовал свое право на УДО: нарушения, которые допускаются непосредственно в местах лишения свободы, и нарушения, которые возникают во время судебного рассмотрения ходатайства осужденного об УДО. Первую группу нарушений составляют такие нарушения как: ненадлежащая подготовка работников администрации исправительного учреждения пакета документов, которые требуется предоставить суду в обосновании ходатайства об УДО; необоснованное наложение взыскания в момент подачи заявления на УДО, данное основание присутствует в указанном перечне взыскания, в том случае если они имеются у осужденного, не могут свидетельствовать о том, что он нуждается в дальнейшем отбывании наказания; вымогательство взяток и сортировка ходатайств осужденных об УДО (5 % обращений); перевод осужденного после подачи ходатайства об УДО в другую колонию [4, с. 26–29].

Полученные данные свидетельствуют о том, что администрация исправительных учреждений, имеет возможность препятствовать досрочному освобождению осужденного, и заинтересовано в этом, а также указывает на то, что нарушения допускаются теми субъектами, которые должны обеспечивать права осужденных. Однако мы видим иную картину, субъекты, которые должны, в силу своих служебных

обязанностей, обеспечивать реализацию прав осужденных, наоборот препятствуют ей.

Ко второй группе нарушений относятся: отказ в удовлетворении ходатайства осужденного об УДО по тем основаниям, которые закон не предусматривает; вынесение судом решения, которое, не обосновано представленными суду материалами; отказ на основании тяжести совершенного осужденным преступления и большого срока наказания, не отбытого осужденным; отказ в предоставлении УДО ввиду обжалования осужденным приговора либо непризнания вины; нарушение права осужденного на участие в судебном заседании, о чем мы ранее уже упоминали [4, с. 26–29].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что ненадлежащее обеспечение прав осужденных тесно связано с недобросовестным исполнением своих служебных обязанностей сотрудниками исправительных учреждений и правоохранительных органов, на которых возложена обязанность по реализации прав осужденных.

А. В. Сервули отмечает, что «персонал учреждений, исполняющих наказания, в частности, связанные с лишением свободы, требует серьезного профессионального изменения, пополнения штатом психологов, способных увидеть в преступнике человека, а не отброс общества» [5, с. 60]. Однако зачастую, лица, которые идут работать в УФСИН, полагают, что они будут работают именно с отбросами общества, которые в связи с их статусом лишены всяких прав. Данный фактор также является проблемой в рассматриваемой нами сфере.

В заключение отметим, что необходим строгий отбор и подбор персонала, для исправительных учреждений, от которых напрямую зависит процесс реализации прав осужденных. Данные лица, поступающая на службу в УФСИН, обязаны понимать, что они являются субъектами реализации прав осужденных, и от того, насколько добросовестно они будут исполнять свои служебные обязанности зависит качество реализации прав осужденных к лишению свободы. Это позволит снизить количество нарушений прав осужденных или число препятствий к их реализации.

Список источников

1. Демичева С., Сони́на О. Подготовка, порядок рассмотрения и направление в суд материалов об условно-досрочном освобождении осужденных к лишению свободы // Ведомости УИС. 2010. № 1. С. 21–25.

2. Захарова С. С. Обеспечение прав осужденных на стадии исполнения приговора // Ведомости УИС. 2012. № 6. С. 24–31.

3. *Юрченко Р. Н.* Теоретические и прикладные проблемы исполнения приговоров и постановлений суда: автореф, докт. юр. наук. Астана, 2010. С. 31–33.

4. *Зимбовский А.* Нарушения прав осужденных, пытающихся воспользоваться правом на условно-досрочное освобождение // Российский Тюремный Журнал. 2009. № 2. С. 24–36.

5. *Сервули А. В.* Причины и условия рецидивной корыстно-насильственной преступности молодежи // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2008. № 3. С. 58–60.

References

1. *Demicheva S., Sonina O.* Preparation, procedure for consideration and referral to the court of materials on conditional early release of persons sentenced to imprisonment // *Vedomosti of the penitentiary system*, 2010. No. 1 (92). 21–25 p. (In Russ.).

2. *Zakharova S. S.* Ensuring the rights of imprisoned at the stage of verdict // *Vedomosti of the penitentiary system*, 2012. No. 6. 24–31 p. (In Russ.).

3. *Yurchenko R. N.* Theoretical and applied problems of execution of verdict and court decisions: Dissertation Abstract, Doctor of Law. Astana, 2010. 31–33 p. (In Russ.).

4. *Zimbovsky A.* Violations of the rights of convicts trying to exercise their right to parole. // Absentee-legal advice ‘Committee for Civil Rights, 2009. No. 2. 24–36 p. (In Russ.).

5. *Servuli A. V.* The reasons and conditions of recurrent mercenary and violent crime of youth / A.V. Servuli // *Bulletin of the Institute: crime, punishment, repair*, 2008. No. 3. 58–60 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 23.10.2022; одобрена после рецензирования 25.10.2022; принята к публикации 25.10.2022.

The paper was submitted 23.10.2022; approved after reviewing 25.10.2022; accepted for publication 25.10.2022.

Научная статья
УДК 343.7
DOI: 10.47645/9785604917404_120

Проблемы уголовно-правовой оценки экономических преступлений в условиях цифровизации экономики

Илья Игоревич Кондин

Санкт-Петербургский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Санкт-Петербург, Россия, domenik-45@mail.ru

Аннотация. Цифровизация экономики создает условия для увеличения темпов развития страны и повышения уровня жизни населения. Вместе с тем, развитие информационных технологий влияет не только на укрепление конкурентоспособности экономики, но и обострения криминогенной обстановки в области экономических преступлений, совершаемых с использованием компьютерной техники. В статье рассмотрены проблемы квалификации экономических преступлений в условиях цифровизации экономики, а также предложены пути их решения.

Ключевые слова: цифровизация экономики, экономические преступления, компьютерные технологии, уголовный закон, уголовное кодекс.
Для цитирования: Кондин И. И. Проблемы уголовно-правовой оценки экономических преступлений в условиях цифровизации экономики // Актуальные проблемы национального и международного права: материалы V науч.-практ. конф. студентов магистратуры (Санкт-Петербург, 2 нояб. 2022 г.). СПб.: С.-Петерб. ин-т (фил.) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2022. С. 120–124. DOI: 10.47645/9785604917404_120.

Conference paper

Problems of criminal law assessment of economic crimes in the digitalization of the economy

Iliia I. Kondin

Saint Petersburg Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice, Saint Petersburg, Russia, domenik-45@mail.ru

Abstract. The digitalisation of the economy creates the conditions for increasing the pace of development of the country and improving the

standard of living of the population. At the same time, the development of information technology not only affects the competitiveness of the economy, but also aggravates the criminogenic situation in the field of economic crimes committed with the use of computer technology. The article considers problems of qualification of economic crimes in the context of digitalization of the economy, and proposes ways to solve them.

Keywords: digitalization of economy, economic crimes, computer technology, criminal law, criminal code.

For citation: Kondin I. I. Problems of criminal law assessment of economic crimes in the digitalization of the economy // Current issues of national and international law: proceedings of the 5th scientific and practical conference of master students (Saint Petersburg, November 2, 2022). Pp. 120–124. DOI: 10.47645/9785604917404_120.

Цифровизация экономики является результатом процессов глобализации, который охватывает различные сферы деятельности государства, в том числе и экономическую. Целью данного процесса является улучшение качества жизни граждан страны, укрепления конкурентоспособности национальной экономики путем замещения ручного труда на автоматизированные компьютерные процессы. Однако, несмотря на интенсивную цифровизацию бизнес процессов, данная тенденция создает условия для развития преступности в экономике страны с использованием различных цифровых технологий [1, с. 55].

Экономические преступления, совершаемые с использованием компьютерных или телекоммуникационных технологий, обоснованно выделены в отдельную группу по признаку способа совершения преступления, при котором используются технические средства и программное обеспечение.

В эту группу включаются такие составы преступлений, как хищение безналичных денежных средств, противоправные деяния в отношении криптовалют, преступления против интеллектуальной собственности, использование вредоносных компьютерных программ, преступные деяния в финансово-кредитной сфере и иные преступления [2, с. 10]. Рассмотрим особенности экономических преступлений с применением специальных информационных технологий, а также выделим ряд проблем уголовно-правовой оценки данных преступлений.

Главной проблемой применения норм об ответственности за указанные преступления выступает несовершенство уголовно-правового регулирования, выраженного, прежде всего, в архаичности нормативной правовой базы для реализации ответственности за преступления подобного рода [3, с. 126]. Кроме того, отдельного внимания

заслуживает проблема совершения подобного рода преступлений, когда преступник совершает противоправные деяния в одной стране, параллельно находясь за пределами ее государственной границы, например, при помощи сети Интернет и с использованием специального шифровального программного обеспечения. Таким образом, создается ситуация, в которой сотрудники правоохранительных органов не могут оперативно выявить, а также пресечь противоправные деяния, без помощи коллег из других стран, что предоставляет преступнику дополнительное время для физического сокрытия как своей личности, так и похищенного имущества или денежных средств.

Серьезным препятствием для организации противодействия подобным преступлениям следует признать и неразвитость понятийного аппарата при толковании норм уголовного закона об ответственности за преступления, совершенные при помощи информационных технологий. Так, в национальном законодательстве отсутствует понятие «киберпреступления», «компьютерные технологии», «использование компьютерных технологий» и иные смежные определения, которые имели бы положительное влияние на квалификацию подобного рода преступлений. Методика расследования данного вида преступлений также требует усовершенствования. Учитывая узкоформатность уголовного законодательства в указанной сфере, правоприменитель использует возможности, предусмотренные нормами о различных видах мошенничества, о краже, а также о преступлениях, предусмотренных статьями 272–274 УК РФ.

Кроме того, в настоящее время возникает ситуация, при которой отечественных законодатель попросту отстает и не соответствует уровню соответствующих навыков преступников и способов совершения экономических преступлений с применением компьютерных технологий. Так, в уголовном законодательстве Российской Федерации, согласно ст. 273 УК, существует ответственность за создание, использование и распространение вредоносных программ. Сложилась достаточно обширная судебная практика по данным делам. Так, согласно решению Советского районного суда г. Волгограда по делу № 2-139/2020, в рамках которого преступники по предварительному сговору на автозаправочной станции установили вредоносное программное обеспечение, позволяющее производить недолив топлива. В результате, остатки топлива, полученного от использования данной программы, преступники реализовывали с целью обогащения и были осуждены по ч. 2 ст. 273 УК РФ.

Однако, преступники могут применять компьютерные программы другого типа, не подпадающие под определение «вредоносная программа» и с помощью них совершать хищения и иные преступления.

Поскольку законодатель установил запрет на применение аналогии закона в уголовно-правовых отношениях, то возникает проблема квалификации преступлений с использованием иных программ. [4, с. 258].

Таким образом, отечественный законодатель находится в ситуации, при которой, с одной стороны, способы и средства совершения экономических преступлений с применением компьютерной техники опережают темпы реформирования действующего законодательства, а с другой стороны — уровень подготовки специалистов правоохранительной системы, которые не обладают компетентными знаниями в данных преступлениях, значительно отстает от уровня преступников, что затрудняет надлежащую квалификацию, а также своевременное раскрытие и пресечение преступной деятельности [5, с. 246].

В сложившихся условиях необходимо увеличить число компетентных сотрудников путем внедрения и увеличения в образовательную программу предметов, посвященных раскрытию преступной деятельности, совершенной с использованием компьютерных технологий. Кроме того, необходимо дополнить действующий уголовный кодекс перечнем специальных терминов — «киберпреступления», «компьютерные технологии», «использование компьютерных технологий», что поможет точнее квалифицировать совершенное преступление и сократит время, необходимое на выявление и пресечение преступной деятельности.

Список источников

1. Манукян А. Р. Экономические преступления в условиях цифровизации // Проблемы экономики и юридической практики. 2020. Т. 16. № 1. С. 155–156.
2. Есаков Г. А. Уголовная ответственность юридических лиц в российском праве: история и современность // Преступления в сфере экономики: российский и европейский опыт: матер. совместного российско-германского круглого стола 9 октября 2009 г. М., 2009. С. 76–100.
3. Османов Ж. Д. Экономическая преступность как угроза экономической безопасности национального хозяйства // Соц.-экон. явления и процессы. 2015. № 9. С. 120–25.
4. Иванцов С. В. Средства массового информационного ресурса и противодействие преступности // Современные проблемы уголовной политики: V Международная научно-практическая конференция (Краснодар, 03 октября 2014 года. 2014). С. 256–263.
5. Костина О. И., Шахов В. А. Экономическая безопасность как важнейший элемент национальной безопасности государства // Стратегия устойчивого развития в исследованиях молодых ученых: сбор-

ник статей и тезисов докладов XIII Международной научно-практической конференции. М.: Перо, 2017. С. 245–249.

References

1. *Manukyan A. R.* Economic crimes in the conditions of digitalization // Problems of economics and legal practice. 2020. Vol. 16. No. 1. pp. 155–156. (In Russ.).

2. *Esakov G. A.* Criminal liability of legal entities in Russian law: history and modernity // Crimes in the sphere of economics: Russian and European experience: mater. joint Russian-German round table on October 9, 2009, Moscow, 2009. pp. 76–100. (In Russ.).

3. *Osmanov Zh. D.* Economic crime as a threat to the economic security of the national economy // Soc.-ekon. phenomena and processes. 2015. No. 9. pp. 120–25. (In Russ.).

4. *Ivantsov S. V.* Means of mass information resource and counteraction to crime // Modern problems of criminal policy: V International Scientific and Practical Conference (Krasnodar, October 03, 2014. 2014). pp. 256–263. (In Russ.).

5. *Kostina O. I., Shakhov V. A.* Economic security as the most important element of national security of the state // The strategy of sustainable development in the research of young scientists: a collection of articles and abstracts of the XIII International Scientific and Practical Conference. Moscow: Pero, 2017. pp. 245–249. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 23.10.2022; одобрена после рецензирования 26.10.2022; принята к публикации 26.10.2022.

The paper was submitted 23.10.2022; approved after reviewing 26.10.2022; accepted for publication 26.10.2022.

Научная статья

УДК 343.13

DOI: 10.47645/9785604917404_125

О некоторых аспектах отказа государственного обвинителя от поддержания государственного обвинения

Александр Сергеевич Кушнарев

ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева» («УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева»), Екатеринбург, Россия, ORCID 0000-0002-7433-1473, email: kushnarev-02@list.ru

Аннотация. Автором рассмотрены содержательные и процессуальные аспекты отказа государственного обвинителя от поддержания обвинения. Рассмотрен ряд вопросов отказа государственного обвинителя от выдвинутых обвинений, а также юридических последствий, вытекающих из данного отказа. Приводятся различия полного и частичного отказа прокурора от поддержания государственного обвинения в ходе судебного разбирательства уголовного дела.

Ключевые слова: уголовный процесс, прокурор, государственное обвинение, отказ от поддержания государственного обвинения, правовые последствия.

Для цитирования: Кушнарев А. С. О некоторых аспектах отказа государственного обвинителя от поддержания государственного обвинения // Актуальные проблемы национального и международного права: материалы V науч.-практ. конф. студентов магистратуры (Санкт-Петербург, 2 нояб. 2022 г.). СПб.: С.-Петерб. ин-т (фил.) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2022. С. 125–130. DOI: 10.47645/9785604917404_125.

Conference paper

On some aspects of the prosecutor's waiver of public prosecution

Alexander S. Kushnarev

Ural State Law University named of V. F. Yakovlev («USLU named of V. F. Yakovlev»), Ekaterinburg, Russia, ORCID 0000-0002-7433-1473, email: kushnarev-02@list.ru

Abstract. The author examines the substantive and procedural aspects of the public prosecutor's refusal to prosecute. A number of issues of the public prosecutor's refusal to prosecute, as well as the legal consequences arising from this refusal are considered. The differences between the prosecutor's full and partial refusal to prosecute in the course of court proceedings in a criminal case are given.

Keywords: criminal procedure, prosecutor, public prosecution, waiver of public prosecution, legal consequences.

For citation: Kushnarev A. S. On some aspects of the prosecutor's waiver of public prosecution // Current issues of national and international law: proceedings of the 5th scientific and practical conference of master students (Saint Petersburg, November 2, 2022). Pp. 125–130. DOI: 10.47645/9785604917404_125.

Как известно, под отказом государственного обвинителя от поддержания государственного обвинения понимается мотивированное, законное и обоснованное заявление государственного обвинителя перед судом и участниками уголовного судопроизводства, выражающееся в полном или частичном отказе от обвинения как утверждения о совершении подсудимым деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутым органами предварительного расследования, вследствие его неподтверждения совокупностью доказательств, надлежащим образом исследованных, проверенных и оцененных в процессе судебного разбирательства в суде первой или апелляционной инстанции [1, с. 97].

В силу ч. 7 ст. 246 УПК РФ государственный обвинитель может отказаться от всего обвинения или от его части. Полный отказ от обвинения — полное отрицание материально-правового содержания обвинения [2, с. 137]. Частичный отказ от обвинения — отрицание лишь части обвинения в его материально-правовом смысле (одного из эпизодов преступной деятельности, обвинения в отношении одного из подсудимых), обвинительная деятельность в этом случае продолжается, но сокращаются пределы обвинения.

Причины отказа государственного обвинителя от обвинения можно подразделить на две группы: серьезные ошибки, допущенные дознавателем, следователем и (или) прокурором при осуществлении уголовного преследования в ходе досудебного производства и выяснение в судебном заседании новых обстоятельств, не известных и не могущих быть известными ранее.

Однако, стоит отметить популярность попыток пресекать дискуссии по вопросу отказа от обвинения доводом, что на практике прокуроры редко отказываются от обвинения. Не стоит идти у них на по-

воду, поскольку, во-первых, учитывая результаты аналитики, можно убедиться, что случаи отказа от обвинения пусть и не часто, но периодически случаются в деятельности прокуратуры. Во-вторых, нынешняя законодательная регламентация этого института неизбежно требует его теоретического осмысления.

Обязанность государственного обвинителя отказаться от обвинения — вопрос не только юридический, но и этический. На это указывала статья 749 Устава уголовного судопроизводства 1864 г.: «Если прокурор находит оправдание уважительным, то обязан заявить об этом суду по совести». Об этом же свидетельствует формулировка «служебный долг» в Приказе Генерального прокурора РФ. Как известно, обвинение человека, вина которого не доказана, противоречит элементарным нормам морали. Ситуация отказа от обвинения сложна тем, что определяющим ее фактором является внутреннее убеждение государственного обвинителя (и изначально это именно личное убеждение, лишь позже оно становится (или не становится) согласованной позицией органа прокуратуры). Внутреннее убеждение — явление, с трудом поддающееся научному анализу, тем не менее, необходимо ответить на вопрос: какова должна быть глубина этого убеждения: должна ли это быть абсолютная уверенность в невиновности лица или достаточно усомнения в обвинительной позиции? В. М. Савицкий пишет, что государственному обвинителю «достаточно утратить убежденность в виновности — не более» [3, с. 74]. К тому же, если исходить из презумпции невиновности, а также правила, что все сомнения трактуются в пользу обвиняемого, становится ясно, что для отказа от обвинения достаточно наличия неустранимых сомнений.

Приведем пример отказа государственного обвинителя от обвинения: из материалов уголовного дела следует, что органами следствия гражданин Бухаров обвинялся в умышленном убийстве гражданина С., т. е. в совершении преступления, предусмотренного ст. 105 УК РФ. Однако в судебном заседании государственный обвинитель, ввиду отсутствия бесспорных доказательств вины Бухарова в лишении потерпевшего жизни, отказался от этого обвинения, и суд оправдал Бухарова по ст. 105 УК РФ.

Стоит отметить, что сам факт отказа обвинителя от обвинения, несмотря на его обязательность для суда, не назван основанием для прекращения судом уголовного дела (уголовного преследования). Официальное подтверждение можно увидеть в Постановлении Пленума ВС РФ «О судебном приговоре»: суд должен принять решение о прекращении уголовного дела только после завершения исследования в процедуре, отвечающей требованиям состязательности, значимых для этого материалов дела и заслушивания мнений участников судебного

заседания со стороны обвинения и стороны защиты об обоснованности позиции государственного обвинителя.

В УПК по-прежнему нет ответа на вопрос о форме отказа от обвинения. Из этого можно сделать вывод, что отказ может быть озвучен устно. В Приказе Генерального прокурора РФ от 25.12.2012 № 465 содержится позиция, согласно которой форма отказа должна быть письменной, что представляется наиболее правильным. В таком случае предлагается два варианта оформления отказа от обвинения: постановление и ходатайство. Ходатайство предполагает его обсуждение и принятие судом решения об его удовлетворении либо об отказе в удовлетворении, а отказ от обвинения таких полномочий судье не дает, он для него обязателен. В пользу постановления говорит также и то, что все этапы развития уголовного преследования оформляются официальными документами. Отказ от обвинения, как этап, завершающий уголовное преследование, тоже должен быть оформлен официальным распорядительным актом субъекта уголовного преследования. Таковым в суде выступает только государственный обвинитель, и именно поэтому постановление судьи о прекращении уголовного дела недостаточно для завершения процесса по делу.

Другой проблемой уголовного процесса является определение момента отказа государственного обвинителя от поддержания обвинения. УПК РФ позволяет прокурору отказаться от обвинения и на предварительном слушании (ч. 1 ст. 239 УПК РФ), и в судебном разбирательстве на любой его стадии (ч. 7 ст. 246 УПК РФ). В то же время Приказ Генерального прокурора РФ от 25.12.2012 № 465 в п. 7 определяет, что государственный обвинитель, руководствуясь законом и совестью, может отказаться от обвинения только после всестороннего исследования доказательств. На мой взгляд, наиболее правильной представляется вторая позиция.

Другим вопросом являются последствия отказа государственного обвинителя от обвинения. Из ч. 7 ст. 246 УПК РФ следует, что отказ от обвинения влечет безусловное прекращение уголовного преследования. Недостатки такого регулирования вопроса выражены в нарушении права потерпевшего на поддержание обвинения, права гражданского истца на выдвижение требований, к тому же нельзя однозначно оценить ситуацию, когда суд, будучи несогласным с отказом прокурором и видя перед собой преступника, не может использовать потенциал своей власти, чтобы привлечь его к ответственности.

Для российского уголовного процесса такая регламентация последствий отказа, характерная англо-саксонской правовой системе, нова. Начиная с Устава судебного судопроизводства и заканчивая УПК РСФСР 1960 г., действовавшим до 2002 года, суд мог продол-

жать производство по делу в случае несогласия с отказом от обвинения, при этом судебное следствие велось усилиями судьи, который вместо прокурора задавал допрашиваемым вопросы обвинительного характера [4, с. 29]. Основной недостаток — низкий уровень обеспечения прав и свобод человека. Впоследствии судья был лишен возможности не согласиться с прокурором. Логика этого изменения такова: если вопрос обоснованности обвинения будет решать суд, то при его положительном решении (отклонении ходатайства прокурора от отказа от обвинения), он начнет реализовывать функцию обвинения, что противоречит принципу состязательности.

В настоящее время УПК РФ предусматривает для потерпевшего два механизма защиты своих интересов в случае отказа прокурора от обвинения. Оба неоперативны, так как применимы только после вынесения судом итогового решения.

Первое — предъявление и рассмотрение гражданского иска в порядке гражданского судопроизводства. Главный его недостаток — содержательная ущербность: интересы потерпевшего в уголовном судопроизводстве не могут быть сведены исключительно к возмещению причиненного ему вреда.

Второе — обжалование решения в суде вышестоящей инстанции. Поскольку обжаловать решение просто в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения безнадежно (в силу императива части 7 статьи 246 УПК РФ постановление о прекращении уголовного преследования всегда будет признано законным и обоснованным), потерпевшему необходимо отыскать иной изъясн в решении и через него «проташить» истинную причину обжалования решения — «автоматическое» прекращение дела вопреки его мнению.

В доктрине предлагается усмотреть в УПК РФ право потерпевшего на обжалование судебного решения, вынесенного судом в связи с отказом. Однако, это не решит проблемы затягивания процесса. К тому же отказ государственного обвинителя от обвинения не уместен в ряду оснований для апелляционного обжалования, поскольку не является фактом нарушения уголовно-процессуального законодательства. Другой вариант — наделение потерпевшего правом заявлять ходатайство о замене государственного обвинителя на прокурора, утвердившего обвинительное заключение и направившего дело в суд [5, с. 42]. Полагается, что такое мнение нецелесообразно, поскольку позиция государственного обвинителя по отказу является позицией органа прокуратуры в целом.

В заключении хотелось бы отметить, что институт отказа государственного обвинителя от поддержания обвинения имеет большое значение для современного уголовного судопроизводства, по смыслу

ст. 6 УПК РФ он отвечает целям и задачам уголовного процесса, что способствует укреплению авторитета судебной власти в части вынесения судом законных решений и поэтому требует четкой уголовно-процессуальной регламентации.

Список источников

1. Балакшин В. С., Жумаканова Н. А. Отказ прокурора от обвинения: вопросы теории и практики: моногр. / М.: Юрлитинформ, 2016. 97 с.
2. Бабаев С. Н. Некоторые аспекты отказа прокурора от поддержания государственного обвинения в суде первой инстанции // Судебная власть и уголовный процесс. 2012. № 1. 137 с.
3. Савицкий В. М. Государственное обвинение в суде / М.: Наука, 1971. 342 с.
4. Петрухин И. Л. От инквизиции — к состязательности // Государство и право. 2003. № 7. С. 29–47.
5. Яковлев Н. М. Права человека и государственное обвинение // Российский судья. 2004. № 9. С. 42–45.

References

1. Balakshin V. S., Zhumakanova N. A. Refusal of the prosecutor from prosecution: questions of theory and practice: monograph. / М.: Yurлитin-form, 2016. 97 p. (In Russ.).
2. Babaev S. N. Some aspects of the prosecutor's refusal to maintain public prosecution in the court of first instance // Judicial power and criminal process. 2012. No. 1. 137–142 p. (In Russ.).
3. Savitsky V. M. State prosecution in court / М.: Nauka, 1971. 342 p. (In Russ.).
4. Petrukhin I. L. From the Inquisition to competition // State and law. 2003. No. 7. P. 29–47. (In Russ.).
5. Yakovlev N. M. Human rights and state prosecution // Russian Judge. 2004. No. 9. P. 42–45. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 28.09.2022; одобрена после рецензирования 18.10.2022; принята к публикации 18.10.2022.

The paper was submitted 28.09.2022; approved after reviewing 18.10.2022; accepted for publication 18.10.2022.

Научная статья

УДК 343.3/.7

DOI: 10.47645/9785604917404_131

Проблемы конструирования объективной стороны состава преступления

Роман Михайлович Левинин

Санкт-Петербургский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Санкт-Петербург, Россия, romanlev21@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению проблем конструирования объективной стороны актуальных составов преступлений, предусмотренных в рамках ст. 328 УК РФ, ст. 352.1 УК РФ, ст. 356.1 УК РФ. Рассматриваются законодательные недоработки диспозиций указанных статей, формулируются предложения по совершенствованию уголовного законодательства по вопросам темы исследования.

Ключевые слова: объективная сторона, уголовная ответственность, мобилизация, уклонение, мародерство.

Для цитирования: Левинин Р. М. Проблемы конструирования объективной стороны состава преступления // Актуальные проблемы национального и международного права: материалы V науч.-практ. конф. студентов магистратуры (Санкт-Петербург, 2 нояб. 2022 г.). СПб.: С.-Петербург. ин-т (фил.) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2022. С. 131–136. DOI: 10.47645/9785604917404_131.

Conference paper

Problems of constructing the objective side of the corpus delicti

Roman M. Levinin

Saint Petersburg Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice, Saint Petersburg, Russia, romanlev21@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of the problems of constructing the objective side of the elements of crimes provided for under Article 328 of the Criminal Code of the Russian Federation, Article 352.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, Article 356.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. The legislative shortcomings of

the dispositions of these articles are considered, the influence of such legislative formulations on the practice of law enforcement (qualification of acts under such articles) is analyzed.

Keywords: objective side, criminal liability, mobilization, evasion, looting.

For citation: Levinin R. M. Problems of constructing the objective side of the corpus delicti // Current issues of national and international law: proceedings of the 5th scientific and practical conference of master students (Saint Petersburg, November 2, 2022). Pp. 131–136. DOI: 10.47645/9785604917404_131.

События новейшей истории нашей страны предопределили наиболее актуальные вопросы, связанные с дополнением Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) рядом новых специальных составов. Примечательно, что некоторые составы уже были известны отечественному уголовному законодательству (например, в рамках положений Уголовного кодекса РСФСР 1960 г.) [1, с. 16], однако изначально они не были восприняты законодателем при принятии УК РФ в 1996 году. Вместе с тем, в рамках происходящих событий такие составы преступлений снова приобрели высокую значимость и на сегодняшний момент находят отражение в рамках современных положений уголовного законодательства. Однако их практическое применение на практике вызывает ряд проблем, с которыми сталкиваются правоприменители при квалификации преступных деяний. Главным образом это связано с неоднозначным толкованием объективной стороны таких преступлений. В данной связи в рамках настоящего исследования особое внимание будет сфокусировано на проблемах конструирования объективной стороны нововведенных составов преступлений.

Федеральным законом от 24.09.2022 № 365-ФЗ были внесены достаточно концептуальные изменения в положения уголовного законодательства. Внесение таких изменений вызвало определенную дискуссию, которая в большей степени связана именно с квалификацией деяний по вышеуказанным составам. Главным образом это связано с недостаточной конкретизацией диспозиций таких статей (в т. ч. объективной стороны этих преступлений).

Как уже ранее было отмечено, многие составы преступлений, которые нашли отражение в действующем законодательстве в рамках внесенных изменений Федеральным законом от 24.09.2022 № 365-ФЗ, не являются новыми для отечественного УК РФ. Например, такой состав как «мародерство» был известен Уголовному кодексу РСФСР 1960 г. В рамках ст. 266 устанавливалось, что «похищение на поле

сражения вещей, находящихся при убитых и раненных (мародерство), — наказывается...». При этом обязательным местом совершения преступления было поле сражения.

Примечательно отметить, что в научной среде долгое время поднимался вопрос о необходимости установления в УК РФ 1996 года уголовной ответственности за мародерство, в связи с тем, что Россия участвует в международных конвенциях, иных документах, предусматривающих ответственность за мародерство [2, с. 11].

На сегодняшний день уголовная ответственность за мародерство предусмотрена в ст. 356.1 УК РФ. При этом следует отметить, что законодатель выделяет не только основной состав, но и квалифицированные. В ч. 1 ст. 356.1 УК РФ указывается, что «мародерство, то есть совершенные с корыстной целью в период военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий и не связанные с вынужденной необходимостью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение в пользу виновного или других лиц чужого имущества (в том числе имущества, находящегося при убитых или раненых, имущества гражданского населения)»).

Соответственно, объективная сторона заключается именно в «противоправном безвозмездном изъятии и (или) обращении в пользу виновного или других лиц чужого имущества (в том числе имущества, находящегося при убитых или раненых, имущества гражданского населения)». При этом законодателем делается оговорка о том, что деяния будут подпадать под такую статью, если они не связаны с вынужденной необходимостью. Однако, какие случаи могут расцениваться «вынужденной необходимостью», законодатель не конкретизирует. В свою очередь, такое неоднозначное и не точное толкование объективной стороны рассматриваемого преступления может сказаться и на практике правоприменения.

Еще одним «новшеством» уголовного законодательства можно назвать статью 352.1 УК РФ, которая предусматривает уголовную ответственность за добровольную сдачу в плен. Аналогичный состав был известен и УК РСФСР 1960 г. [3, с. 146]. Так, если в ст. 264 УК РСФСР указывалось, что «добровольная сдача в плен по трусости или малодушию — наказывается ...», то в рамках ныне действующего УК РФ в ст. 352.1 УК РФ «добровольная сдача в плен при отсутствии признаков преступления, предусмотренного статьей 275 настоящего Кодекса, — наказывается ...».

Следует отметить, что законодатель предусмотрел и основания освобождения от уголовной ответственности по ст. 352.1 УК РФ, которые содержатся в Примечаниях к статье.

Можно заметить, что современная редакция объективной стороны ст. 352.1 УК РФ является не такой конкретизированной как в ст. 264 УК РСФСР. Так, законодатель в рамках ст. 352.1 УК РФ делает отсылку на статью 275 УК РФ, которая предусматривает уголовную ответственность за государственную измену. При этом никакой конкретизации специфики объективной стороны по ст. 352.1 УК РФ не указано. Представляется, что это достаточно значимое упущение современной редакции состава преступления, связанного с добровольной сдачей в плен. Как следствие, ст. 352.1 УК РФ нуждается в конкретизации. В данной связи может быть использован и уже знакомый отечественный принцип конструирования подобного состава преступления, который был предусмотрен в ст. 264 УК РСФСР и содержал больше уточнений.

Особый научный интерес вызывает также статья 328 УК РФ [4, с. 114]. Она не является новой, но в свете происходящих изменений в научных кругах [5, с. 42] и в практике правоприменения возникла дискуссия в аспекте распространения ст. 328 УК РФ на лиц, уклоняющихся от частичной мобилизации, которая была объявлена 21 сентября 2022 года. Говоря о применении к вышеуказанным лицам ст. 328 УК РФ следует отметить следующее.

3 апреля 2008 г. Пленум Верховного Суда РФ принял Постановление № 3 «О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы». Из совокупного анализа положений данного Постановления и Закона о военной службе следует, что по ст. 328 УК РФ могут быть привлечены граждане с 18 до 27 лет. Соответственно, по логике разъяснений Пленума ВС РФ на лицо, достигшее 27 лет и пребывающее в запасе, не распространяются положения анализируемой статьи. Однако Законом о военной службе установлены фактически два вида призывов — на срочную службу (для лиц от 18 до 27 лет и не пребывающих в запасе) и для тех, кто пребывает в запасе, в случае мобилизации. На сегодняшний день существует следующее противоречие: сотрудники правоохранительных органов считают, что статья 328 УК РФ распространяется на уклоняющихся от мобилизации, а суды занимают противоположную позицию. Как следствие, возникает необходимость в урегулировании сложившейся проблематики. Например, одним из путей решения может быть дополнение ст. 328 УК РФ самостоятельной частью, которая будет предусматривать наиболее точные критерии, определяющие уголовную ответственность за уклонение от призыва в рамках мобилизации, таким образом, законодателю необходимо конкретизировать объективную сторону этого состава преступления.

Таким образом, проанализированные составы преступлений, которые приобрели свою актуальность в рамках внесенных изменений в УК РФ Федеральным законом от 24.09.2022 № 365-ФЗ, имеют определенную проблематику в конструировании объективной стороны. Главным образом это связано с тем, что законодатель недостаточно конкретизирует диспозиции таких статей. Как следствие, правоприменители уже начинают сталкиваться с проблемами при квалификации деяний по таким составам. В данной связи нами были предложены возможные дополнения, которые позволят разрешить возникающие трудности и внести больше точности при анализе объективной стороны состава преступления. При этом следует разъяснить и особенности квалификации по таким составам преступлений в рамках постановления Пленума ВС РФ.

Список источников

1. *Ермолович Я. Н.* Развитие военно-уголовного законодательства в послевоенный период (1945–1960 гг.) // Военно-исторический журнал. 2022. № 4. С. 16–23.
2. *Казакова В. А.* Уголовная ответственность в обстановке чрезвычайного положения: от международного права к национальному законодательству // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2020. № 4(56). С. 8–13.
3. *Бодаевский В. П.* Формирование уголовного права военного времени // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2022. Т. 17. № 2. С. 128–154.
4. *Норенко И. В.* Ответственность за неявку по призыву без уважительных причин в период мобилизации, в период военного положения и в военное время: некоторые теоретические вопросы правового регулирования // Военное право. 2020. № 5(63). С. 114–119.
5. *Манин Я. В.* Защита Отечества: призыв на военную службу по мобилизации // Полицейская и следственная деятельность. 2022. № 3. С. 42–63.

References

1. *Ermolovich Ya. N.* Development of military criminal legislation in the post-war period (1945-1960) // Military Historical Journal. 2022. № 4. Pp. 16–23. (In Russ.).
2. *Kazakova V. A.* Criminal liability in a state of emergency: from international law to national legislation // Bulletin of the All-Russian Institute

for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2020. № 4(56). Pp. 8–13. (In Russ.).

3. *Bodaevsky V. P.* Formation of criminal law of wartime // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2022. Vol. 17. № 2. Pp. 128–154. (In Russ.).

4. *Norenko I. V.* Responsibility for non-appearance on conscription without valid reasons during mobilization, during martial law and during wartime: some theoretical issues of legal regulation // Military law. 2020. № 5(63). Pp. 114–119. (In Russ.).

5. *Manin Ya. V.* Protection of the Fatherland: conscription for military service on mobilization // Police and investigative activities. 2022. № 3. Pp. 42–63. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 24.10.2022; одобрена после рецензирования 24.10.2022; принята к публикации 24.10.2022.

The paper was submitted 24.10.2022; approved after reviewing 24.10.2022; accepted for publication 24.10.2022.

Научная статья

УДК 342.9

DOI: 10.47645/9785604917404_137

Мошенничество как состав преступления: проблемы квалификации и правоприменения

Андрей Юрьевич Петров

Санкт-Петербургский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Санкт-Петербург, Россия, ustreal@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется материал, имеющий теоретический и научный характер в сфере мошенничества. Данный информационный базис служит основой для формирования проблемных аспектов в квалификации мошенничества. Аналитическое исследование действующего законодательства позволяет отметить характерные признаки наиболее распространенных в современных реалиях преступлений в области мошенничества. В рамках статьи формируется вывод об основных проблемах квалификации мошенничества в сфере кредитования и компьютерной информации, проводится разграничение со смежными составами преступлений.

Ключевые слова: мошенничество, квалификация преступлений, злоупотребление доверием, обман, уголовная ответственность.

Для цитирования: Петров А. Ю. Мошенничество как состав преступления: проблемы квалификации и правоприменения // Актуальные проблемы национального и международного права: материалы V науч.-практ. конф. студентов магистратуры (Санкт-Петербург, 2 нояб. 2022 г.). СПб.: С.-Петербург. ин-т (фил.) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2022. С. 137–143. DOI: 10.47645/9785604917404_137.

Conference paper

Fraud as a crime: problems of qualification and law enforcement

Andrey Y. Petrov

Saint Petersburg Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice, Saint Petersburg, Russia, ORCID 0000-0000-1234-5678, ustreal@gmail.com

Abstract. The article analyzes the material of a theoretical and scientific nature in the field of fraud. This information basis serves as the basis for the formation of problematic aspects in the qualification of fraud. An analytical study of the current legislation allows us to note the characteristic features of the most common crimes in the field of fraud in modern realities. Within the framework of the article, a conclusion is made about the main problems of qualifying fraud in the field of lending and computer information, a distinction is made with related offenses.

Keywords: fraud, qualification of crimes, breach of trust, deceit, criminal liability.

For citation: Petrov A. Y. Fraud as a crime: problems of qualification and law enforcement // Current issues of national and international law: proceedings of the 5th scientific and practical conference of master students (Saint Petersburg, November 2, 2022). Pp. 137–143. DOI: 10.47645/9785604917404_137.

В современном информационном обществе с качественным внедрением новейших платежных систем, а также систем кредитования и страхования, актуальной является проблема квалификации такого вида преступления, как мошенничество [1, с. 170]. Уголовно-правовая оценка преступления против собственности, является сложной стадией на пути правоприменения, поскольку данный процесс может быть осложнен по ряду причин. В совокупность данных обстоятельств входит: конкуренция уголовно — правовых норм, совершение преступления в соучастие, соподчинение составов преступлений. Тем самым, зачастую требуется алгоритмизация квалификационного процесса и выделение отдельных проблемных аспектов.

Мошенничество занимает значительное число относительно зарегистрированных преступлений на территории Российской Федерации. По данным 2021 года 16% преступлений от общей численности приходится на данный состав преступления. Негативная криминологическая обстановка в сфере мошенничества определяется фактором оперативного реагирования преступного сообщества на конъюнктуру рынка. Ретроспективное рассмотрение вопроса позволяет отметить, что именно необходимость дифференцированного подхода к определению уголовной ответственности в сфере мошенничества определило внесение дополнений в уголовный кодекс РФ. В соответствии с действующими нормами уголовного законодательства, вместе с основным составом мошенничества, предусмотренного ст. 159 УК РФ, выделяется пять дополнительных составов, являющихся своего рода производными юридическими конструкциями [2, с. 376]. Общим для данных видов мошенничества выступает специфичность способа

совершения данного вида преступления, а именно совершения мошенничества путем обмана или злоупотребления доверием. Аналитическое рассмотрение данного аспекта позволяет определить, что существование разделительного союза «или» в данном случае, означает самостоятельность характера каждого из предусмотренных способов совершения преступления [3, с. 38]. Развитие науки повлекло распространение наиболее распространенных и тем самым проблематичных в квалификации составов преступления: мошенничество в сфере кредитования, мошенничество в сфере компьютерной информации.

Кредитные отношения являются важнейшей составляющей рыночной экономики, обращение к данному источнику заимствования средств со стороны населения весьма распространено, что определяет и положительную динамику преступлений в данной сфере. Состав статьи 159.1 УК РФ, (мошенничество, в сфере кредитования) обладает специфическими особенностями при квалификации. Мошенничество в сфере кредитования, предполагает получение денежных средств со стороны заемщика путем предоставления заведомо ложных и недостоверных сведений в организацию, оказывающие банковские услуги. Сложность квалификации в данном случае базируется на проблемных аспектах определения предмета преступления, установления объективной стороны преступления.

Во-первых, большинство случаев кредитования, в том числе с предоставлением недостоверных сведений в банк, осуществляется с целью приобретения имущества в данном случае служит не имущество, приобретаемое на кредитные средства, а сама денежная сумма, обозначенная в кредитном договоре. Поскольку кредитная организация осуществляет предоставление денежных средств на приобретаемое имущество, а не само имущество. При этом, если передача денежной суммы произошла посредством без документального формирования кредитных отношений, квалификация по статье 159.1 УК РФ будет невозможна.

Во-вторых, мошеннические действия в сфере кредитования следует считать окончанным преступлением, с фактического момента поступления в незаконное владение данных денежных средств к лицу, являющегося субъектом преступления. Однако судебная практика вариативна и в ней определяются ситуации блокировки счета и невозможности распоряжения денежными средствами субъектом преступления, в данном случае в научном сообществе выражаются авторские мнения, относительно неоконченности преступного посягательства, вследствие невозможности снятия денежных средств субъектом преступления [4, с. 197]. В данном случае, можно определить основ-

ное требование, согласно которому обязательным признаком состава преступления, в части вменения лицу мошенничества в сфере кредитования, является наступление преступного последствия в виде причиненного имущественного ущерба.

В-третьих, при определении перечня документации, в которой может содержаться заведомо ложная и недостоверная, по существу, информация, необходимо рассмотрение предоставленных заемщиком сведений о месте работы, об уровне заработной платы, о существовании залогового имущества, и иных сведений, имеющих качественное значение для определения кредитоспособности лица с целью последующей выдачи кредитных средств.

Мошенничество в сфере кредитования оказывает негативное воздействие на избираемую политику банков и кредитных организаций. Выражение данный аспект имеет в усиленном контроле за кредитной историей потенциального заемщика, повышение кредитных ставок. Данные меры имеют целевую направленность на возмещение понесенных расходов.

Также, следует разграничить данный состав с от состава, предусмотренного ст. 176 УК РФ, а именно незаконное получение кредита. Основой для разграничения в данном случае, служит направленность на разный объект посягательства. В сфере незаконного получения кредита происходит нарушение, установленных процедурных моментов кредитования, в то же время мошенничество предполагает существование угрозы общественной безопасности посредством посягательства на чужое имущество [5, с. 182].

К негативным последствиям информатизации общества, повсеместного внедрения научных достижений является развитие киберпреступности, к которой можно отнести совершение мошенничества в сфере компьютерной информации, квалификация в данном случае преступных деяний осуществляется по ст. 159.6 УК РФ. Введение данного состава породило ряд научных дискуссий, поскольку преступление, совершенное при помощи компьютерных технологий, имеет свою специфику. В частности, отдельными авторами отмечается, что ст. 159.6 должна рассматриваться отдельно от преступлений в сфере мошенничества, поскольку предполагает независимую форму хищения посредством компьютерной технологии, что определяет запрос на исключение данной нормы из УК РФ. Другими же авторами подчеркивается лишь необходимость изменения названия в пользу хищения с помощью компьютерных технологий и в последующем введение в главу 21 Уголовного кодекса соответствующей нормы. Анализ данного состава позволяют отметить, что объективная сторона мошенничества с применением компьютерных

технологий исключает «классические» для мошенничества способы совершения преступного деяния. Поскольку обман и злоупотребление доверием в данном случае подменяет на ввод, удаление или блокирование компьютерной информации либо иное вмешательство [6, с. 272].

Однако проблемные аспекты существуют не только на общетеоретическом уровне, но практическом. Определенные сложности существуют на уровне установления наличия в действиях лица признаков состава преступления, вследствие анонимности субъекта, которая обеспечивается посредством компьютерных технологий. Относительно, данного состава возможно выделение следующих проблемных аспектов квалификации.

Во-первых, в соответствии со п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», в случае совершения хищения с использованием учетных данных вне зависимости от способа получения доступа к таким данным следует осуществлять квалификацию по статье кража. Однако данная квалификация возможна, если лицо не осуществляло незаконных действий на программное обеспечение серверов, компьютеров или непосредственно информационно-коммуникационные сети.

Во-вторых, следует разграничивать составы статьи 159.6 УК РФ и 272 УК РФ. Разграничение в данном случае возможно провести по форме объективной стороны. Так, объективная сторона мошенничества в сфере компьютерной информации предусматривает идентифицирующий данный состав преступления перечень, а именно — ввод, удаление, блокирование, модификация компьютерной информации либо иное вмешательство в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей. Если же исходить из диспозиции статьи 272 УК РФ, то блокировка, уничтожение копирование и модификация компьютерной информации выступает непосредственно не способом совершения данного деяния, а необходимым для квалификации последствием. Статьей 159.6 УК РФ наряду с блокировкой, уничтожением, копированием и модификацией компьютерной информации, установленных также для статьи 272 УК РФ, устанавливается расширенный перечень способ совершения преступления, к которым относится «ввод» компьютерной информации и «иное вмешательство». Так, статья 159.6 УК РФ имеет расширенный перечень признаков преступления, в том время как статья 272 УК РФ содержит дополнительное ограничение относительно которого, предметом данного посягательства могут выступать лишь охраняемая законом компью-

терная информация, относительно которой установлен специальный режим ее правовой защиты.

Подводя итоги, можно сформировать вывод, что на современном этапе развития правового государства имеются определенный перечень проблем в квалификации того или иного состава преступления, не устраненный посредством совершенствования законодательства и проведенной кодификационной работы.

Список источников

1. *Коннова Ю. Л.* Квалификация по субъективной стороне мошенничества: некоторые проблемы негативного правоприменения // Право. Общество. государство: сборник научных трудов студентов и аспирантов / отв. ред. Е. В. Трофимов. Том 8. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2019. С. 170–173.

2. *Сиротина И. С.* Мошенничество: проблемы применения законодательства // Молодой ученый. 2020. № 21 (311). С. 376–378.

3. *Кулешова Н. Н., Христофорова Е. И.* Мошенничество: проблемы его квалификации // Вопросы науки и образования. 2018. № 14(26). С. 38–41.

4. *Ермакова О. В.* Проблемы квалификации мошенничества в сфере кредитования // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 406. С. 197–201.

5. *Холодова А. А., Доброквашина К. А.* Проблемы квалификации преступлений, связанных с мошенничеством в сфере кредитования // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. № 7–1. С. 179–184.

6. *Стилиди Д. П.* Мошенничество в сфере компьютерной информации как состав преступления: проблемы квалификации и правоприменения // Молодой ученый. 2021. № 49 (391). С. 272–274.

References

1. *Konnova Y. L.* Qualification on the subjective side of fraud: some problems of negative law enforcement // Right. Society. state: Collection of scientific papers of students and postgraduates / Rev. E. V. Trofimov. Volume 8. — St. Petersburg: St. Petersburg Institute (branch) VSUU (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 2019. pp. 170–173. (In Russ.).

2. *Sirotnina I. S.* Fraud: problems of the application of legislation // Young Scientist. 2020. No. 21 (311). pp. 376–378. (In Russ.).

3. *Kuleshova N. N., Khristoforova E. I.* Fraud: problems of its qualification // *Issues of science and education*. 2018. No. 14(26). pp. 38–41. (In Russ.).

4. *Ermakova O. V.* Problems of qualification of fraud in the field of lending // *Bulletin of Tomsk State University*. 2016. No. 406. pp. 197–201. (In Russ.).

5. *Kholodova A. A., Dobrokvashina K. A.* Problems of qualification of crimes related to fraud in the field of lending // *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2022. No. 7–1. pp. 179–184. (In Russ.).

6. *Stilidi D. P.* Fraud in the field of computer information as a crime: problems of qualification and law enforcement // *Young scientist*. 2021. No. 49 (391). pp. 272–274. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 26.10.2022; одобрена после рецензирования 26.10.2022; принята к публикации 26.10.2022.

The paper was submitted 26.10.2022; approved after reviewing 26.10.2022; accepted for publication 26.10.2022.

Научная статья
УДК 343.2
DOI: 10.47645/9785604917404_144

Проблемы лишения права заниматься определенной деятельностью как наказания для несовершеннолетних

Александр Александрович Шадерков

Санкт-Петербургский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Санкт-Петербург, Россия, a_shaderkov@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые проблемы, связанные с назначением несовершеннолетним наказания в виде лишения права заниматься определенной деятельностью. Автор приходит к выводу, что законодатель допустил неточность в наименовании рассматриваемого наказания. Кроме того, автор поднимает вопрос о возможности назначения изучаемого наказания для несовершеннолетних, при этом такой анализ производится в отношении двух групп подростков, дифференцированных автором по возрастному признаку.

Ключевые слова: несовершеннолетние, уголовная ответственность, система наказаний для несовершеннолетних, совершенствование законодательства, назначение наказания, проблемы назначения.

Для цитирования: Шадерков А. А. Проблемы лишения права заниматься определенной деятельностью как наказания для несовершеннолетних // Актуальные проблемы национального и международного права: материалы V науч.-практ. конф. студентов магистратуры (Санкт-Петербург, 2 нояб. 2022 г.). СПб.: С.-Петербург. ин-т (фил.) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2022. С. 144–150. DOI: 10.47645/9785604917404_144.

Conference paper

Problems of Deprivation of the Right to Engage in Certain Activities as a Punishment for Minors

Alexander A. Shaderkov

Saint Petersburg Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice, Saint Petersburg, Russia, a_shaderkov@mail.ru

Abstract. The article considers some problems associated with the assignment to minors of punishment in the form of deprivation of the right to engage in certain activities. The author concludes that the legislator allowed inaccuracy in the name of the punishment in question. In addition, the author raises the issue of the possibility of assignment of the studied punishment for minors, with such an analysis is made with respect to two groups of adolescents, differentiated by the author on the basis of age.

Keywords: minors, criminal responsibility, system of punishments for minors, improvement of legislation, sentencing, problems of assignment.

For citation: Shaderkov A. A. Problems of Deprivation of the Right to Engage in Certain Activities as a Punishment for Minors // Current issues of national and international law: proceedings of the 5th scientific and practical conference of master students (Saint Petersburg, November 2, 2022). Pp. 144–150. DOI: 10.47645/9785604917404_144.

Одной из самых важных и чувствительных тем в России на протяжении длительного времени остается проблема подростковой преступности, что отметил и Президент РФ в рамках оперативного совещания Совета Безопасности России 3 декабря 2021 года. С горечью необходимо констатировать, что на сегодняшний день такая проблема не решена. Согласно статистической информации Судебного Департамента при Верховном Суде РФ, почти 3% всех преступлений совершаются несовершеннолетними.

При этом структура подростковой преступности также изменяется, причём, сохраняя негативные тенденции. Так, например, за последние 5 лет количество тяжких преступлений, совершённых несовершеннолетними, увеличилось на 10%, а количество особо тяжких преступлений за этот же временной промежуток приросло на 2,5%.

Такие данные красноречиво свидетельствуют, что «угроза» наказания не оказывает действенного превентивного влияния на поведение несовершеннолетних. На наш взгляд, определенное бессилие превентивной функции наказания, в первую очередь, обусловлено существующими недостатками регламентации института наказаний. Ценность и необходимость гуманизации уголовно-правовой политики в отношении несовершеннолетних неоспоримы. Однако, применение уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы, должно быть не просто декларацией, а иметь вполне реалистичную основу исполнения.

В связи с этим, суд при выборе наказания подростку должен исходить из приоритета исправления несовершеннолетнего преступника путем установления таких ограничений и лишений прав, которые в наименьшей степени повлияют на полноценное развитие юноши,

его социальную и бытовую адаптацию. Одним из таких наказаний, не связанных с лишением свободы, для несовершеннолетней категории граждан выступает лишение права заниматься определенной деятельностью. К тому же его положительной чертой, наравне со штрафом и исправительными работами, выступает его статус, определяющий его в качестве как основного, так и дополнительного наказания. Указанное качество исследуемого вида наказания дает для правоприменительных органов более широкое поле его реализации.

При этом, необходимо отметить, что ст. 88 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) содержит в себе «усеченный» вариант наказания, отраженного в ст. 47 УК РФ. Так, вместо «лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью», закрепленного в ст. 44 УК РФ, в ч. 1 ст. 88 УК РФ содержится указание исключительно на «лишение права заниматься определенной деятельностью». В. А. Фокин высказывает мнение, что законодательный орган целенаправленно не стал включать тождественное название наказания, предложенного статьей 44 УК РФ, вследствие того, что лица в таком возрасте в соответствии с действующим законодательством попросту еще не могут нести гражданскую службу [1, с. 187]. Сложно не согласиться с представленной позицией, однако, только в части того, что законодательством действительно не предусмотрена возможность занимать должности на государственной службе или в органах местного самоуправления гражданам, не достигшим восемнадцатилетнего возраста.

Мнение об умышленном исключении части наказания, выглядит спорным. Ч. 1 ст. 43 УК РФ устанавливает, что сущность наказания заключается либо в ограничении прав, либо бы же в полной утрате возможности распоряжаться теми или иными правами, свободами лицом, в отношении которого вынесен обвинительный приговор. Перечень прав и свобод, которые по приговору суда могут быть ущемлены, для каждого отдельно предусмотренного наказания строго определен в нормах девятой главы УК РФ. В таком случае получается, что указанное в ст. 88 УК РФ «уголовно-правовое взыскание» представляет из себя новое наказание, пусть и максимально схожее с обозначенным в ст. 44 УК РФ. Но при данных обстоятельствах необходимо и свое специфическое правовое регулирование для «лишения права заниматься определенной деятельностью». Примечательно, что лестница штрафных санкций для несовершеннолетних преступников выстроена из шести различных наказаний, при этом изучаемое — единственное, которое, по сравнению с общеизвестной для российского уголовного права системой уголовно-правовых мер воздействия, не содержит уточнений ни по срокам его, ни по иным особенностям его

применения отношении подростков, что несомненно представляется серьезным упущением. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» равным образом не содержит ни одного разъяснения относительно указанного вида наказания. В связи с этим, при его назначении стоит следовать законодательным смыслам, заложенным в ст. 47 УК РФ, а также указаниям, содержащимися в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 (ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (далее — ПП ВС РФ № 58).

Немаловажно отметить, что Пленум ВС РФ в п. 9 ПП ВС РФ № 58 дает некоторые разъяснения о потенциальном применении именно «лишения права заниматься определенной деятельностью» в качестве дополнительного наказания. Вот только, проводя анализ указанного пункта целиком, можно прийти к окончательным выводам, что Верховный Суд РФ не «устанавливает» нового наказания, а исключительно для удобства толкования разделяет известное наказание на две условно самостоятельные его части. Таким образом, создается парадоксальная ситуация, в которой суд в случае, если окончательно «останавливает свой взгляд» на лишении права заниматься определенной деятельностью в качестве меры, достигающей целей наказания, должен «избирательно» исключать ряд ограничений прав, которые определены в ст. 47 УК РФ, без специального указания на то в законе. В таком случае можно говорить о применении наказания по аналогии закона, что недопустимо в силу положений принципа законности. Изучаемое наказание несовершеннолетним должно иметь в УК РФ вовсе не «сокращенное» название, а «полноценное», зафиксированного в девятой главе УК РФ. Солидарны с мнением К. И. Ирина, в соответствии с которым, в статье 88 УК РФ должны быть отражены положения, характеризующие особенности его применения в отношении несовершеннолетних [2, с. 245].

Как было сказано выше, содержательная часть изучаемого наказания направлена на умаление профессиональных и трудовых интересов, а как следствие и имущественных. «Он теряет право работать в месте где работал, или заниматься той деятельностью, которой занимался, и соответственно теряет доход от этой деятельности» [3, с. 104]. Стало быть, можно сказать, что закладываемая цель заключается в недопущении новых преступных проявлений осужденного лица, которые он мог бы совершить, сохраняя свою должность или определенную профессию.

Уместно отметить, что в научных кругах ведутся дискуссии относительно того, должно ли вообще анализируемое наказание применяться к несовершеннолетним, есть ли в нем практический смысл. Например, А. С. Вирясова, не считает его назначение подросткам теоретически или практически оправданным [4, с. 42]. Чтобы подтвердить или опровергнуть выдвинутую гипотезу, разумно проанализировать санкции статей, закрепляющих то или иное деяние в разряд уголовно наказуемых. Целесообразно дифференцировать группы несовершеннолетних подростков на две категории, от 14 до 16 лет и от 16 до 18 лет, что предопределено возрастной характеристикой лица, с которой связано наступление «уголовной деликтоспособности». Очевидно, что в отношении лиц, которые уже достигли 16 лет указанное наказание имеет важное значение, поскольку, в соответствии с 63 статьей Трудового кодекса РФ, они уже обладают полной трудовой дееспособностью. Следовательно, можно сказать, что лицо уже в таком возрасте может совершать преступления, которые напрямую связаны с определенной профессиональной деятельностью, а значит в некоторых случаях суд может признать невозможным продолжение определенной деятельности, в том числе трудовой.

Относительно возрастной группы в диапазоне от четырнадцати до шестнадцати лет, можно подчеркнуть, что из девяносто четырех составов преступлений, субъектом в которых выступает лицо, достигшее четырнадцати лет, лишь в шести составах закреплена «опция» назначения лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в качестве дополнительного наказания, а в качестве основного наказание оно не встречается и во все. В то же время, указанные шесть составов сконцентрированы фактически в двух статьях УК РФ, а именно 131 и 132 УК РФ. Очевидно, что данное наказание в вышеназванных двух статьях для рассматриваемой группы не предназначается, фактически лишено смысла по причине неприменимости.

Подвергнув анализу ч. 3 ст. 47 УК РФ можно говорить о том, уголовный закон предоставляет возможность назначать обсуждаемый вид наказания в качестве дополнительного даже в тех случаях, когда он не значится в санкции соответствующей статьи, закрепляющей уголовно-правовые запреты. Важно подчеркнуть, что невозможность сохранения за подсудимым своего профессионального статуса является обязательным основанием такого назначения, при этом суд обязан учитывать как личность виновного, так и признаки вменяемого состава преступления. Де-факто такой ситуации не может возникнуть в действительности, поскольку в таком возрасте лицо еще не может заниматься определенной деятельностью на профессиональном уровне.

не и совершать в связи с ее осуществлением преступления. В этом контексте необходимо отметить мнение Н. В. Гридаева, который указал, что законодатель, скорее всего, подразумевал, что данное наказание применяется к несовершеннолетним уже достигшим шестнадцатилетнего возраста [5, с. 65].

Обобщая все вышесказанное, можно утверждать, что лишение права заниматься определенной деятельностью в роли наказания для несовершеннолетних нецелесообразно в существующей системе наказаний в целом, в первую очередь в качестве дополнительного наказания, и фактически лишено смысла существования для несовершеннолетних, которые еще не достигли шестнадцатилетнего возраста.

Список источников

1. *Фокин В. А.* Лишение права заниматься определенной деятельностью как вид уголовного наказания, применяемый к несовершеннолетним // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 12-2 (62). С. 186–188.

2. *Иринин К. В.* Эффективность назначения наказания в виде лишения права заниматься определенной деятельностью несовершеннолетним // Наукосфера. 2021. № 10-2. С. 244–251.

3. *Долгополов К. А.* Назначение несовершеннолетним наказаний в виде ареста и лишения права заниматься определенной деятельностью // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 3. С. 103–104.

4. *Вирясова А. С.* Особенности назначения наказания в виде лишения права заниматься определенной деятельностью в отношении несовершеннолетних // Модернизация и устойчивое развитие современного общества: экономические, социальные, философские, политические, правовые, общенаучные тенденции (Новосибирск-Тихорецк-Саратов-Краснодар, 11 октября 2017 года). Новосибирск-Тихорецк-Саратов-Краснодар: Общество с ограниченной ответственностью «Академия управления», 2017. С. 40–42.

5. *Гридаев Н. В.* Особенности назначения уголовного наказания в виде лишения права заниматься определенной деятельностью в отношении несовершеннолетних // Моя профессиональная карьера. 2021. Т. 2. № 26. С. 63–66.

References

1. *Fokin V. A.* Deprivation of the right to engage in certain activities as a type of criminal punishment applied to minors // Historical, philosophi-

cal, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice. 2015. No. 12-2 (62). Pp. 186–188. (In Russ.).

2. *Irinin K. V.* The effectiveness of sentencing in the form of deprivation of the right to engage in certain activities to minors // *Naukosphere*. 2021. No. 10-2. Pp. 244–251. (In Russ.).

3. *Dolgopолоv K. A.* Assigning punishments to minors in the form of arrest and deprivation of the right to engage in certain activities // *Gaps in Russian legislation*. 2009. No. 3. Pp. 103–104. (In Russ.).

4. *Viryasova A. S.* Features of sentencing in the form of deprivation of the right to engage in certain activities with respect to minors // *Modernization and sustainable development of modern society: economic, social, philosophical, political, legal, general scientific trends* (Novosibirsk-Tikhoretsk-Saratov-Krasnodar, October 11, 2017). Novosibirsk-Tikhoretsk-Saratov-Krasnodar: Limited Liability Company „Academy of Management,, 2017. Pp. 40–42. (In Russ.).

5. *Gridaev N. V.* Features of the appointment of criminal punishment in the form of deprivation of the right to engage in certain activities with respect to minors // *My professional career*. 2021. Vol. 2. No. 26. Pp. 63–66. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 26.10.2022; одобрена после рецензирования 28.10.2022; принята к публикации 28.10.2022.

The paper was submitted 26.10.2022; approved after reviewing 28.10.2022; accepted for publication 28.10.2022.

**АДМИНИСТРАТИВНОЕ
ПРАВО И ПРОЦЕСС**

Научная статья

УДК 342

DOI: 10.47645/9785604917404_153

Проблемы реализации права граждан Российской Федерации на референдум

Яна Александровна Беляева

Дмитровградский инженерно-технологический институт — филиал федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ» (ДИТИ НИЯУ МИФИ), Дмитровград, Россия, liuba.belyaeva2016@yandex.ru

Аннотация. В данной статье поднимается проблема непопулярности такой формы волеизъявления граждан, как референдум. Данная проблема является актуальной, так как на территории Российской Федерации референдум проводится крайне редко. Множество факторов влияет на это, которые достаточно трудно решаемые. В данной статье приводится несколько таких факторов, которые пагубно влияют на данный институт. Поэтому целью работы является рассмотрения данного института и проблем, которые препятствуют организации проведения референдума. Результатом данной работы является выделение предполагаемых путей решений, которые смогут облегчить организацию и проведение данной формы волеизъявления граждан.

Ключевые слова: референдум, демократия, институт, форма волеизъявления граждан, народ.

Для цитирования: Беляева Я. А. Проблемы реализации права граждан Российской Федерации на референдум // Актуальные проблемы национального и международного права: материалы V науч.-практ. конф. студентов магистратуры (Санкт-Петербург, 2 нояб. 2022 г.). СПб.: С.-Петербург. ин-т (фил.) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2022. С. 153–159. DOI: 10.47645/9785604917404_153.

Conference paper

Problems of realization of the right of citizens of the Russian Federation to a referendum

Yana A. Belyaeva

Dimitrovgrad Institute of Engineering and Technology — branch of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education

“National Research Nuclear University” MEPhI “(DETI NRNU MEPhI),
Dimitrovgrad, Russia, liuba.belyaeva2016@yandex.ru

Abstract. This article raises the problem of the unpopularity of such a form of expression of the will of citizens as a referendum. This problem is relevant, since a referendum is held extremely rarely on the territory of the Russian Federation. Many factors affect this, which are quite difficult to solve. This article presents several such factors that adversely affect this institution. Therefore, the purpose of the work is to consider this institution and the problems that hinder the organization of the referendum. The result of this work is the selection of proposed solutions that can facilitate the organization and conduct of this form of expression of the will of citizens.

Keywords: referendum, democracy, institution, form of expression of the will of citizens, people.

For citation: Belyaeva Y. A. Problems of realization of the right of citizens of the Russian Federation to a referendum // Current issues of national and international law: proceedings of the 5th scientific and practical conference of master students (Saint Petersburg, November 2, 2022). Pp. 153–159. DOI: 10.47645/9785604917404_153.

Изучение института референдума прямой демократии представляет достаточно большой интерес в обществе. В настоящее время молодые люди даже не знают о существовании этой формы прямого волеизъявления. Это связано с тем, что референдум в Российской Федерации проводится достаточно редко. Последний всероссийский референдум состоялся 25 апреля 1993 года, по вопросам выбора Конституции Российской Федерации. На данный момент никаких масштабных всероссийских референдумов не проводилось. Отсюда возникает вопрос: так почему же референдумы так непопулярны? По каким причинам граждане Российской Федерации не могут выразить свою волю через данный институт? В этом и стоит разобраться.

Обратимся к Федеральному конституционному закону от 28.06.2004 № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» (Далее № 5-ФКЗ), в котором регламентируется понятие «референдум» в Российской Федерации. «Референдум Российской Федерации — всенародное голосование граждан Российской Федерации, обладающих правом на участие в референдуме, по вопросам государственного значения». Аналогичный смысл следует и из определения, данного В. А. Черепановым, определившим референдум, как одну из форм учредительной власти народа. [1, с. 38].

Референдум является одним из ключевых способов реализации прямой демократии в Российской Федерации. Необходимо отметить,

что он имеет существенное преимущество перед демократией, а именно перед конфигурацией, посредством которой люди могут выражать свою волю через законы и другие нормативные акты избранных депутатов и членов местных органов власти. Референдум дает гражданам право формулировать свою волю непосредственно путем голосования. Однако не следует переоценивать значение референдума. Вопросы, вынесенные на референдум, могут быть недоступны для всестороннего рассмотрения обычными избирателями, которые могут не предвидеть или не усмотреть всех политических последствий.

Процесс референдума представляет собой совокупность правовых процедур, отражающих определенную последовательность правовых мер, направленных на организацию воли народа — источника власти и носителей суверенитета [2, с. 96].

В статье 14 № 5-ФКЗ говорится о том, что инициативу на проведение референдума наравне с органами власти могут выдвинуть и граждане Российской Федерации. Данный процесс представляет собой три этапа: 1) легализацию инициативной группы референдума; 2) сбор подписей в поддержку инициативы проведения референдума; 3) решение ЦИК Российской Федерации по инициативе граждан.

Для выдвижения вопроса на референдум, и в последующем для проведения данного института народ Российской Федерации должен сформировать инициативную группу. Данная группа по проведению референдума должна состоять более чем из 2 млн. граждан, имеющих право на участие в референдуме, при условии, что не более 50 тысяч из них проживают на территории одного субъекта Российской Федерации или в совокупности за пределами территории Российской Федерации.

Кроме того закон предусматривает, что подгруппы, которые должны входить в инициативную группу, должны быть сформированы более чем в половине регионов Российской Федерации. Вот тут-то и начинаются проблемы. Довольно сложно собрать такую группу единомышленников по всей Российской Федерации. Это особенно невозможно в малонаселенных районах, где просто нереально создать инициативную группу, состоящую из 100 человек. К примеру, можно привести районы Крайнего Севера, особенно Чукотский автономный округ, Магаданскую область. Плотность данных районов составляет 0,07 и 0,30 чел. на квадратный метр. Это крайне мало по сравнению с густонаселенными участками России, к примеру, город Москва, где на плотность составляет 4941,45 чел. на квадратный метр. Это связано в основном с достаточно тяжелыми погодными условиями на Крайнем Севере неблагоприятными для жизни человека.

Кроме всего выше сказанного существует требование по выдвижению инициативы, по которому подписи назначенных участников референдума в протоколе их регистрации на собрании региональной подгруппы должны быть нотариально заверены (п. 5 ст. 15 № 5-ФКЗ). Этот процесс требует больше времени и финансовых затрат. Кроме того, закон запрещает вовлечение лиц, не являющиеся членами инициативной группы по сбору подписей в поддержку референдума. На практике довольно сложно организовать такую группу, собрать все подписи. Как уже упоминалось выше, организовать эту группу в малонаселенных районах Российской Федерации практически невозможно. Перечисленные проблемы свидетельствуют о несовершенстве законодательства в области организации референдума гражданами Российской Федерации. Для решения этого существует необходимость пересмотреть эти вопросы и упростить создание организационных групп. Это одна из причин непопулярности проведения референдумов, которая заключается в затруднительном выдвижении инициативных групп народом.

В ст. 12 Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 04.06.2021) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее № 67-ФЗ) выделены вопросы, которые не могут быть вынесены на референдум. В соответствии с данной статьей происходит сужение круга вопросов, выносимых на референдум, вследствие этого права граждан подвергаются ограничению. К дополнению ко всему вышесказанному, в этой статье № 67-ФЗ говорится: «Вопрос, вынесенный на референдум, не должен противоречить действующей Конституции Российской Федерации». О. Н. Коломытцева отмечает, что эта норма содержит явное противоречие, поскольку Конституция Российской Федерации провозглашает многонациональный народ страны носителем суверенитета и единственным источником власти, а референдум является высшим и прямым выражением воли народа. В связи с этим акт, принятый на референдуме, занимает особое место в иерархии источников права. Из всего сказанного, неправомерно отказывать людям в праве принимать решения, требующие последующих поправок к Основному закону на основе референдума. Кроме того, часть 3 статьи 135 Конституции Российской Федерации предусматривает возможность замены действующей Конституции Российской Федерации путем референдума [3, с. 160]. Также, если нет возможности вынести на референдум вопрос о досрочном прекращении полномочий президента Российской Федерации, Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, мы считаем целесообразным провести обсуждение возможных способов обратной связи между федеральными органами

государственной власти и граждан Российской Федерации, об закреплении законодательных форм их ответственности перед гражданами Российской Федерации. [4, с. 17]. Для решения этой проблемы также необходимо пересмотреть законодательство Российской Федерации, расширить круг вопросов, выносимых на референдум.

Среди недостатков законодательства выделяют такую проблем, как нечеткую проработку вопросов правовых последствий референдумов, что позволяет властям избегать выполнения своих решений [5, с. 1725]. Кроме того, в истории известны случаи, когда власть полностью игнорировала результаты референдума. К примеру, можно привести Всесоюзный референдум о сохранении СССР, когда 76% участвовавших граждан Советского Союза проголосовали утвердительно на поставленный вопрос: «Считаете ли Вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновленной Федерации равноправных суверенных республик, в которой права и свободы человека любой национальности будут полностью гарантированы?». Однако правительство просто проигнорировало их, и через некоторое количество времени Советский Союз прекратил своё существование.

Существует проблема с большими материальными затратами на проведение референдума. По этой причине многие муниципальные образования, отказываются в его организации и проведении. Существуют десятки субъектов федерации, в которых не было проведено ни одного местного референдума. Во многих субъектах был проведен один или два местных референдума. То есть не все субъекты используют для решения вопросов местного значения данный институт, поэтому он получил не повсеместное распространение. Что же касается всероссийского референдума, то он тоже требует достаточно много материальных затрат. По этой причине референдум проводится крайне редко и на всей территории Российской Федерации, вследствие этого происходит ограничение граждан в выражении воли через данный институт прямой демократии.

Таким образом, можно сделать вывод, что референдум занимает важное место в прямой демократии, что предопределяется его основными характеристиками как выражение воли граждан, проживающих на территории Российской Федерации, которое проявляется в форме голосования, направленного на принятие важного, властного решения. Одной из причины отказа проведения референдума является большие финансовые затраты на его проведение. Решить данную проблему можно с помощью внедрения интернет-голосования при проведении референдума. Затраты будут снижены и больше количество людей смогут выразить свою волю. Кроме этого, из-за эпидемиологической

обстановки в мире и в Российской Федерации внедрение такого способа голосования поможет проводить референдум по необходимым вопросам безопаснее для граждан. Будет снижен риск распространения коронавирусной инфекцией. Но для принятия такого способа голосования необходима его большая доработка, чтобы избежать накрутки голосов. Что же касается несовершенства законодательства по вопросам организации референдума, то данное положение возможно решить только с помощью пересмотра законов, определяющие моменты данного института. Самые проблемные места в законодательстве — это формирование инициативной группы. Здесь необходимо сократить количество граждан, которые должны состоять в данной группе, плюс упростить сбор подписей. В проблеме с ограничением вопросов, выносимых на референдум, необходимо пересмотреть список ограничений. Возможно, некоторые пункты убрать, к примеру, о принятии чрезвычайных и срочных мер по обеспечению здоровья и безопасности населения. Данный пункт напрямую касается граждан, поэтому, на наш взгляд, этот вопрос может и должен выноситься на референдум.

Список источников

1. *Черепанов В. А.* О народовластии в России: продолжение дискуссии // Государство и право. 2014. № 1. С. 36–44.
2. *Крылов Б. С.* Институт референдума в России и за рубежом // Российский юридический журнал. 2009. № 4. С. 95–101.
3. *Коломытцева О. Н.* Выборы и референдум в механизме общественного контроля над государством // Вестник Владимирского юридического института № 2 (7). 2008. С. 158–161.
4. *Останков Д. Б.* Конституционно–правовое содержание права граждан Российской Федерации на участие в референдуме // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2009. № 3 С. 15–18.
5. *Зитева И. Ю.* Правовые основы местного референдума в Российской Федерации. // Право и политика. 2009. № 8. С. 1720–1728.

References

1. *Cherepanov V. A.* On democracy in Russia: continuation of the discussion // State and law. 2014. No. 1. P. 36–44. (In Russ.).
2. *Krylov B. S.* Institute of Referendum in Russia and abroad // Russian Law Journal. 2009. No. 4. P. 95–101. (In Russ.).
3. *Kolomytseva O. N.* Elections and referendums in the mechanism of public control over the state // Bulletin of the Vladimir Law Institute No. 2 (7). 2008. P. 158–161. (In Russ.).

4. *Ostankov D. B.* Constitutional and legal content of the right of citizens of the Russian Federation to participate in a referendum // «Black holes» in Russian legislation. 2009. No. 3. P. 15–18. (In Russ.).

5. *Ziteva I. Yu.* Legal basis of the local referendum in the Russian Federation. // Law and Politics. 2009. No. 8. P. 1720–1728. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 28.09.2022; одобрена после рецензирования 19.10.2022; принята к публикации 19.10.2022.

The paper was submitted 28.09.2022; approved after reviewing 19.10.2022; accepted for publication 19.10.2022.

Научная статья
УДК 342.9
DOI: 10.47645/9785604917404_160

**Особенности административно-правового регулирования
управления государственным имуществом на территории
закрытого административно-территориального образования**

Ксения Дмитриевна Иневаткина

Санкт-Петербургский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Санкт-Петербург, Россия, kseniainevat@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются особенности заключения сделок с недвижимым имуществом на территориях закрытого административно-территориального образования (ЗАТО) в отношении военного имущества. Целью работы является разработка предложений по внесению изменений в регулирующее данную процедуру законодательство и акты органов исполнительной власти, задачами работы являются: выявление проблематичных вопросов, возникающих на практике заключения подобного рода сделок, выявление особенностей заключения сделок в отношении федерального военного имущества, находящегося на территории закрытого административно-территориального образования, а также на схожие правовые режимы.

Ключевые слова: закрытое административно-территориальное образование, федеральное имущество, сделки, военное имущество, особенности.

Для цитирования: Иневаткина К. Д. Особенности административно-правового регулирования управления государственным имуществом на территории закрытого административно-территориального образования // Актуальные проблемы национального и международного права: материалы V науч.-практ. конф. студентов магистратуры (Санкт-Петербург, 2 нояб. 2022 г.). СПб.: С.-Петерб. ин-т (фил.) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2022. С. 160–168. DOI: 10.47645/9785604917404_160.

Conference paper

**Features of administrative and legal regulation
of state property management on the territory
of a closed administrative-territorial entity**

Ksenia D. Inevatkina

St. Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice, St. Petersburg, Russia, kseniainevat@gmail.com

© Иневаткина К. Д., 2022.

Abstract. The article discusses the specifics of concluding transactions with real estate in the territories of a closed administrative-territorial entity (BUT) in relation to military property. The purpose of the work is to develop proposals for amendments to the legislation regulating this procedure and acts of executive authorities, the objectives of the work are: to identify problematic issues arising in practice of concluding such transactions, to identify the specifics of concluding transactions with respect to federal military property located on the territory of a closed administrative-territorial entity, as well as similar legal regimes.

Keywords: closed administrative-territorial entity, federal property, transactions, military property, features.

For citation: Inevatkina K. D. Features of administrative and legal regulation of state property management on the territory of a closed administrative-territorial entity // Current issues of national and international law: proceedings of the 5th scientific and practical conference of master students (Saint Petersburg, November 2, 2022). Pp. 160–168. DOI: 10.47645/9785604917404_160.

Управление государственной и муниципальной собственностью представляет из себя систему организационно-экономических отношений между различными субъектами для организации и воспроизводства объектов государственной и муниципальной собственности посредством применения организационно-экономических интересов общества и государства.

Одним из таких субъектов в структуре Министерства обороны Российской Федерации (далее — Министерство) является Департамент военного имущества Министерства обороны Российской Федерации (далее — Департамент), основной задачей которого является реализация полномочий Министерства, как собственника военного имущества, по управлению и распоряжению имуществом Вооруженных Сил, земельными участками (пп. 1 п. 7 Положения о Департаменте утв. Приказом Министра обороны Российской Федерации от 03.09.2020 № 444).

Одним из территориальных органов Департамента является ФГКУ «Северо-Западное территориальное управление имущественных отношений» Министерства обороны Российской Федерации (далее — Учреждение, Северо-Западное ТУИО). Положениями п. 12 Устава Учреждения определено, что предметом и целями деятельности Учреждения является обеспечение реализации полномочий Минобороны России в сфере управления и распоряжения имуществом Вооруженных Сил.

Закрытое административно-территориальное образование (далее — ЗАТО) — это территориальное образование, создание которого

нацелено на обеспечение безопасного функционирования организаций, которые находятся на его территории, как правило, является режимным объектом, поэтому на территории ЗАТО установлен особый режим для функционирования и охраны сведений, составляющих государственную тайну. Данный режим в некоторых сферах ограничивает права граждан. (ч. 1 ст. 1 Закона Российской Федерации от 14.07.1992 № 3297-1 «О закрытом административно-территориальном образовании» (далее — Закон о ЗАТО).

В зону территориальной ответственности Учреждения входят Мурманская и Архангельская области, на территориях которых расположены следующие ЗАТО, созданные в целях обеспечения функционирования объектов Северного флота и объектов Воздушно-космических сил Министерства: Александровск, Видяево, Заозёрск, Островной и Североморск, г. Мирный (космодром «Плесецк»).

Хисамутдинова Ю. А. выделяет следующие особенности ЗАТО: 1) ограничение на ведение предпринимательской деятельности, привлечения инвестиций; 2) расположение в пределах закрытого образования промышленного предприятия по изготовлению, утилизации оружия массового поражения, переработке радиоактивных и других материалов, военного или иного объекта; 3) особое бюджетное финансирование; 4) установление особого режима, при котором должны обеспечиваться создания специальных условий проживания граждан, безопасного функционирования и охраны государственной тайны; 5) присвоение такого статуса по решению Президента Российской Федерации; 6) наделение особыми полномочиями органов исполнительной власти и муниципалитета (например, федеральные органы вправе принимать решения об обеспечении особого режима функционирования объектов и предприятий) [1, с. 336–341]. С данным перечнем в своих работах согласны Сосновская Ю. Н., Маркина Э. В. [2, с. 336–341], Хасанова Д. И. [3, с. 146–149].

Поскольку, как уже упоминалось ранее, ЗАТО является режимным объектом, деятельность которого связана с государственной тайной, для лиц, не проживающих на таких территориях и местом нахождения которых не является территория ЗАТО, установлены особые условия для совершения сделок с недвижимым имуществом такого образования.

В частности, они принимают участие в данных сделках только по решению администрации, согласованному с федеральным органом исполнительной власти и Федеральной службой безопасности Российской Федерации (далее — ФСБ России). Данные положения предусмотрены ч. 1, 2 ст. 8 Закона о ЗАТО.

Для вышеупомянутых территориальных образований такой порядок согласовало Министерство в Приказе Министра обороны Рос-

сийской Федерации от 14.06.2018 № 320 (далее — Приказ № 320), согласно которому для государственного или муниципального имущества требуется согласование непосредственно Министерства и ФСБ России. А для имущества частных лиц достаточно согласования подведомственных организаций Министерства (обычно это командование или войсковая часть) и территориальным органом ФСБ России.

Следовательно, это означает, что Департаменту совместно с ФСБ России необходимо согласовать такую сделку на основании обращения главы администрации ЗАТО. Однако законом не установлено, в какой момент необходимо проводить такое согласование. Требуется ли проводить его при согласовании проекта приказа о даче согласия на совершение такой сделки? Или необходимо согласовывать данную сделку на стадии подготовки комплекта документов?

Приказом № 320 установлено, что процедура согласования Министерства и ФСБ России включает в себя регистрацию Министерством поступившего сопроводительного письма органа местного самоуправления с приложенными решением и документами, указанными в пункте 5 настоящего Порядка. Однако, по смыслу ч. 2 ст. 8 Закона о ЗАТО, органам местного самоуправления необходимо сначала согласовать сделку с Министерством и ФСБ России, на основании решения которых издавать решение о допуске или отказе в допуске граждан или организаций к участию в таких сделках.

Таким образом, возникает правовая коллизия, которая может иметь негативные последствия как для органов местного самоуправления ЗАТО, так и для органов военного управления со стороны надзорных органов.

На практике заключения договоров аренды в отношении имущества, находящегося на территории ЗАТО, такой порядок зависит от регламента согласования таких сделок, утверждаемым самим органом местного самоуправления ЗАТО.

Проанализировав сайты указанных муниципальных образований, следует отметить, что далеко не всеми администрациями разработан специальный регламент для допуска к участию в сделке на территории ЗАТО в отношении государственного имущества. Такой регламент разработан только Администрацией г. Мирный. В остальных же случаях при согласовании сделок в отношении государственного имущества юридическому лицу, не являющегося резидентом ЗАТО, органы местного самоуправления руководствуются регламентом, предназначенным для согласования сделок в отношении частного имущества. Данный порядок не может быть признан законным, поскольку целиком и полностью нарушает положения п. 2 Приказа № 320.

Постановлением от 12.08.2020 № 675 главой администрации г.о. Архангельской области «Мирный» утвержден административный регламент предоставления муниципальной услуги «О допуске к совершению сделки с недвижимым имуществом, расположенным на территории закрытого-административно территориального образования «Мирный» (далее — Регламент г. Мирный).

Согласно п. 11 Регламента г. Мирный, результатом предоставления муниципальной услуги является: 1) постановление администрации Мирного о допуске заявителя к совершению сделки с недвижимым имуществом, расположенным на территории ЗАТО Мирный, согласованное Минобороны России в отношении имущества, находящегося в государственной или муниципальной собственности; 2) постановление администрации Мирного о допуске заявителя к совершению сделки с недвижимым имуществом, расположенным на территории ЗАТО Мирный, согласованное войсковой частью 13991 Минобороны России в отношении имущества, находящегося в частной собственности; 3) уведомление об отказе в предоставлении муниципальной услуге.

Указанным регламентом также предусмотрено, что решение органа местного самоуправления (в данном случае главы администрации г. Мирный) о допуске заявителя к совершению сделки сначала подписывается главой администрации, а затем направляется на согласование в Министерство обороны Российской Федерации или войсковую часть, в зависимости от вида имущества, в отношении которого совершается сделка (п. 44 Регламента г. Мирный).

Таким образом, регламент разрешает правовую коллизию и определяет, что уже готовое решение органов местного самоуправления должно согласовываться с Министерством, как и предусмотрено Приказом № 320.

Стоит также отметить, что при буквальном толковании ч. 1 ст. 8 Закона о ЗАТО, Учреждению также необходимо согласовывать допуск к участию в сделке, как арендодателю, ссудополучателю или землепользователю имущества, передаваемого по сделке, поскольку Учреждение не является резидентом ЗАТО, местом нахождения данного юридического лица является г. Санкт-Петербург. Данный подход нашел свое отражение и в судебной практике. Например, Постановлением от 04.03.2020 по делу № А42-8323/2019 Тринадцатый арбитражный апелляционный суд признал незаконными действия Администрации г. Североморска, выразившиеся в отказе в согласовании допуска юридического лица — потенциального арендодателя, не являющегося резидентом ЗАТО, для совершения сделки (абз. 5 стр. 4 Постановления). С данным выводом согласился Арбитражный суд Северо-Запад-

ного округа и Верховный суд Российской Федерации в Постановлении от 18.06.2020 и Определении от 14.09.2020 соответственно.

Является ли оправданной такая процедура, если сделка совершается лицом, подведомственным Министерству обороны Российской Федерации, для обеспечения деятельности которого и создается ЗАТО?

Нарушение порядка, определенного п. 2 Приказа № 320, то есть отсутствие согласования Министерства обороны Российской Федерации и Федеральной службы безопасности Российской Федерации влечет за собой ничтожность сделки, как посягающей на публичные интересы (ст. 167 ГК РФ, ч. 2 ст. 168 ГК РФ). Указанное также подтверждается судебной практикой (в частности, по делу № А42-6586/2018).

Разумеется, риск не получить согласование Минобороны России и ФСБ России достаточно велик, однако на стадии подготовки к проведению торгов в отношении такого имущества потенциальный арендодатель не имеет права не допускать потенциальных участников торгов, не являющихся резидентами ЗАТО, или добавлять в качестве условия для допуска к участию торгам предоставления решения органов местного самоуправления о согласовании будущей сделки. Это является ограничением конкуренции со стороны организатора торгов и является нарушением антимонопольного законодательства, что подтверждается практикой решений УФАС по Свердловской области в рамках дела № 52/18.1-2013.

Именно при таких обстоятельствах и наблюдается столкновение интересов обороны и безопасности государства и свободной конкуренции в предпринимательстве. С одной стороны, допуская к участию в торгах резидента ЗАТО, организатор торгов удовлетворяет одну из главных задач государства — оборону и безопасность, но с другой стороны, тем самым ограничивает конкуренцию и лишает возможности принять участие в торгах тех участников, которые могли бы в рамках аукциона предложить большую цену, что, несомненно, удовлетворит потребность государства в пополнении федерального бюджета. При иных обстоятельствах, допуская до участия в торгах не резидентов ЗАТО, велик риск нанести вред безопасности государства.

Закрытыми военными городками признаются военные городки войсковых частей, имеющие систему пропусков (ч. 6 ст. 15.2 Федерального закона от 27.05.1998 № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих»).

Несмотря на то, что правовой режим ЗАТО и закрытых военных городков различен, распространяется он на схожие правоотношения.

Как указывает В. А. Верховодов, отличительными признаками закрытых военных городков являются: 1) цель создания — военный

объект, расположенный на территории военного городка или в его непосредственной близости; 2) наличие специально спроектированных комплекса зданий и сооружений, а также закрепленная на законном основании территория (земельный участок), по периметру которой стоит ограждение, препятствующее несанкционированному нахождению на указанной территории; 3) особый режим безопасного функционирования военных объектов, включая пропускную систему; 4) ограничение прав граждан, проживающих в закрытых военных городках, и установление соразмерных таким ограничениям определенных мер государственной поддержки [4, с. 61–74].

Таким образом, исходя из вышеизложенного, предназначением и ЗАТО, и закрытых военных городков является какой-либо военный объект, действует пропускная система, ограничиваются права граждан, проживающих или работающих на территории данных объектов, а также оба объекта являются режимными (прим. 3 Перечня сведений, отнесенных к государственной тайне, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 30.11.1995 № 1203).

Исходя из того, что на территориях, на которых действуют данные режимы, ведется работа с использованием сведений, составляющих государственную тайну, допуск на такую территорию невоенных организаций и граждан, не являющихся резидентами ЗАТО и не проживающих в закрытом военном городке, должен быть ограничен, как и их право собственности в отношении объектов, находящихся на таких территориях.

Проанализировав указанные положения, целесообразно сделать вывод о необходимости внесения следующих изменений в законодательство, регулирующее правовой режим ЗАТО и закрытых военных городков.

Во-первых, необходимо внести изменения в закон о ЗАТО, предусматривающих отсутствие необходимости в получении согласования о допуске к сделкам в отношении государственного недвижимого имущества на территории ЗАТО организациям, подведомственным юридическим лицам или ведомствам, в целях обеспечения деятельности которых и создается ЗАТО (как например, ФГКУ «Северо-Западное ТУИО» Минобороны России и Минобороны России).

Во-вторых, полагаем, что во избежание риска признания таких сделок ничтожными, следует обеспечить согласование таких сделок и издание приказов Департамента о согласовании таких сделок только при наличии решения о допуске потенциальных ссудополучателей и землепользователей. Что касается заключения договора аренды в отношении недвижимого имущества, с учетом положений ст. 17.1 Закона о защите конкуренции, полагаем, что целесообразно запрашивать

согласованное решение о допуске к участию к такой сделке после проведения процедуры аукциона, однако до заключения непосредственно самого договора. При этом было бы логично иметь такой допуск уже на этапе подведения итогов аукциона, следовательно, проводить процедуру согласования необходимо уже после подачи заявки на участие в аукционе.

В-третьих, полагаем, что для более оперативного взаимодействия необходимо внести изменения в Приказ № 320 в части возможности согласования таких сделок с командующими округов или флотов и территориальными подразделениями УФСБ России.

В-четвертых, считаем необходимым распространить действие Приказа № 320 о необходимости согласования и в отношении сделок, проводимых в отношении имущества, находящегося на территории закрытых военных городков.

Необходимость внесения изменений в Закон о ЗАТО подтверждается также статьей Немировской Л. С., в которой автор также указывал на ряд социально-экономических проблем, связанных с управлением муниципального имущества на территории ЗАТО [5, с. 114–118]. Всё это только подтверждает тот факт, что Закон о ЗАТО является устаревшим и требующим немедленного усовершенствования.

Список источников

1. *Хисамутдинова Ю. А.* К вопросу об особенностях управления земельными ресурсами на территории закрытого административно-территориального образования // Российские регионы в фокусе перемен: сборник докладов в двух томах (Екатеринбург, 18-20 нояб. 2021 г.) / Ю. А. Хисамутдинова, Н. В. Сыманюк. Екатеринбург : УрФУ, 2022. С. 336–341.

2. *Сосновская Ю. Н., Маркина Э. В.* К вопросу об административно-правовом статусе закрытых административно-территориальных образований // Вестник экономической безопасности. 2022. № 2. С. 146–149.

3. *Хасанова Д. И.* Организация местного самоуправления в закрытых административно-территориальных образованиях // Скиф. 2020. № 12 (52). С. 154–158.

4. *Верховодов В. А.* Об особенностях правового режима закрытых военных городков // Военное право. 2019. № 4 (56). С. 61–74.

5. *Немировская Л. С.* Проблемы управления муниципальным имуществом в закрытых административно-территориальных образованиях // Молодой ученый. 2018. № 42 (228). С. 114–118.

References

1. *Hisamutdinova Y. A.* On the issue of the peculiarities of land management in the territory of a closed administrative-territorial entity // Russian regions in the focus of change: a collection of reports in two volumes (Yekaterinburg, November 18–20, 2021) / Y. A. Hisamutdinova, N. V. Si-manyuk. Yekaterinburg: UrFU, 2022. P. 336–341. (In Rus.).
2. *Sosnovskaya Y. N., Markina E. V.* On the question of the administrative-legal status of closed administrative-territorial entities // Bulletin of Economic Security. 2022. № 2. P. 146–149. (In Rus.).
3. *Khasanova D. I.* Organization of local self-government in closed administrative-territorial formations // Skif. 2020. № 12 (52). P. 154–158. (In Rus.).
4. *Verkhovodov V. A.* On the peculiarities of the legal regime of closed military camps // Military law. 2019. № 4 (56). P. 61–74. (In Rus.).
5. *Nemirovskaya L. S.* Problems of municipal property management in closed administrative-territorial formations // Young Scientist. 2018. № 42 (228). P. 114–118. (In Rus.).

Статья поступила в редакцию 20.10.2022; одобрена после рецензирования 24.10.2022; принята к публикации 24.10.2022.

The paper was submitted 20.10.2022; approved after reviewing 24.10.2022; accepted for publication 24.10.2022.

Научная статья

УДК 342.9

DOI: 10.47645/9785604917404_169

Роль государственной инспекции труда в предупреждении и профилактике административных правонарушений в Российской Федерации

Сергей Витальевич Лемехов

Санкт-Петербургский юридически институт (филиал) ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации», Санкт-Петербург, Россия, lemekhov.serzh@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется институт профилактики (предупреждения) административной ответственности в сфере труда со стороны государственной инспекции труда. Автор анализирует положения законодательства и позиции исследователей. На основании изучения указанных источников автор предлагает пути модернизации анализируемого направления деятельности государственной инспекции труда.

Ключевые слова: административная ответственность, профилактика правонарушений, государственная инспекция труда, трудовые правоотношения, государственный надзор (контроль) в сфере труда, административное право.

Для цитирования: Лемехов С. В. Роль государственной инспекции труда в предупреждении и профилактике административных правонарушений в Российской Федерации // Актуальные проблемы национального и международного права: материалы V науч.-практ. конф. студентов магистратуры (Санкт-Петербург, 2 нояб. 2022 г.). СПб.: С.-Петерб. ин-т (фил.) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2022. С. 169–174. DOI: 10.47645/9785604917404_169.

Conference paper

The role of the state inspection for the prevention and prevention of offenses in the Russian Federation

Sergey V. Lemekhov

Saint-Petersburg Law Institute (branch) of the Federal State Establishment of Higher Education «University of prosecutor's office of the Russian Federation», Saint-Petersburg, Russia, lemekhov.serzh@gmail.com

© Лемехов С. В., 2022.

Abstract. The article analyzes the institute of prevention (prevention) of administrative responsibility in the sphere of labor by the state labor inspectorate. The author analyzes the provisions of the legislation and the positions of researchers. Based on the study of these sources, the author proposes ways to modernize the analyzed area of activity of the state labor inspectorate.

Keywords: administrative responsibility, crime prevention, state labor inspectorate, labor relations, state supervision (control) in the sphere of labor, administrative law.

For citation: Lemekhov S. V. The role of the state inspection for the prevention and prevention of offenses in the Russian Federation // Current issues of national and international law: proceedings of the 5th scientific and practical conference of master students (Saint Petersburg, November 2, 2022). Pp. 169–174. DOI: 10.47645/9785604917404_169.

Государственная инспекция труда Российской Федерации (далее — ГИТ, Инспекция), как орган, уполномоченный на осуществление надзора за соблюдением трудовых прав граждан, занимает важное положение в сфере привлечения к административной ответственности.

Как полагает К. В. Иванина, среди всех государственных контрольно-надзорных органов в сфере охраны труда самым значительным является государственная инспекция труда [1, с. 75].

На сегодняшний день, ст. 23.12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ, Кодекс) гласит, что федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий федеральный государственный надзор за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, рассматривает дела об административных правонарушениях, предусмотренных частями 1, 3, 4 и 6 статьи 5.27, частями 1–4 статьи 5.27.1, статьями 5.28–5.34, частью 1 статьи 14.54, частью 2 статьи 15.33.2, статьей 15.34 КоАП РФ.

Как заявляют А. Е. Елифанов и С. Н. Братановский, функциями административной ответственности являются профилактическая и охранительная [2, с. 53].

Помимо рассмотрения дел об административных правонарушениях — важным направлением деятельности Инспекции является предупреждение (профилактика) их совершения. Предупреждение административных правонарушений в сфере труда является важным направлением деятельности надзорного органа в связи с особой значимостью трудовых правоотношений в развитии экономики государства.

На сегодняшний день в науке возникают дискуссии относительно эффективности ГИТ в сфере предупреждения (профилактики) административных правонарушений.

Как замечают А. П. Солдатов и С. Н. Братановский, законодатель, устанавливая для работодателей повышенную ответственность, имел в виду необходимость предупреждения противоправных действий [3, с. 28].

По мнению И. К. Лобановой и Г. Н. Василенко, законодательные инициативы по предупреждению административных правонарушений, совершаемых юридическими лицами, ограничиваются предложениями по бессистемному необоснованному увеличению размеров штрафных санкций. Это в свою очередь, приводит к росту уровня, в том числе, латентной административной деликтности юридических лиц. Данная сфера регулирования требует пристального внимания и скорейших совместных усилий со стороны научного сообщества и законодателей [4, с. 210].

В соответствии с позицией С. М. Зырянова, необходимо уйти от репрессивной, карательной, фискальной направленности законодательства об административных правонарушениях. Основная идея, которую следует сформулировать в Основных положениях Кодекса, должна строго прослеживаться по всем его разделам и статьям. Необходимо установить запрет рассматривать административные наказания как средство возмещения имущественного ущерба, как возмездие или как источник пополнения бюджета. Направленность на предупреждение совершения новых правонарушений должна проявляться в неуклонном сокращении административной деликтности [5, с. 486].

Таким образом, в юридической науке сформулированы многочисленные проблемы, возникающие в сфере предупреждения административных правонарушений. По нашему мнению, указанные недостатки являются второстепенными, в то время как первостепенная проблема — отсутствие регламентации того, что следует понимать под предупреждением административных деликтов. Считаем, что предупреждение административных правонарушений в сфере труда должно включать информирование через СМИ и официальные порталы органов государственной власти об административной ответственности за конкретные нарушения трудового законодательства, а также размещение сведений о привлечении к административной ответственности и консультировании работников и работодателей в сфере трудового права.

На сегодняшний день многие аспекты указанной деятельности выполняются ГИТ.

Так, 18 июля 2022 ГИТ в Республике Ингушетия на свое официальном сайте в сети Интернет разъяснила об административной

ответственности работодателя за невыполнение обязанности по ознакомлению работника с локальными нормативными актами при приеме на работу.

Важную роль в профилактике и предупреждении правонарушений занимает привлечение к ответственности работодателей, нарушивших нормы трудового права. К примеру, Инспекцией в Республике Дагестан восстановлены трудовые права работников строительной сферы. Так, в результате внеплановой выездной проверки было установлено: работники не получали трудовые договоры на руки; выплата заработной платы осуществляется один раз в месяц; работодатель не разработал правила внутреннего трудового распорядка; не обеспечено проведение специальной оценки условий труда на рабочих местах, а также создание и функционирование системы управления охраной труда; не обеспечена выдача средств индивидуальной защиты. По итогам проверки работодатель привлечен к административной ответственности.

Особое внимание при профилактике и предупреждении административных правонарушений следует уделять работе по консультированию работодателей. Например, 16 июня 2022 года прошла совместная встреча членов подкомитета по трудовым ресурсам и миграционным вопросам и подкомитета по юридическим вопросам и налогам Северо-Западного регионального комитета «Ассоциации Европейского Бизнеса», посвященная актуальным вопросам трудового права. На встрече представителем Инспекции в городе Санкт-Петербурге были доведены новые изменения в КоАП РФ, в части ответственности работодателей за допущенные правонарушения.

Как можно заметить, ГИТ выполняет определенный комплекс мероприятий, направленных на предупреждение административных правонарушений. Однако повысить эффективность анализированного аспекта деятельности надзорного органа допустимо путем модернизации действующего законодательства. Следует сказать, что ни действующий КоАП РФ в ст. 3.1 [1], ни Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях не отражают должным образом мероприятия, составляющие основу предупреждения (профилактики) административных правонарушений. В этой связи, мы считаем необходимым внести изменения в действующую ст. 3.1 КоАП РФ дополнив ее абзацем следующего содержания: «Предупреждение (профилактика) административных правонарушений включает в себя комплекс мероприятий, состоящих из: информирования населения об административной ответственности за нарушение конкретных норм права; консультирования общественности об основаниях привлечения к административной ответственности».

сти; распространения сведений о привлечении лиц к административной ответственности через СМИ и порталы органов государственной власти»).

В целях предупреждения совершения административных правонарушений в сфере труда допустимо внести изменения в ст. 23.12 КоАП РФ. Так, необходимо дополнить норму абзацем в следующей редакции: «Федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий федеральный государственный надзор за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, в силу ст. 3.1 КоАП РФ, осуществляет мероприятия по предупреждению (профилактике) административных правонарушений в сфере соблюдения трудового законодательства». Также, целесообразно разработать методические рекомендации на уровне Федеральной инспекции труда, регламентирующие особенности осуществления мероприятий по предупреждению административных правонарушений ее территориальными подразделениями.

В заключение необходимо отметить, что деятельности Инспекции в сфере предупреждения административных правонарушений является важным элементом соблюдения норм трудового права. Законодателью следует уделять внимание указанному направлению деятельности надзорного органа, регламентировав при этом в федеральном законодательстве нормы, посвященные предупреждению административных правонарушений.

Список источников

1. *Иванина К. В.* Некоторые проблемы осуществления надзора за соблюдением трудовых прав работников государственной инспекцией труда // Актуальные проблемы правового, социального и политического развития России: материалы XIII Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов, соискателей. 2020. С. 74–77.

2. *Епифанов А. Е., Братановский С. Н.* Административные правонарушения в сфере труда // Право и практика. 2019. № 3. С. 52–60.

3. *Солдатов А. П., Братановский С. Н.* Особенности и некоторые проблемы административной ответственности в сфере трудовых отношений // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 1 (53). С. 23–31.

4. *Лобанова И. К., Василенко Г. Н.* О некоторых аспектах предупреждения правонарушений, совершаемых юридическими лицами в области трудового законодательства // Административно-правовое регулирование охраны общественного порядка и обеспечения обще-

ственной безопасности: проблемы и пути их решения: материалы ежегодной межвузовской научно-практической конференции. 2020. С. 207–212.

5. *Зырянов С. М.* Концептуальные проблемы третьей кодификации законодательства об административных правонарушениях // Сибирское юридическое обозрение. 2019. № 4. С. 480–487.

References

1. *Ivanina K. V.* Some problems of supervision over the observance of labor rights of employees by the state labor Inspectorate // Actual problems of legal, social and political development of Russia: Materials of the XIII International Scientific and Practical Conference of students, undergraduates, postgraduates, applicants. 2020. P. 74–77. (In Russ.).

2. *Epifanov A. E., Bratanovsky S. N.* Administrative offenses in the sphere of labor // *Pravo i praktika*. 2019. № 3. P. 52–60. (In Russ.).

3. *Soldatov A. P., Bratanovsky S. N.* Features and some problems of administrative responsibility in the field of labor relations // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 1 (53). P. 23–31. (In Russ.).

4. *Lobanova I. K., Vasilenko G. N.* On some aspects of the prevention of offenses committed by legal entities in the field of labor legislation // Administrative and legal regulation of public order protection and public safety: problems and ways to solve them: Materials of the annual interuniversity scientific and practical conferences. 2020. P. 207–212. (In Russ.).

5. *Zyryanov S. M.* Conceptual problems of the third codification of legislation on administrative offenses // *Siberian Legal Review*. 2019. № 4. P. 480–487. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 28.09.2022; одобрена после рецензирования 31.10.2022; принята к публикации 31.10.2022.

The paper was submitted 28.09.2022; approved after reviewing 31.10.2022; accepted for publication 31.10.2022.

Научная статья

УДК 93/94

DOI: 10.47645/9785604917404_175

Синхронный анализ столыпинского аграрного законодательства: системность аграрной реформы

Руслан Сергеевич Мазаев

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»,
Санкт-Петербург, Россия, st096586@student.spbu.ru

Аннотация. В отечественной историографии и среди современников Столыпина сложились неоднозначное мнение по поводу содержания, целей и задач столыпинской аграрной реформы. В данной статье автор предпринял попытку проанализировать направления преобразовательной деятельности правительства Столыпина в аграрной сфере на основе различных программных документов и нормативных актов и выяснить, что на самом деле из себя представляла столыпинская аграрная реформа. Для исследования был применен синхронный метод, показывающий взаимосвязь проводимых преобразований, а также взаимозависимость их элементов.

Ключевые слова: Столыпин, аграрная реформа, циркуляр, закон, указ, переселение, покупка земли, разрушение общины.

Для цитирования: Мазаев Р. С. Синхронный анализ столыпинского аграрного законодательства: системность аграрной реформы // Актуальные проблемы национального и международного права: материалы V науч.-практ. конф. студентов магистратуры (Санкт-Петербург, 2 нояб. 2022 г.). СПб.: С.-Петерб. ин-т (фил.) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2022. С. 175–182. DOI: 10.47645/9785604917404_175.

Synchronous analysis of Stolypin agrarian legislation: system of agrarian reform

Ruslan S. Mazaev

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia, st096586@student.spbu.ru

Abstract. In Russian historiography and among Stolypin's contemporaries, there was an ambiguous opinion about the content, goals and objectives of Stolypin agrarian reform. In this article, the author has attempted to find out mainly on the basis of regulatory documents what the Stolypin

agrarian reform really was. A synchronous method was used for the study, showing the relationship of the transformations being carried out, as well as the interdependence of their elements.

Keywords: Stolypin, agrarian reform, circular, law, decree, resettlement, land purchase, destruction of the community.

For citation: Mazaev R. S. Synchronous analysis of Stolypin agrarian legislation: system of agrarian reform // Current issues of national and international law: proceedings of the 5th scientific and practical conference of master students (Saint Petersburg, November 2, 2022). Pp. 175–182. DOI: 10.47645/9785604917404_175.

Столыпинская аграрная реформа — важный процесс в истории России начала XX века. Его инициатором был министр внутренних дел и председатель Совета министров Российской империи Петр Аркадьевич Столыпин. Под его руководством была создана огромная нормативная база реформы, призванная устранить малоземелье крестьян и решить проблемы земельного неустройства. Вводимые ею нововведения вызвали острую дискуссию в обществе о судьбах общины, о частной собственности, о купле-продаже земли и пр.

На местах реализацией реформы занимались землеустроительные комиссии, а из центра рассылались циркуляры, постановления, издавались законы, регулирующие аграрные отношения и пр. Именно в них следует искать истинное содержание, цели и задачи реформы, которые и сейчас вызывают споры. Анализ законодательства реформы позволяет увидеть тот механизм, согласно которому она производилась в жизнь.

При рассмотрении столыпинского аграрного законодательства было выяснено, что система аграрной реформы, выстроенная Столыпиным, не состоит только лишь из указа 9 ноября 1906 г. [1, с. 382] В её состав входят три взаимосвязанных элемента: переселение, развитие института купли-продажи земли и разрушение общины при помощи укрепления в частную собственность наделного участка — всё это аграрная реформа. Основную значимость премьер придавал именно этому своему грандиозному началу.

План Столыпина имел логическую стройность и системность. Все его элементы не могли быть сразу же законодательно введены в силу ряда причин (революционные настроения и пр.). Сначала Столыпин законодательно и практически развивает институт переселения и покупки/продажи казенной земли, а с указом 9 ноября 1906 г. вводит в оборот разрушение общины [1, с. 376]. По характеру документов можно увидеть, что основную ставку он делал на разрушении общины. Также развивалось переселение, на что указывает поездка Столы-

пина в Сибирь в 1910 г. и его записка по этому поводу, да и право покупки казенной земли продолжало реализовываться и использоваться крестьянами [2, с. 552–553] [3, с. 46].

Для начала разберемся с судьбой такого элемента системы аграрной реформы как покупка земли после выхода указа 9 ноября 1906 г. Институт купли-продажи земли остаётся и всё так же развивается. С одной стороны, эта мера по-прежнему направлена на устранение малоземелья. Ст. 8 ч. 1 указа о предназначении казенных земель к продаже для расширения крестьянского землевладения от 27 августа 1906 г. гласит: «Правом покупки и арендования казенных земель, на основании настоящих правил, пользуются также земледельцы других сословий, по быту своему не отличающихся от крестьян» [1, с. 375].

Далее еще раз взглянем на определение единоличного собственника, данное Столыпиным: «Личный собственник, по смыслу закона, властен распоряжаться своей землей, властен закрепить за собой свою землю, властен требовать отвода отдельных участков её к одному месту; он может прикупить себе земли, может заложить её в Крестьянском банке, может, наконец, продать её» [4, с. 176–177]. Как видим, теперь крестьянин-собственник волен и увеличивать свое землевладение. Как это сделать? При помощи покупки казенной земли, т. к. она наиболее дешевая, потому что государство и до издания указа 9 ноября 1906 г. многое дело для облегчения её покупки и аренды [1, с. 371–379]. Сам Столыпин уже после выхода указа 9 ноября провозглашал в Думе: «В этих видах изданы были законы о предоставлении крестьянам земель государственных, а Государь повелел передать на тот же предмет земли удельные и кабинетские на началах, обеспечивающих крестьянское благосостояние. Для облегчения же свободного приобретения земель частных и улучшения наделов изменен устав Крестьянского банка в смысле согласования с существующим уже в законе, но остававшимся мертвою буквою разрешением залога надельных земель в казенных кредитных учреждениях, причём приняты все меры в смысле сохранения за крестьянами их земель» [4, с. 52]. К тому же стоит взглянуть на указ о выдаче Крестьянским поземельным банком ссуд под залог надельных земель от 15 ноября 1906 г. В его преамбуле говорится следующее: «Ожидается, что при благоразумном использовании предоставляемого крестьянам нового типа государственного кредита настоящая мера облегчит им возможность получения необходимых для расширения землевладения и улучшения землепользования денежных средств...» [1, с. 386]. Получается, что полученная ссуда могла пойти не только на улучшение землепользования, но и на покупку новой земли. В конечном

счёте стоит упомянуть и положение Совета министров о передаче на разрешение отделений крестьянского поземельного банка сделок по покупке земли в единоличную собственность от 25 ноября 1907 г. [1, с. 416–417]. Если ранее Банк был лишь посредником между землеустроительной комиссией и крестьянином, то теперь многие сделки переходили под его личное распоряжение, а комиссии теперь занимались вопросами по укреплению земли в собственность, к которым банк не имел прямого отношения. В итоге получается, что после указа 9 ноября 1906 г. институт покупки и аренды казенной земли всё так же работал.

Теперь же обратимся к переселению. Сперва может показаться, что оно не является частью системы аграрной реформы. Сам Столыпин в своей записке о поездке в Сибирь не связывает разрешение земельного вопроса в европейской России и переселение: «Как ни заманчива мысль воспользоваться переселением для разрешения земельных вопросов в Европейской России, но от этой мечты необходимо отказаться. Переселение получило бы крупное влияние на экономическую жизнь Европейской России только при доведении его размеров до нескольких миллионов людей в год, на чем иногда и настаивают. Но такое чрезмерное ослабление плотности русского населения в западной полосе Европейской России, откуда идет главное переселение, едва ли желательно и экономически, и политически» [2, с. 553]. Но как странно, что перед этим словами стоит перечисление того, сколько полезной земли освобождают переселенцы: «Уходящие в Сибирь переселенцы освобождают на местах выхода немало земли... Кроме того, почти все ушедшие в Сибирь крестьяне (80% из них) арендовали на родине помещичьи земли; эти земли, с их уходом, также освободились для других арендаторов. Словом, под влиянием переселения, площадь крестьянского землевладения и возможной аренды несколько возрастает... Кроме того, увеличение, вследствие выселения, наделов оставшихся на родине крестьян укрепило их хозяйство и облегчило, по свидетельству местных землеустроительных комиссий, разверстание на хутора и отруба во многих селениях» [2, с. 552–553]. В итоге Столыпин подобные эффекты рисует как положительное и неожиданное последствие, а не как поставленную им цель переселения. Столыпин говорит, что этот процесс сильно не влияет на решение аграрного вопроса в России. Положительные эффекты есть, но они малы: «Переселение получило бы крупное влияние на экономическую жизнь европейской России только при доведении его размеров до нескольких миллионов людей в год, но чем иногда настаивают. Но такое чрезмерное ослабление плотности русского населения в западной полосе Европейской России, откуда идет главное

выделение, едва ли желательно и экономически, и политически» [2, с. 553].

Но эти размышления имеют одну нестыковку: зачем что-то менять? Зачем увеличивать количество переселенцев, если это вызовет ослабление стратегических позиций на западе России, если положительные значительные эффекты в решении вопроса малоземелья европейской России есть и при нынешнем количестве переселенцев, если нынешний уровень переселения полезен и для Сибири, и для Европейской России: «Что касается европейской России, то для нее переселение далеко не имеет того значения, какое оно имеет в Сибири. В общем, выселение не достигает и половины ежегодного естественного прироста» [2, с. 552]. Таким образом, в этой записке Столыпин нарочито вводит читателей в заблуждение при помощи указания на негативные последствия возможного увеличения переселенцев с целью показать, что переселение не связано с малоземельем в центральной России. Не вызывает сомнения, что переселение в Сибирь и решение вопросов малоземелья в Европейской России тесно взаимосвязаны. К тому же давайте взглянем на циркулярную телеграмму Столыпина губернаторам от 15 августа 1907 г. В части 3 её сказано: «Переселенцы, переселившиеся к старожилам обществам, еще не получившие земельного устройства, равно как переселенцы, водворенные на отведенных им участках из свободных казенных земель, не имеют права не имеют права на укрепления в свою личную собственность в прежних обществах участков из общинной земли на основании отдела I указа 9 ноября 1906 г.» [5, с. 213]. Вот и получается, что пути назад нет. Освободил землю — назад не отдадут. Это еще более доказывает, что переселение и малоземелье в Европейской России взаимосвязаны.

В конечном счете вспомним всем известную ставку Столыпина на сильного. А куда слабому деваться? Удержать свою укрепленную землю не каждый сможет, а тем более купить еще и казенную. Знание закономерностей подсказывает, что слабый рано или поздно потеряет землю: или пропьет, или проиграет, или продаст. Да и вспомним слова Столыпина, что земля будет только у тех, кто на ней трудится. Так куда же деваться в итоге? — переселяться в Сибирь, идти в рабочие или же просто умирать. Поэтому уже в ставке Столыпина на сильного заключался ответ на никогда не поднимаемый им же вопрос: что делать со слабым?

Обратимся и к другим интересным мыслям Столыпина, которыми он сам же наглядно продемонстрировал свои планы. В речи в Государственной Думе 10 мая 1907 г. Столыпин воззвал к следующему: «Господа, нельзя укрепить больное тело, питая его вырезанными

из него самого кусками мяса; надо дать толчок организму, создать прилив питательных соков к больному месту, и тогда организм осилит болезнь...» [4, с. 94]. Отбирание земли у помещиков является лишь её перетасовкой, «питанием тела, вырезанными из него самого кусками мяса». Столыпин, к счастью, был не так глуп. Им же построенная система вводила в оборот земли для переселенцев в Сибири и казенные земли в Европейской России. В противном же случае ситуация была бы похожа на тришкин кафтан. «Обрезать полы, чтобы сшить рукава?» — спрашивал Столыпин, защищая частную собственность помещиков» [4, с. 94]. А по итогу он сам ответил на наш же вопрос. После разделения общины на частные участки экономически слабые бы их потеряли, либо же уехали в Сибирь, пошли бы на завод и пр. — больше ничего не оставалось. Столыпин не использовал только лишь имеющуюся землю — это бы ни к чему не привело. В его планах было изначально заложено, что землю получают не все, а иначе получилось бы «царство, разделившееся на ся». Да и просто от становления всех крестьян собственниками, чтобы приобрело государство? Сам же Столыпин говорил, что «путем же переделения всей земли государство в своем целом не приобретает ни одного лишнего колоса хлеба» [4, с. 90]. В итоге план Столыпина был следующий: сильных в центр — экономически слабых на окраины. При этом это не отменяет того, что Столыпин хотел и сильных видеть на окраине, но зачем ехать сильному на окраины из благоустроенного центра — скорее всего, только бедный туда и поедет — больше ему ничего не остается.

В итоге, Столыпиным была создана целая взаимосвязанная система. Ее взаимосвязанные части — переселение, покупка земель и разрушение общины — должны были выполнить многочисленные задачи. Напоследок приведем пример из записки Столыпина о поездке в Поволжье: «Значительное число крестьян, продавших наделы, переселяются затем в Азиатскую Россию, а некоторые, получив проданные земли наличные деньги, вносят их в задаток при покупке у Крестьянского банка или казны новых отрубных или хуторских участков» [2, с. 585]. На данном примере мы видим функционирование и взаимосвязь всей системы, созданной Столыпиным. Здесь и наделные земли, полученные крестьянином при выходе из общины, и переселение в Азиатскую Россию, и покупка земель у Крестьянского банка. Да и сам Столыпин открыто ставил все названные мероприятия с трибуны Государственной Думы в один ряд: «Если бы одновременно был установлен выход из общины и создана таким образом крепкая индивидуальная собственность, было бы упорядочено переселение, было бы облегчено получение ссуд под наделные земли, был бы соз-

дан широкий мелиоративный землеустроительный кредит, то хотя круг предполагаемых правительством земельных реформ и не был бы вполне замкнут, но виден был бы просвет, при рассмотрении вопроса в его полноте...» [4, с. 96].

В целом, по воззрениям председателя Правительства создавалась новая Россия: «Мы предлагаем вам скромный, но верный путь. Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия!» [4, с. 96].

Список источников

1. *Столыпин П. А.* Программа реформ: док. и мат. / под общ. ред. П. А. Пожигайло. М.: РОССПЭН, 2002. Т. 1. 2002. 763 с.
2. *Столыпин П. А.* Грани таланта политика / под общ. ред. П. А. Пожигайло. // М.: РОССПЭН. 2006. 622 с.
3. *Еремеева Т. А.* Вопрос о купле-продаже земли в начале XX столетия // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2003. № 3. С. 44–47.
4. *Столыпин П. А.* Нам нужна великая Россия...: полное собр. речей в Гос. думе и Гос. совете, 1906–1911 / под общ. ред. К. Ф. Шацилло. М.: Мол. гвардия, 1991. 410 с.
5. *Столыпин П. А.* Биохроника / Фонд изучения наследия П. А. Столыпина / под общ. ред. П. А. Пожигайло. // М.: РОССПЭН, 2006. 374 с.

References

1. *Stolypin P. A.* Reform program: doc. and checkmate. / under the general editorship of P. A. Pozhigailo. M.: ROSSPEN, 2002. Vol. 1. 2002. 763 p. (In Russ.).
2. *Stolypin P. A.* Facets of the talent of a politician / under the general editorship of P. A. Pozhigailo. // M.: ROSSPEN. 2006. 622 p. (In Russ.).
3. *Eremeeva T. A.* The question of the purchase and sale of land at the beginning of the XX century // News of higher educational institutions. The North Caucasus region. Social sciences. 2003. No. 3. Pp. 44–47. (In Russ.).
4. *Stolypin P. A.* We need a great Russia...: complete collection. speeches in the State Duma and the State Council, 1906–1911 / under the general editorship of K. F. Shatsillo. M.: Mol. guard, 1991. 410 p. (In Russ.).

5. *Stolytin P. A. Biochronica / Foundation for the Study of the Heritage of P. A. Stolytin / under the general editorship of P. A. Pozhigailo. // Moscow: ROSSPEN, 2006. 374 p. (In Russ.).*

Статья поступила в редакцию 27.10.2022; одобрена после рецензирования 31.10.2022; принята к публикации 31.10.2022.

The paper was submitted 27.10.2022; approved after reviewing 31.10.2022; accepted for publication 31.10.2022.

Научная статья

УДК 347.122

DOI: 10.47645/9785604917404_183

Проблема определения юридического статуса искусственного интеллекта в современном законодательстве

Александра Алексеевна Макарова-Землянская

ФГБОУ ВО «Российский Государственный Университет Правосудия», Москва, Россия, mz_sasha@mail.ru

Аннотация. Рассматривается проблема определения юридического статуса искусственного интеллекта в современном законодательстве, его отнесения к объектам гражданского права. В работе искусственный интеллект рассматривается как созданная человеком технология, развивающаяся без его воли и сознания, способная к самообучению и созданию новых объектов гражданских правоотношений. Автор приходит к выводу о необходимости правового закрепления правового статуса искусственного интеллекта и авторства результата деятельности искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, Российская Федерация, современное законодательство, интеллектуальная собственность, общественная жизнь, юридический статус.

Для цитирования: Макарова-Землянская А. А. Проблема определения юридического статуса искусственного интеллекта в современном законодательстве // Актуальные проблемы национального и международного права: материалы V науч.-практ. конф. студентов магистратуры (Санкт-Петербург, 2 нояб. 2022 г.). СПб.: С.-Петербург. ин-т (фил.) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2022. С. 183–190. DOI: 10.47645/9785604917404_183.

Conference paper

The problem of determining the legal status of artificial intelligence in modern legislation

Aleksandra Alekseevna Makarova-Zemlyanskaya

Russian State University of Justice, Moscow, Russia, mz_sasha@mail.ru

Abstract. The problem of determining the legal status of artificial intelligence in the modern legislation, its attribution to the objects of

civil law is considered. The paper considers artificial intelligence as a man-made technology that develops without his will and consciousness, capable of self-learning and creating new objects of civil legal relations. The author comes to the conclusion about the need for legal consolidation of the legal status of artificial intelligence and authorship of the result of artificial intelligence.

Keywords: artificial intelligence, Russian Federation, modern legislation, intellectual property, public life, legal status.

For citation: Makarova-Zemlyanskaya A. A. The problem of determining the legal status of artificial intelligence in modern legislation // Current issues of national and international law: proceedings of the 5th scientific and practical conference of master students (Saint Petersburg, November 2, 2022). Pp. 183–190. DOI: 10.47645/9785604917404_183.

В настоящее время в законодательстве отсутствует прямое закрепление юридического статуса искусственного интеллекта. Целью данной работы является выявление фактического статуса искусственного интеллекта в контексте его развития в настоящее время. На сегодняшний день развитие искусственного интеллекта является одним из приоритетных направлений развития науки в Российской Федерации. Он всё активнее входит в различные сферы общественной жизни, трансформируется и развивается, изменяя за собой определённые сферы общественной жизни.

С наступлением 21 века произошло развитие технологий в области искусственного интеллекта. Данная область развивается, трансформируется и с каждым годом набирает всё большие суммы финансирования. Так, российский рынок искусственного в целом в 2018 г. составил 189 млрд руб., к 2024 г. по прогнозам исследователей увеличится до 907 млрд руб. Данный показатель включает в себя выручку компаний в сфере искусственного интеллекта, выручку прочих ИТ-компаний, которые разрабатывают продукты благодаря ИИ, и прирост выручки компаний из различных отраслей экономики, который был получен благодаря искусственному интеллекту [1, с. 5742].

В мировой практике уже присутствует опыт конфликта с искусственным интеллектом по вопросу причинения им материального ущерба. Так, в 2019 году в Гонконге предприниматель подал в суд на компанию Tundaris Investments, из-за результатов работы ее искусственного интеллекта. Данная программа должна была приносить прибыль компании, но на деле принесла убытки в 2 миллиона долларов. Данное судебное разбирательство стало первым в истории иском, предъявленным к искусственному интеллекту.

Необходимо разобраться, что относится к искусственному интеллекту. Понятие искусственного интеллекта закреплено в Указе Президента «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». Так, под искусственным интеллектом понимается комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека.

Как определяет доцент кафедры гражданского права МГЮА им. Кутафьина, Соменков С. А.: «Можно создать робота, который будет запрограммирован выполнять какую-то функцию, например будет танцевать. Но если он будет выполнять ее чисто механически, то нет оснований говорить о наличии в этой вещи признаков ИИ. Если же робот научился танцевать сам, наблюдая за делающим это человеком, и постоянно совершенствует этот процесс, учитывая свой предыдущий опыт, в том числе негативный, есть основания считать, что он наделен ИИ». Следовательно, искусственный интеллект — это технология, созданная человеком, которая может развиваться и получать новые знания вне зависимости от воли человека, её создавшего. Возникает вопрос, чем будет являться информация, полученная с помощью искусственного интеллекта и можно ли весь искусственный интеллект охарактеризовать как отдельный субъект гражданского права.

В. А. Белов определяет субъекты гражданского права как: «круг лиц — отдельно взятых людей и их коллективов — на которых распространяется действие гражданско-правовых норм. Субъектами права в объективном смысле являются отдельно взятые люди, их группы, а также иные социальные сущности, участвующие в отношениях, получающих правовую оценку. Отправляясь же от понятия права в субъективном смысле, субъектов гражданского права нужно будет определить как лиц, способных к обладанию субъективными правами, или — к участию в реальных жизненных отношениях, облакаемых в гражданско-правовые формы, или — как лиц, обладающих гражданской правоспособностью». Следовательно, по данному определению, к субъектам гражданского права могут относиться только люди, их объединения, а также организации. Похожее определение можно найти и в иных трудах, например, Омаровой и Хановой которые относят к субъектам гражданского права физических, юридических лиц, а также публично-правовые образования [2, с. 94]. Таким образом, можно сделать вывод, что искусственный интеллект не будет являться субъектом права, так как он не подходит ни под одну из категорий субъектов — он не является физическим или юридическим лицом, а также

публично-правовым образованием. Следовательно, он будет являться исключительно объектом правоотношений.

Исходя из данного вывода, мы можем обратиться к общей части Гражданского кодекса Российской Федерации, в которой приведено четкое толкование объекта, и которая позволяет установить, кто является объектом права. В соответствии со статьей 128 ГК РФ «К объектам гражданских прав относятся вещи, включая наличные деньги и документарные ценные бумаги, иное имущество, в том числе безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, имущественные права; результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага».

Также объект можно рассмотреть так, как он изучается в науке гражданского права. А именно, к объектам гражданского права относятся:

- 1) поведение субъектов правоотношения;
- 2) различные материальные и нематериальные (идеальные) блага либо процесс их создания, составляющие предмет деятельности субъектов гражданского права;
- 3) материальное или нематериальное благо, на которое направлено принадлежащее собственнику право;
- 4) всякая материальная или нематериальная субстанция (благо), имманентные свойства которой предопределяют природу, содержание и динамику соответствующего субъективного права, а также создают возможность удовлетворения законных интересов лица — носителя данного субъективного гражданского права [3, с. 195].

Таким образом, можно понять, что искусственный интеллект будет являться не субъектом, а объектом гражданских правоотношений. Создатель искусственного интеллекта будет обладать всей полнотой прав в отношении данного изобретения.

В целях развития искусственного интеллекта в России указом Президента Российской Федерации «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта до 2030 года в Российской Федерации.

Данная стратегия содержит в себе основные направления развития искусственного интеллекта в России:

- 1) компьютерное зрение;
- 2) обработка естественного языка;
- 3) распознавание и синтез речи;
- 4) интеллектуальные системы поддержки принятия решений;

5) перспективные методы ИИ.

По состоянию на 2021 год в Российской Федерации правовое регулирование искусственного интеллекта развивается в двух направлениях:

1. Создание правовой основы для внедрения прикладных систем с ИИ и стимулирования их развития;
2. Регулирование рисков, которые несёт в себе создание искусственного интеллекта;
3. Регулирование сферы создания искусственного «суперинтеллекта», в частности, соответствия разрабатываемых технологий общепризнанным стандартам в области этики и права.

В настоящее время искусственный интеллект развивается в области создания нового знания. Так, например, Ученые из Ратгерского университета лаборатории Facebook's AI создали систему, в которой две нейронные сети взаимодействуют друг с другом. Данные сети создают картины, выполненные в уникальном стиле, не имеющем аналогов в настоящее время и оценивающиеся гораздо выше созданных человеком.

В Соединенных штатах Америки же робот смог стать репортёром и написать статью для журнала, взяв интервью у живого человека. Сделал он это быстрее человека и допустил меньше ошибок. Следовательно, возникает вопрос, чем в современном законодательстве будет являться результат деятельности робота или искусственного интеллекта. Фактически данный продукт является новым и созданным машиной. Но будет ли являться данная машина автором этого результата? И будет ли иметь непосредственное отношение к авторству результата изначальный создатель искусственного интеллекта?

Фактически, создатели искусственного интеллекта несут моральную ответственность, а также играют ключевую роль в формировании нравственных последствий использования искусственного интеллекта, неправильного его использования и его действий; они имеют возможность и несут обязанность влиять на такие последствия. Данные положения напрямую закреплены в Азиломарском соглашении США, заключенном в январе 2017 года в Азиломаре [4]. При этом наличие данной ответственности не ограничивается разработчиками какой-либо одной страны, так как динамичное развитие сферы искусственного интеллекта происходит во всем мире и в том числе в Российской Федерации.

В соответствии со статьей 1257 ГК РФ «Автором произведения науки, литературы или искусства признается гражданин, творческим трудом которого оно создано». Толкуя данную статью, не представляется возможным верно разъяснить, кто будет автором результата. Че-

ловек, создавший программу или робота, или сам робот или программа, которые данный результат произвели в ходе своей деятельности?

На официальном сайте Российской газеты указано, что «Сейчас в России нет законодательной базы, регулирующей отношения в области ИИ. В январе 2021 года должны быть запущены экспериментальные правовые режимы — «цифровые песочницы» — которые позволят гибко подходить к регулированию деятельности в данных сферах, в том числе временно отменять действующие предписания или запреты, если это понадобится для нормального функционирования экспериментального режима. В Москве подобный экспериментальный режим запущен с 1 июля 2021 года». Следовательно, данная область в настоящий момент регулируется только действующим законодательством в той области, которая относится к его компетенции.

Как было указано выше, искусственный интеллект приравнивается к вещи и не признаётся субъектом права. Из этого вытекает, что он не может нести ответственности за причиненный им вред. Но так как из самого определения искусственного интеллекта, закрепленного в законе следует, что деятельность искусственного интеллекта направлена на имитацию когнитивных функций человека, а также на выработку новых решений, то, следовательно, имеется риск получения таких решений, которые могут нарушать права и свободы отдельных лиц [5, с. 156]. По положениям современного законодательства данную ответственность будет нести автор искусственного интеллекта, как интеллектуальной собственности. Но будет ли это верно, учитывая то, что деятельность искусственного интеллекта направлена на производство новых решений и автор не может повлиять на возможность их генерирования и направления развития.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод о том, что основной проблемой современного законодательства является малый уровень правового закрепления искусственного интеллекта на фоне его активного развития в настоящее время. Отсутствует закрепление его правового статуса как объекта или субъекта правоотношений, последствий его деятельности, закрепление авторских прав на результаты деятельности искусственного интеллекта. Данный механизм продолжает развиваться и совершенствоваться, что может в дальнейшем повлечь возникновение правовых коллизий.

Можно сформировать основные предложения по развитию данной отрасли и закреплению правового статуса искусственного интеллекта в настоящем законодательстве:

1. Следует закрепить юридический статус искусственного интеллекта как отдельного вида участника гражданских правоотношений. Это позволит не отождествлять его с субъектами гражданского права,

которые могут нести ответственность и претерпевать правовые последствия за результат своей деятельности, а также отделить от объектов гражданского права, которые не могут производить новые объекты гражданского права и общественной жизни.

2. Необходимо закрепить правовой статус результата деятельности искусственного интеллекта. Это позволит определить автора интеллектуальной собственности и ограничит ответственность создателя искусственного интеллекта от результата, на который он не может повлиять.

3. Имеется необходимость закрепления ответственности создателя искусственного интеллекта за возможные дальнейшие результаты деятельности данной программы, но лишь в том объёме, на который данный создатель может непосредственно оказать влияние.

Список источников

1. *Серых К. А.* Роль искусственного интеллекта в инновационном развитии экономики // Международная научно-техническая конференция молодых учёных: сб. науч. тр. Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова (Белгород, 25-27 май 2020). С. 5741–5746.

2. *Ханова З. Р., Омарова С. И.* Проблемы дееспособности в гражданском праве // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2011. № 2. С. 91–96.

3. *Бикмуллина К. И.* Объекты гражданских прав // Colloquium-journal. 2019. № 27 (51). С. 195–197.

4. *Хисамова З. И., Бегиев И. Р.* Правовое регулирование искусственного интеллекта // Baikal Research Journal. 2019. С. 19.

5. *Кашкин С. Ю.* Искусственный интеллект и робототехника: возможность вторжения в права человека и правовое регулирование этих процессов в ЕС и в мире // Lex Russia. 2019. С. 151–159.

References

1. *Serykh K. A.* The role of artificial intelligence in the innovative development of the economy // International Scientific and Technical Conference of Young Scientists: Collection of scientific Tr. Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov (Belgorod, May 25–27, 2020). Pp. 5741–5746. (In Russ).

2. *Khanova Z. R. Omarova S.I.* Problems of capacity in civil law // Izvestiya vuzov. North-Caucasian region. Series: Social Sciences. 2011. № 2. P. 91–96. (In Russ).

3. *Bikmullina K. I.* Objects of civil rights // *Colloquium-journal*. 2019. № 27 (51). P. 195–197. (In Russ).

4. *Khisamova Z. I., Begishev I. R.* Legal regulation of artificial intelligence // *Baikal Research Journal*. 2019. P. 19. (In Russ).

5. *Kashkin S. Y.* Artificial intelligence and robotics: the possibility of invasion of human rights and the legal regulation of these processes in the EU and in the world // *Lex Russia*. 2019. P. 151–159. (In Russ).

Статья поступила в редакцию 21.09.2022; одобрена после рецензирования 19.10.2022; принята к публикации 19.10.2022.

The paper was submitted 21.09.2022; approved after reviewing 19.10.2022; accepted for publication 19.10.2022.

Научная статья

УДК 342.9

DOI: 10.47645/9785604917404_191

Проблема оценки эффективности административно-правовых норм

Елена Владимировна Мецкер

Санкт-Петербургский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Санкт-Петербург, Россия, helenmetsker@gmail.com

Аннотация. Ещё с 1960-х годов вопросы проблем эффективности права широко обсуждались. В настоящее время существует множество различных подходов к разработке теории эффективности права. Однако, по-прежнему, так и не были выявлены и разработаны приемлемые методы оценки эффективности права, в связи с чем в данном исследовании основной целью является как рассмотрение и анализ предложенных методов, так и разработка возможных путей решения заявленной проблемы. В результате работы представлена система существующих подходов, выявлены существующие проблемы оценки эффективности права и предложены возможные пути решения.

Ключевые слова: право, эффективность права, результативность права, формула эффективности права, критерий эффективности, правоприменение.

Для цитирования: Мецкер Е. В. Проблема оценки эффективности административно-правовых норм // Актуальные проблемы национального и международного права: материалы V науч.-практ. конф. студентов магистратуры (Санкт-Петербург, 2 нояб. 2022 г.). СПб.: С.-Петерб. ин-т (фил.) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2022. С. 191–197. DOI: 10.47645/9785604917404_191.

Conference paper

The problem of assessing the effectiveness of administrative and legal norms

Elena V. Metsker

Saint Petersburg Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice, Saint Petersburg, Russia, helenmetsker@gmail.com

Abstract. Since the 1960s, the issues of the effectiveness of law have been widely discussed. Currently, there are many different approaches to the development of the theory of the effectiveness of law. However, as before, acceptable methods for assessing the effectiveness of law have not been identified and developed, and therefore in this study the main purpose is both to consider and analyze the proposed methods and to develop possible ways to solve the stated problem. As a result of the work, a system of existing approaches is presented, existing problems of evaluating the effectiveness of law are identified and possible solutions are proposed.

Keywords: law, effectiveness of law, effectiveness of law, formula of effectiveness of law, criterion of effectiveness, law enforcement.

For citation: Metsker E. V. The problem of assessing the effectiveness of administrative and legal norms // Current issues of national and international law: proceedings of the 5th scientific and practical conference of master students (Saint Petersburg, November 2, 2022). Pp. 191–197. DOI: 10.47645/9785604917404_191.

В первую очередь для осуществления нашего анализа считаем необходимым определить понимание самого термина «эффективность». Данный термин можно определить как наиболее популярный в юридической литературе и исследованиях, он применяется к закону, праву, правовым нормам и регулированию, правоприменению и множеству иных правовых явлений. В то же время, в различных отраслевых теоретико-правовых и отраслевых исследованиях данное понятие не сдерживается какими-либо границами методологии, в связи с чем возникает проблема его неконтролируемого применения, а соответственно и исчезает теоретико-методологическая ценность данного явления. А при отсутствии понимания самой сущности эффективности невозможно и определить эффективность права, выявить методы оценки таковой.

Как оценка эффективности права, так и обеспечение такового, результативности и полезности права содержит множество трудностей и проблем, возникающих в связи с проблемами изучения самой эффективности, для начала в качестве наиболее явных выделим следующие:

1. Понятие «эффективность», его понимание являются размытыми. В связи с этим его применение и изучение понимания сопряжено либо с определением, либо же при указании на объект эффективности, как например «эффективность права».

2. Среда использования термина также до конца не определена, он применяется и как оценка состояния процесса, так и способ реализации целей.

3. Существуют сложности в соотношении эффективности, в частности права, с иными социальными категориями, например со справедливостью.

Существует множество различных научных подходов относительно понимания эффективности права, методов выявления таковой и самой сути содержания данного явления. Каждая из таких теорий обладает как негативными, так и позитивными характеристиками, по нашему мнению не представляется возможным избрать исключительно единственный верный подход, возможным является выбрать лишь наиболее подходящий.

В качестве первого подхода рассмотрим представленный в кельзеновской позитивистской теории права. В частности как отметила Н. В. Варламова, эффективность права обосновывается лишь действительностью правовых норм: «В данном случае цель правового регулирования заключается в обеспечении определенного (желательного для государства) поведения людей и соотносится с реальным их поведением (результат) и государственно-властными ресурсами (мерами государственного принуждения), которые оказались необходимыми для приведения поведения людей в соответствие с предписаниями правовых норм» [1, с. 214]. В таком случае, рассмотрение эффективности права осуществляется в достаточно понятной и простой форме — в качестве соотношения и соответствия поведения субъекта права моделям поведения, установленным государством, что отражается в правовых нормах. А соответствием эффективности права определяется исходя из того, что чем больше актов правомерного поведения, которые устанавливаются правовыми нормами, при этом меньше количество применяемых санкций, то выше отмечается эффективность права.

Данный подход вполне обоснован и применим, в частности его положительным аспектом является простота применения и понимания. При этом в таком случае даётся обобщённый результат и отсутствует какая-либо конкретизация в соответствии с конкретными правоотношениями.

Также исходя из одного из подходов, считается, что возможность оценки эффективности права присутствует лишь при наличии динамики, то есть в процессе действия права и его норм. Даже если, например, обязывающая правовая норма не имеет санкции и мы можем видеть этот ее юридико-технический недостаток на этапе ее принятия законодателем и формального вступления в силу и действие, то мы констатируем ее дефективность, но не эффективность (или неэффективность), так как оценка последней возможна в процессе реализации права. [2, с. 43]

В. В. Лапаевой делается акцент на то, что в первую очередь при анализе и оценки эффективности права необходимо определять были ли нормами достигнуты поставленные правовые цели, а в частности основная цель — защита прав и свобод человека [3, с. 38]. Если же данные условия, требования нарушаются, то, несомненно, невозможно говорить об эффективности права, а также в таком случае нормативное регулирование не обладает правовыми качествами.

Такой подход усматривается не только исключительно в отечественных научных исследованиях, отдельные зарубежные авторы также предлагают применять именно данный метод оценки эффективности права. Так, Р. Д. Кутер полагает, что при оценке эффективности права юриспруденция дает информацию о нормативных ресурсах, а экономика показывает, как максимизировать их ценность; при этом главной юридической ценностью должна быть свобода, поэтому цель справедливого общества и права состоит в максимальном увеличении объема базовой свободы, которой все пользуются в равной степени [4, с. 142]. Отметим несмотря на то, что данный подход подвергается критике в научных источниках, определение эффективности права через соотношение между целью и результатом является одним из наиболее распространённых.

Такой подход также вполне применим, так как действительно достижение цели является существенным критерием оценки эффективности права, однако он не может выступать в качестве единственного.

Подход в части соотношения цели и результата, очевидно, является не единственным и не всегда возможен к применению. Так как зачастую могут возникать ситуации, при которых установленная цель достигается вне непосредственной связи с действием анализируемой нормы. В данном случае усматривается мнимая эффективность нормы и права [5, с. 42].

Следующим проанализируем метод Т. Гейгера и Э. Гирша, которые оценивают эффективность права через пропорциональное отношение количества фактов правомерного поведения к числу случаев противоправного [6, с. 132]. Данный подход использует скорее статистический метод. Однако, в таком случае получается, что эффективность права определяется лишь исходя из поведения граждан, его влиянием на правомерность такового.

Следующей рассмотрим формулу, которую представлена А. С. Мордовец: «разумная цель + законные средства = оптимальный результат» [7, с. 6]. Разумная цель в данном случае представляется гармонией и балансом интересов людей, а нормативное закрепление обязанностей государства — служить интересам всего общества и отдельного человека, законные средства выступают антиподами бес-

порядка, безответственности, а оптимальным результатом выступает следствие сложения разумных целей и законных средств, которые определены.

Данный подход является привлекательным с научной точки зрения, но он излишне идеализирован. Считаем, что фактически его применение на практике практически невозможно.

Проанализировав множество научных исследований, наиболее приемлемым способом, методом оценки эффективности права является использование формулы, которая содержит в себе 3 критерия: соотношение цели, результата и затрат, — но в данном случае к ним следует добавить юридический фактор. Его можно определить как юридическую результативность, связанную с юридическими средствами. Он обеспечивает реализации норм права.

В связи с чем предлагает следующую формулу, учитывающую все необходимые критерии:

$E = PO2 - PO1$, где $PO1$ — исходные правоотношения, а $PO2$ — состояние правоотношений на текущую дату. В качестве измерительной единицы определим количество нарушений права и исковых заявлений, жалоб, которые были удовлетворены. При такой формуле нет непосредственной связи с целью, но есть возможность, используя статистические данные, проследить динамику эффективности права. С помощью данного метода возможно чёткое определение эффективности права в конкретной сфере общественных отношений.

Также осуществим акцентирование внимания на эффективности права, проблемах методов оценки права именно в части административно-правовых норм. Особенность административно-правовых норм в том, что они регулируют и охраняют общественные отношения, входящие в предмет регулирования иных отраслей права (финансового, трудового, земельного, экологического и др.).

Об эффективности административно-правовых норм и соответственно нормативных правовых актов следует говорить при наличии количественных и качественных показателей (юридическая эффективность). В то же время считаем необходимым вести речь об эффективности административно-правовых норм не только при наличии данных показателей, но также и на стадии их разработки. В таком случае, ранее предложенная нами формула также применима и к данным общественным отношениям.

В административно-правовой науке и практике в ряде случаев приходится оценивать теоретическую, проектируемую эффективность административно-правовых норм права, поскольку либо нет фактических, реальных результатов действия таких норм, либо не представляется возможным их установить. Подобные ситуации могут

возникнуть, например, при составлении прогнозов эффективности норм административного права на стадии их подготовки и последующей апробации. Это необходимо для того, чтобы правотворческий орган имел представление об эффективности действия проектируемых новелл до того, как они будут приняты и вступят в действие.

Были выявлены специфические черты административно-правовых норм, при этом, следует отметить, что ранее выявленные проблемы, а также их возможные решения применимы и к сфере административных норм. В связи с чем считаем возможным применять ранее выявленную схему с учётом специфики сферы правоотношений.

Эффективность функционирования правовой нормы обусловлена эффективностью самой нормы, а эффективность нормы, в свою очередь, складывается из эффективности осуществления ее функций. [8, с. 55] Эффективность нормы нередко зависит от того, насколько соотношение прав и обязанностей правильно переводит на язык юридических категорий требования нормы.

В завершение анализа отметим, что нами было выявлено и изучено множество различных подходов к определению метода оценки эффективности права. Некоторые из представленных подходов излишне теоретические, часть используют излишне узкий подход. Заявленный вопрос долгое время изучается в правовой литературе и порождает множество споров, нами была предложена формула, которая может использоваться для оценки эффективности права, при этом, считаем, что по данному вопросу так и будут продолжаться научные споры, так как действительно в данной части невозможно выявить исключительно единственное верное мнение.

Список источников

1. *Варламова Н. В.* Эффективность правового регулирования: переосмысление концепции // Правоведение. 2009. № 1. С. 212–232.
2. *Кожневников В. В.* Эффективность норм права и эффективности их применения: проблема соотношения // Право и государство: теория и практика. 2017. № 3 (147). С. 39–44.
3. *Лапаева В. В.* Эффективность закона и методы ее изучения / Эффективность закона (методология и конкретные исследования) / отв. ред. В. М. Сырых, Ю.А. Тихомиров. М.: БЕК, 1997. 211 с.
4. *Cooter R. D.* Liberty, Efficiency, and Law // Law and Contemporary Problems. 1987. Vol. 50, Issue 4. Pp. 141–163.
5. *Паиков А. С., Явич Л. С.* Эффективность действия правовой нормы (к методологии и методике социологического исследования) // Советское государство и право. 1970. № 3. С. 40–48.

6. *Сартаева Н. А.* Правовой мониторинг уголовного законодательства: к вопросу о методологии // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. 2012. № 2 (26). С. 130–134.

7. *Мордовец А. С.* Проблема эффективности социально-юридического механизма обеспечения прав человека и гражданина // Правоведение. 1996. № 4. С. 4–10.

8. *Пискунова О. В.* Проблемные аспекты эффективности функционирования норм права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 2 (145). С. 53–59.

References

1. *Varlamova N. V.* Efficiency of legal regulation: rethinking the concept // *Pravovedenie*. 2009. № 1. p. 212–232. (In Russ.).

2. *Kozhevnikov V. V.* The effectiveness of the norms of law and the effectiveness of their application: the problem of correlation // *Law and the State: theory and practice*. 2017. № 3 (147). p. 39–44. (In Russ.).

3. *Lapaeva V. V.* The effectiveness of the law and methods of its study / The effectiveness of the law (methodology and specific research) / ed. V. M. Syrykh, Yu. A. Tikhomirov. M.: BEK, 1997. 211 p. (In Russ.).

4. *Cooter R. D.* Liberty, Efficiency, and Law // *Law and Contemporary Problems*. 1987. Vol. 50, Issue 4. P. 141–163.

5. *Pashkov A. S., Yavich L. S.* The effectiveness of the legal norm (to the methodology and methodology of sociological research) // *The Soviet State and Law*. 1970. № 3. p. 40–48. (In Russ.).

6. *Sartayeva N. A.* Legal monitoring of criminal legislation: on the issue of methodology // *Bulletin of the Institute of Legislation of the Republic of Kazakhstan*. 2012. № 2 (26). P. 130–134. (In Russ.).

7. *Mordovets A. S.* The problem of the effectiveness of the socio-legal mechanism for ensuring human and civil rights // *Pravovedenie*. 1996. № 4. p. 4–10. (In Russ.).

8. *Piskunova O. V.* Problematic aspects of the effectiveness of the functioning of the norms of law // *Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2022. № 2 (145). p. 53–59. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 26.10.2022; одобрена после рецензирования 26.10.2022; принята к публикации 26.10.2022.

The paper was submitted 26.10.2022; approved after reviewing 26.10.2022; accepted for publication 26.10.2022.

Научная статья
УДК 342.9
DOI: 10.47645/9785604917404_198

**Разграничение понятий пересечения и пропуска лиц
через государственную границу Российской Федерации
в рамках административно-правового режима
государственной границы Российской Федерации**

Артур Сергеевич Мироненко

Санкт-Петербургский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский Государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Санкт-Петербург, Россия, keter195@gmail.com

Аннотация. Развитие межгосударственных отношений, влекущее увеличение количества взаимных поездок граждан между странами приводит к необходимости совершенствования административно-правового режима Государственной границы Российской Федерации, в том числе разграничения понятийного аппарата порядка и правил пропуска через Государственную границу в целях обеспечения международной безопасности и безопасности Российской Федерации, синтеза норм международных правил пересечения Государственной границы и административно-правового режима Государственной границы Российской Федерации.
Ключевые слова: режим, пропуск, пересечение, регламент, пограничный контроль.

Для цитирования: Мироненко А. С. Разграничение понятий пересечения и пропуска лиц через государственную границу Российской Федерации в рамках административно-правового режима государственной границы Российской Федерации // Актуальные проблемы национального и международного права: материалы V науч.-практ. конф. студентов магистратуры (Санкт-Петербург, 2 нояб. 2022 г.). СПб.: С.-Петерб. ин-т (фил.) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2022. С. 198–204. DOI: 10.47645/9785604917404_198.

Conference paper

**Differentiation of the concepts of crossing and passing persons
across the State border of the Russian Federation within
the framework of the administrative-legal regime
of the State border of the Russian Federation**

Artur S. Mironenko

Saint Petersburg Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice, Saint Petersburg, Russia, keter195@gmail.com

© Мироненко А. С., 2022.

Abstract. The development of interstate relations, which entails an increase in the number of mutual trips of citizens between countries, leads to the need to improve the administrative and legal regime of the state border of the Russian Federation, including the procedure and rules for passing through the state border in order to ensure international security and the security of the Russian Federation, the synthesis of the norms of international rules for crossing the state border and the administrative-legal regime of the state border of the Russian Federation.

Keywords: mode, pass, crossing, regulations, border control.

For citation: Mironenko A. S. Differentiation of the concepts of crossing and passing persons across the State border of the Russian Federation within the framework of the administrative-legal regime of the State border of the Russian Federation // Current issues of national and international law: proceedings of the 5th scientific and practical conference of master students (Saint Petersburg, November 2, 2022). Pp. 198–204. DOI: 10.47645/9785604917404_198.

В современном правовом поле административно-правовые режимы является неотъемлемым инструментом регулирования деятельности органов государственного управления для реализации возложенных на них полномочий. Административно правовые режимы тесно вплетены во все сферы жизни личности, общества и государства, так как представляют из себя совокупность правил правового поведения и порядков реализации прав и законных интересов, деятельности граждан и юридических лиц, в определенных ситуациях в сфере публичного, административного управления. Одним из важнейших административных режимов и атрибутов атрибутом государства является его граница [1, с. 10].

Государственная граница представляет собой сложный, много-правовой институт, административно-правовой режим, имеющий практическое значение для многих сфер общественно-политической деятельности всех субъектов права как на внутригосударственном, так и на международном уровне. При рассмотрении Государственной границы как самостоятельного объекта правового регулирования необходимо понимать, что затрагиваются различные сферы международного и внутригосударственного права.

При изучении юридических аспектов Государственной границы как правового явления, учёные-юристы вкладывают в этот термин нормы различных сфер права и используют категории «правовой режим Государственной границы» «законодательство о Государственной границе», либо, «конституционно-правовой режим Государственной границы», «административно-правовой режим Государственной границы» [2, с. 2].

Законодательство о Государственной границе основывается на Конституции Российской Федерации, а также на международных договорах Российской Федерации и состоит из «правовой базы» формирования административно-правового режима Государственной границы — Закона Российской Федерации «О Государственной границе Российской Федерации» от 01.04.1993 № 4730-1. На основании данного закона уже принимаются другие нормативно-правовые акты формирующие собой единую правовую систему Государственной границы Российской Федерации. Относительно данной системы формируется система таможенного управления, пограничного законодательства, деятельность уполномоченных органов власти. Установлен ряд специальных правовых режимов, образующих режим Государственной границы, который в рамках представленного исследования рассматривается как самостоятельное правовое явление: режим Государственной границы, режим в пункте пропуска и пограничный режим.

Одним из ключевых элементов административно-правового режима Государственной границы является административно-правовое регулирование порядка пропуска лиц через Государственную границу Российской Федерации, так как этот элемент затрагивает международное, внутригосударственное право, геополитические вопросы и вопросы защиты жизни, здоровья, правового статуса личности граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства, пересекающих Государственную границу Российской Федерации [3, с. 1].

Административно-правовое регулирование порядка пропуска лиц через Государственную границу Российской Федерации должно соответствовать международным стандартам в целях обеспечения безопасности Российской Федерации, развития административно-правых режимов Государственной границы Российской Федерации, недопущения нарушения прав и свобод лиц, пересекающих Государственную границу Российской Федерации.

При этом необходимо обособить понятие режима Государственной границы, установленный разделом номер 3 Закона Российской Федерации «О Государственной границе Российской Федерации» от 01.04.1993 № 4730-1, который является установленным административным режимом в рамках вышеуказанного закона и включает ряд определённых правил и собирательным научным термином «административно-правовой режим Государственной границы», которые включает в себя все режимы, устанавливаемые в рамках пограничной политики и законодательства о Государственной границе Российской Федерации.

Обладая схожими правовыми явлениями, эти специальные правовые режимы призваны выполнять основную задачу административно-правового режима Государственной границы: обеспечения безопасности Российской Федерации и международной безопасности; взаимовыгодного всестороннего сотрудничества с иностранными государствами; взаимного уважения суверенитета, территориальной целостности государств и нерушимости Государственных границ; мирного разрешения пограничных вопросов [4, с. 2].

Административно-правовое регулирование порядка пропуска лиц и порядка пересечения лицами Государственной границы Российской Федерации является составной частью специального правового режима Государственной границы и представляют собой регламентированные правила поведения субъектов административного режима.

Под пересечением лицами Государственной границы подразумевается физическое, фактическое пересечение объектами административно-правового режима Государственной границы «физической» линии Государственной границы — линии и проходящая по этой линии вертикальной поверхности, определяющие пределы государственной территории (суши, вод, недр и воздушного пространства) Российской Федерации, то есть пространственный предел действия государственного суверенитета Российской Федерации. Правила пересечения включают в себя установление определённого места пересечения (на суше лицами — осуществляется на путях международного железнодорожного, автомобильного сообщения либо в иных местах и т. д.), время пересечения (режим работы пунктов пропуска), порядок следования (до пунктов пропуска и в обратном направлении), различные особенности пересечения на море, реках и т. д.

Пропуск лиц через Государственную границу производится в открытых и установленных в соответствии с законодательством Российской Федерации пунктах пропуска. Под пунктом пропуска понимается различная территория (акватория) в пределах железнодорожной, автомобильной станции, вокзала, морского, речного порта, аэропорта, военного аэродрома, открытых для международных сообщений и полётов, а также иные специально выделенный в участки местности, где осуществляется пропуск через Государственную границу.

Пропуск лиц заключается: 1) в признании законности пересечения Государственной границы лицами прибывшими на территорию Российской Федерации. В данном случае мы можем делать вывод что порядок пересечения является составной частью пропуска и пропуск лица возникает только после фактического пересечения линии Государственной границы;

2) в разрешении на пересечение Государственной границы лицами, убывающими из пределов Российской Федерации. Здесь прослеживается реверсивная последовательность — сначала осуществляется пропуск лица, затем его пересечение.

Основанием для пропуска через Государственную границу лиц — является наличие действительных документов на право въезда лиц в Российскую Федерацию или выезда их из Российской Федерации. При этом стоит заметить, что понятие действительный документ употребляется в законодательстве Российской Федерации и в международных отношениях, но при всё при этом законодательного закрепления и раскрытия этого понятия его нет. Предлагается дать следующее определение термину действительный документ в рамках административно-правового режима Государственной границы: действительный документ, это документ, дающий право на пересечение и пропуск через Государственную границу, в соответствии с законодательством Российской Федерации и международных соглашений Российской Федерации и иными странами, принадлежащий лицу его предоставляющим, соответствующим установленным образцам и описаниям и выданным уполномоченным на то органом, имеющий действительные сроки действия, не имеющие признаков подделки.

Для прослеживания логической цепочки административного действия пресечение-пропуск, стоит привести пример: международный рейс «Стамбул — Санкт-Петербург» в международном многостороннем воздушном грузопассажирском пункте пропуска «Санкт-Петербург (Пулково)». Воздушные суда пересекают Государственную границу по специально выделенным воздушным коридорам пролета с соблюдением правил, устанавливаемых Правительством Российской Федерации и публикуемых в документах аэронавигационной информации. Момент физического пересечения линии Государственной границы Российской Федерации находится на границе с Финляндской республикой или в морском пространстве. Лицо на борту воздушного судна также пересекло линию Государственной границы, юридический факт зафиксирован. При этом, лицо ещё не было пропущено через Государственную границу, так как не были соблюдены установленные специальным правовым режимом правила и процедуры пропуска лиц, предусмотренные законодательством Российской Федерации [5, с. 2].

Данный процесс регламентируется Приказом ФСБ РФ от 8 ноября 2012 г. № 562 «Об утверждении Административного регламента Федеральной службы безопасности Российской Федерации по исполнению Государственной функции по осуществлению пограничного контроля в пунктах пропуска через Государственную границу Российской Федерации». Пограничный контроль — это государ-

ственный контроль, который включает в себя комплекс действий и мероприятий которые проводятся при пропуске лиц, а также в осуществлении действий по выявлению и задержанию нарушителей правил пересечения границы.

Таким образом, физическое пресечение лицом границы не является пропуском лица через Государственную границу. В термине «пропуск через Государственную границу» определена последовательность действий субъектов правового режима Государственной границы: Российская Федерация (её компетентным органами власти) признаётся законность пересечения лица по направлению прибытия в Российскую Федерацию — при отсутствии факта законности пересечения (пересечение Государственной границы в установленных местах, установленным способом и с действительными документами) физическое пересечение границы не является правовым аргументом пропуска лица через Государственную границу. При выезде за пределы Российской Федерации — компетентные органы разрешают пересечь Государственную границу Российской Федерации.

Правила пересечения Государственной границы и правила пропуска лица через Государственную границу функционируют в одном правовом поле и являются составной частью административно-правового режима Государственной границы, имеют схожие аспекты, представляют собой цепочку взаимосвязанных и дополняющих друг друга правовых событий, с разными итогами государственно-административной деятельности и влиянием на правовой статус лица.

Список источников

1. Административно-правовые режимы в государственном управлении в Российской Федерации: теория и современная практика / Е. С. Болтанова, А. А. Здоровцева, О. А. Золотова и др.; отв. ред. проф. А. Ф. Ноздрачев. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Юридическая фирма КОНТРАКТ, 2017. 528 с.

2. Кузнецов В. И. Правовой режим Государственной границы / Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации, 2015. 29 с.

3. Ноздрачев А. Ф. Современное содержание понятия «Административно-правовой режим» / Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации, 2019. 3 с.

4. Керимова С. Л. Проблемы обеспечения режима Государственной границы в Российской Федерации: статья / Дагестанский Государственный университет, 2019. 4 с.

5. *Надарин Э. С.* Административно-правовые режимы, устанавливаемые в сфере защиты и охраны Государственной границы / Транспортное дело России. Сер., 2014. № 4. 5 с.

References

1. Administrative and legal regimes in public administration in the Russian Federation: theory and modern practice / E. S. Boltanova, A. A. Zdorovtseva, O. A. Zolotova, etc.; ed. prof. A. F. Nozdrachev. M.: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: Law Firm CONTRACT, 2017. 528 p. (In Russ.).

2. *Kuznetsov V. I.* The legal regime of the State border / Institute of Legislation and Compare. legal studies under the Government Grew. Federation, 2015. 29 p. (In Russ.).

3. *Pnozdrachev A. F.* The modern content of the concept of “Administrative and legal regime” / In-t legislation and compare. legal studies under the Government Grew. Federation, 2019. 3 p. (In Russ.).

4. *Keramova S. L.* Problems of ensuring the State border regime in the Russian Federation: article/ Dagestan State University, 2019. 4 p. (In Russ.).

5. *Nadarin E. S.* Administrative and legal regimes established in the field of protection and protection of the State border / Transport business of Russia. Ser., 2014. No. 4. 5 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 26.10.2022; одобрена после рецензирования 31.10.2022; принята к публикации 31.10.2022.

The paper was submitted 26.10.2022; approved after reviewing 31.10.2022; accepted for publication 31.10.2022.

Научная статья

УДК 34.03

DOI: 10.47645/9785604917404_205

Административно-правовой механизм защиты интеллектуальных прав правообладателя

Анатолий Сергеевич Мокиев

Санкт-Петербургский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Санкт-Петербург, Россия, tolik.mokiev@mail.ru

Аннотация. На современном этапе развития общества важную роль играет реализация интеллектуальной деятельности. В доктринальной правовой системе нашего государства интеллектуальным правам уделяется особое внимание, в целях совершенствования правовых механизмов защиты. В статье рассматривается административный механизм защиты интеллектуальных прав правообладателя, а также приводится система органов, участвующих в реализации правового механизма административной защиты.

Ключевые слова: интеллектуальные права, административная защита, правообладатели, интеллектуальная собственность, таможенные органы.

Для цитирования: Мокиев А. С. Административно-правовой механизм защиты интеллектуальных прав правообладателя // Актуальные проблемы национального и международного права: материалы V науч.-практ. конф. студентов магистратуры (Санкт-Петербург, 2 нояб. 2022 г.). СПб.: С.-Петербург. ин-т (фил.) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2022. С. 205–211. DOI: 10.47645/9785604917404_205.

Conference paper

Administrative legal ways to protect the intellectual rights of the copyright holder

Anatoly S. Mokiev

Saint Petersburg Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice, Saint Petersburg, Russia, tolik.mokiev@mail.ru

Abstract. At the present stage of society's development, the implementation of intellectual activity plays an important role. In the doctrinal legal

system of our state, special attention is paid to intellectual property rights in order to improve legal protection mechanisms. The article discusses the administrative method of protecting the intellectual rights of the copyright holder, and also provides a system of bodies involved in the implementation of the legal mechanism of administrative protection.

Keywords: intellectual rights, administrative protection, copyright holders, intellectual property, customs authorities.

For citation: Mokiev A. S. Administrative legal ways to protect the intellectual rights of the copyright holder // Current issues of national and international law: proceedings of the 5th scientific and practical conference of master students (Saint Petersburg, November 2, 2022). Pp. 205–211. DOI: 10.47645/9785604917404_205.

В настоящее время общество переживает развитие информационной системы и новых информационных технологий, нуждающихся в защите прав правообладателями. Так, с каждым годом защита интеллектуальных прав становится всё более актуальной проблемой, поскольку правообладатели, например, писатели, ученые, программисты и др. стремятся к признанию своего интеллектуального «изобретения» [1, с. 2].

Другими словами, каждый из правообладателей желает обеспечить защиту своего труда от других субъектов. Поэтому законодателем были разработаны способы охраны интеллектуальных прав правообладателей, защищая от незаконного использования третьими лицами интеллектуальную собственность.

Охрана прав в российском законодательстве интеллектуальной собственности может защищаться следующими способами: гражданско-правовыми, уголовно-правовые и административно-правовыми [2, с. 83]. В данной статье мы ознакомимся с административными правовыми способами защиты интеллектуальных прав правообладателя.

По мнению С. В. Калининой «...административно-правовой механизм защиты — это деятельность уполномоченных органов публичной власти реализация, охране и восстановлению прав на обращение посредством административного воздействия на виновных» [3, с. 9].

С. А. Агамагомедова в своих трудах считает, что «...под административно правовым механизмом интеллектуальных прав следует считать деятельность правовых органов, имеющих целостное правовое воздействие на общественные отношения, путём различных правовых и организационных средств, защищающих интеллектуальную собственность правообладателя» [1, с. 5].

Административно-правовая защита интеллектуальных прав правообладателя включает в себя следующие элементы:

- объекты интеллектуальных прав, подлежащие административной защите;
- субъекты интеллектуальных прав;
- административно-правовой механизм защиты на объекты интеллектуальных прав правообладателя.

В норме 1225 ГК РФ законодателем приведен список объектов интеллектуальных прав, например, произведения литературы, базы данных, изобретения и другая собственность, которая охраняется законом

Как нам всем известно, государство является основным субъектом любых правоотношений, поскольку именно государственные органы регламентируют нормативно-правовую деятельность в области функционирования системы защиты интеллектуальных прав.

Таким образом, законодатель предусматривает административную ответственность, которая исполняется конкретными органами, например, таможенными органами, Министерством внутренних дел, прокуратурой.

Приведём пример, на таможенные органы возлагается обязанность в виду приостановления выпуска товаров, включающих в себя признаки контрафакта, также таможенные органы на законном основании имеют право возбудить дело об административном правонарушении, в случае нарушения интеллектуальных прав, путём ввоза или вывоза через границу предмета или вещи материального мира, где имеется чужой логотип, товарный знак, либо иное обозначение, подтверждающее контрафактную деятельность [4, с. 53].

Кроме этого, одним из эффективных способов защиты интересов интеллектуальной собственности правообладателя является таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности.

На II квартал 2022 года в реестре фиксируется 5915 объектов интеллектуальной собственности. Также за II квартал 2022 года российскими таможенными был предотвращен ущерб с введением контрафактных товаров в гражданский оборот на сумму 3,6 млрд. рублей, что превышает на 0,87 млрд. руб. по сравнению с I кварталом 2022 года.

Также сотрудниками таможенных служб было возбуждено дел об административных правонарушениях в сфере интеллектуальной собственности за:

- I квартал 2022 года — 187;
- II квартал 2022 года — 317.

Показатели таможенной службы указывают на увеличение административных правонарушений в отношении интеллектуальных прав правообладателя. Сам реестр содержит информацию о правообладателе, об официальных партнёрах правообладателя, их обменом и сроками товара.

Другими словами, реестр таможенной службы является одним из способов защиты интеллектуальных прав правообладателя.

Таможенное законодательство является основной мерой защиты прав интеллектуальной собственности правообладателей, поскольку именно таможенные органы являются «доктором» по зачистке экспорта и импорта товаров через границу, содержащих в себе все признаки нарушения прав правообладателя.

В соответствии с нормой 124 ТК ЕАЭС, если при оформлении товара таможенными органами обнаруживаются признаки нарушения интеллектуальных прав правообладателя, то выпуск таких товаров приостанавливается на 10 рабочих дней.

Законодатель установил данные сроки с целью выразить свою позицию по нарушению исключительных прав правообладателя, а также для получения дополнительных сведений о товаре, выраженных в виде описания оценки и проведения экспертизы, например, приобретая образец из товарной партии, для сравнения и подтверждения правообладателем.

Г. П. Ивлиев, являясь руководителем Федеральной службы по интеллектуальной собственности, высказался следующим образом: в Российской Федерации 2021 год был официально объявлен годом науки и технологий. В связи с этим, интеллектуальная собственность становится инструментом, в развивающем научно-техническом прогрессе. Перед Роспатентом стоит важная задача — сформировать стабильную и эффективную интеллектуальную собственность, повысив при этом, качество предоставляемых услуг в сфере интеллектуальной собственности, подтверждая устойчивый рост числа заявок на регистрацию товарных знаков. Так, за 2021 год было зарегистрировано заявок на 14% больше нежели чем в 2020 году [5, с. 4].

Из приведённого мнения следует полагать, что рост на интеллектуальные права правообладателя значительно вырос. Однако, как следует из материалов судебной практики, размещённой на сайте Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2021 год арбитражными судами было вынесено 21 240 решений, связанных с охраной интеллектуальной собственностью правообладателя.

Суммарный объём заявленных требований составил 144,7 млрд руб., где средняя цена иска составляет 8,1 млн руб.

Кроме этого, арбитражные суды вынесли положительное решение в пользу истцов по 17 607 делам, что составляет 78,3% из числа рассмотренных дел, где в пользу правообладателей интеллектуальных прав было взыскано 9,7 млрд. руб., что в среднем составило 641 тыс. руб.

К сожалению, данный показатель является интересным фактом, поскольку за последние несколько лет компенсация за незаконное использование интеллектуальных прав значительно уменьшается, если сравнивать с предыдущими показателями в пользу правообладателей в среднем была взыскано:

- в 2018 году — 1 015 млн. руб.;
- в 2019 году — 986 тыс. руб.;
- в 2020 году — 745 тыс. руб.

Основной причиной резкого обесценивания интеллектуальных прав является постановление Конституционного суда Российской Федерации от 13.12.2016 года № 28-П, где согласно материалам дела, Судебная коллегия «вошла в положение» многолетних продавцов копеечного контрафакта, которых правообладатель интеллектуальной собственности донимает много миллионами исками. В результате Г. А. Гаджиев, являясь судьей докладчиком, допустил установление минимального размера компенсации за нарушение прав правообладателя, при задействовании его интеллектуальной собственности.

К сожалению, данная категория правовой защиты уменьшает уровень помощи правообладателям, а также отбиться им от нарушителей, незаконно использующих чужие интеллектуальные права.

Кодекс об административных правонарушениях содержит в себе нормы, предусматривающие ответственность за нарушение интеллектуальных прав правообладателя. Данные положения содержатся в следующих нормах КоАП РФ:

- нарушение авторских и смежных прав, изобретательских и патентных прав (ст. 7.12 КоАП РФ);
- нарушение установленного порядка патентования объектов промышленной собственности в иностранных государствах (ст. 7.28 КоАП РФ);
- незаконное использование средств индивидуализации товаров, работ, услуг (ст. 14.10 КоАП РФ);
- недобросовестная конкуренция в отношении или с использованием интеллектуальной собственности (ст. 14.33 КоАП РФ).

В случае нарушения, указанных выше норм, устанавливается административная ответственность, где наказание влечет в виде наложения административного штрафа. Кроме этого, незаконное использование прав интеллектуальной собственности может поспособствовать административному правонарушению, связанному с рекламной деятельностью, поскольку материалы судебной практики ещё раз доказывают, что отдельные авторы обращаются в суд за привлечением к административной ответственности за нарушение прав товарного знака.

Таким образом, в заключение хотелось бы отметить что административно-правовой механизм интеллектуальных прав правообладателя включает в себя объекты интеллектуальных прав, субъекты гражданского оборота и сам механизм, участвующий в реализации осуществления защита интеллектуальных прав, где каждый элемент обладает правовым инструментом защиты.

Однако на практике существует комплекс проблемных вопросов, к которому законодатель должен подойти в незамедлительном порядке, обратив внимание на количество административных правонарушений, связанных с интеллектуальными правами.

Список источников

1. *Агамагомедова С. А., Самарин А. В.* Административно-правовые аспекты защиты интеллектуальных прав // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2016. № 1 (17). С. 1–6.

2. *Протопов В. И.* Актуальные вопросы защиты интеллектуальных прав // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Казань, октябрь 2016 г.). Казань: Бук, 2016. С. 81–84.

3. *Калинина С. В.* Административно-правовая защита права граждан Российской Федерации на обращение в органы государственной власти и органы местного самоуправления: автореф. дис. <...> канд. юрид. наук / Калинина С. В. М., 2011. 24 с.

4. *Немирова Т. А.* Деятельность таможенных органов по защите интеллектуальной собственности // Эпоха науки. 2017. № 12. С. 52–57.

5. Роспатент в цифрах и фактах. / под ред. Г. П. Ивлиева. М.: ООО «АйПринт», 2022. 188 с.

References

1. *Agamagomedova S. A., Samarin A. V.* Administrative and legal aspects of intellectual property rights protection // Models, systems, networks in economics, technology, nature and society. 2016. No. 1 (17). pp. 1-6. (In Russ.).

2. *Protopov V. I.* Actual issues of intellectual property rights protection // Legal sciences: problems and prospects: materials of the V International Scientific Conference (Kazan, October 2016). Kazan: Buk, 2016. pp. 81–84. (In Russ.).

3. *Kalinina S. V.* Administrative and legal protection of the right of citizens of the Russian Federation to appeal to state authorities and local

self-government bodies: abstract. dis. <...> cand. jurid. Sciences / Kalini-na S. V. M., 2011. 24 p. (In Russ.).

4. *Nemirova T. A.* Activities of customs authorities for the protection of intellectual property // *The age of science*. 2017. No. 12. pp. 52–57. (In Russ.).

5. *Rospatent in figures and facts*. / edited by G.P. Ivlieva. M.: LLC “AyPrint”, 2022. 188 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 27.10.2022; одобрена после рецензирования 28.10.2022; принята к публикации 28.10.2022.

The paper was submitted 27.10.2022; approved after reviewing 28.10.2022; accepted for publication 28.10.2022.

Научная статья
УДК 342.9
DOI: 10.47645/9785604917404_212

Роль таможенных органов в системе органов валютного контроля

Александр Владимирович Сошников

Санкт-Петербургский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Санкт-Петербург, Россия, s.soshnicow@yandex.ru

Аннотация. Научная статья посвящена исследованию роли таможенных органов в системе органов, уполномоченных на осуществление валютного контроля. Актуальность исследования обусловлена тем, что с либерализацией внешней торговли в Российской Федерации значимость таможенных органов в области контроля за валютными операциями и выявления нарушений валютного законодательства стремительно возросла.

Ключевые слова: валютный контроль; органы валютного контроля; валютное законодательство; таможенные органы.

Для цитирования: Сошников А. В. Роль таможенных органов в системе органов валютного контроля // Актуальные проблемы национального и международного права: материалы V науч.-практ. конф. студентов магистратуры (Санкт-Петербург, 2 нояб. 2022 г.). СПб.: С.-Петерб. ин-т (фил.) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2022. С. 212–217. DOI: 10.47645/9785604917404_212.

Conference paper

The role of customs agency in the system of currency control agency

Alexander V. Soshnikov

St. Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice, St. Petersburg, Russia, s.soshnicow@yandex.ru

Annotation. The scientific article is devoted to the study of customs agency in the system agency authorized to exercise currency control. Research is relevant because with the liberalization of foreign trade in the Russian Federation, the importance of customs agency in the field of

control over foreign exchange transactions and compliance with currency legislation.

Keywords: currency control; currency control agency; currency legislation; customs agency.

For citation: Soshnikov A. V. The role of customs agency in the system of currency control agency // Current issues of national and international law: proceedings of the 5th scientific and practical conference of master students (Saint Petersburg, November 2, 2022). Pp. 212–217. DOI: 10.47645/9785604917404_212.

Проблема операций с денежными средствами с нарушением валютного законодательства Российской Федерации при осуществлении внешнеторговой деятельности является фундаментальной [1, с. 24–38].

Тенденции развития суверенного государства в современных реалиях обусловлены созданием условий, при которых его экономика будет находиться в безопасности и стремиться к развитию. Необходимым критерием для создания таких условий является высокий уровень эффективности валютного законодательства, а также системы органов, одной из функций которых является контроль за соблюдением валютного законодательства.

Современную историю развития законодательства о валютном регулировании рассмотрим с даты подписания Президентом Российской Федерации Указа об упразднении Федеральной службы финансово-бюджетного надзора — 2 февраля 2016 года.

Это решение было принято в виду неоднозначных результатов реформы, направленной на сокращение числа исполнительных органов власти, влияющих на валютное регулирование, и тщетной попытки снижения статуса некоторых из них с органа до агента валютного контроля.

Эксперимент оказался неудачным и привел к общему снижению эффективности системы валютного контроля.

В этой связи существенно возросла роль Федеральной таможенной службы в системе государственных органов, осуществляющих контроль за внешнеэкономической деятельностью, в разрезе соблюдения валютного законодательства, и, следовательно, степень актуальности исследований в указанном направлении.

Главными источниками, в которых исследуются роль таможенных органов в системе органов валютного контроля, явились работы Шкляева С. В., Шустановой В. М., Алексеева Е. В., Васильевой Е. С., Ахмедзянова Р. Р., Аверченковой В. С., Печерской Е. С., Обуховой А. А., Ильиной Е. А.

Валютный контроль — это совокупность мер административного воздействия, направленных на обеспечение соблюдения валютного законодательства [2, с. 781–783].

Васильева Е. С. исследует роль Федеральной таможенной службы в системе валютного контроля. По ее мнению, валютный контроль, осуществляемый таможенными органами, представляет собой элемент системы государственной валютной политики, который направлен на обеспечение финансовой и экономической безопасности государства [3, с. 230–238].

Наиболее эффективные меры по совершенствованию валютного контроля, осуществляемого таможенными органами, рассматривает в своих трудах Алексева Е. В [4, с. 20–23].

Федеральная таможенная служба, как преемник Федеральной службы финансово-бюджетного надзора, осуществляет функции органов валютного контроля, и наделена правами и обязанностью не только проводить проверки по исполнению требований валютного законодательства, но и осуществлять комплекс мер, в числе которых: выявление и предупреждение нарушений валютного законодательства, направление требований об устранении нарушений валютного законодательства, применение мер административной ответственности в случае выявления нарушения валютного законодательства — а именно уполномочена налагать и взимать административные штрафы.

Таким образом, таможенные органы наделены полномочиями как на проведение проверочных мероприятий в рамках компетенции, так и на применение мер ответственности за выявленные административные правонарушения.

Компетенция по контролю за валютными операциями, осуществляемыми таможенными органами, ограничена и связана исключительно с двусторонним перемещением товаров через таможенную территорию Евразийского Экономического союза, а также с двусторонним перемещением товаров через государственную границу Российской Федерации. Это значит, что полномочия таможенных органов по контролю за валютными операциями, не связанными с перемещением товаров, а также операциями, объектом по которым не являются товары, не распространяются. [5, с. 114–116].

Систему таможенных органов как органа валютного контроля формируют ФТС России, региональные таможенные управления, таможни, таможенные посты фактического контроля (кроме центров электронного декларирования).

В соответствии со статьей 23 Федерального закона от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» тамо-

женные органы с целью осуществления валютного контроля уполномочены:

- обеспечивать соблюдение резидентами и нерезидентами установленных законодательством о валютном регулировании требований;
- проверять информацию, представленную таможенному органу с документами, полученными от участников внешнеэкономической деятельности или иных органов валютного контроля и валютного регулирования;
- применять меры ответственности за нарушение требований нормативно-правовых актов Российской Федерации о валютном регулировании;
- осуществлять производство по делам об административных правонарушениях и требовать устранения выявленных нарушений.

Порядок проведения таможенными органами контроля за валютными операциями, а также исполнением требований устранить нарушения актов валютного законодательства Российской Федерации, установлен Административным регламентом ФТС России по осуществлению государственного контроля за валютными операциями. Указанный регламент утверждён приказом ФТС России от 17.07.2019 № 1171.

Специальным подразделением Федеральной таможенной службы, уполномоченным на осуществление функций органа валютного контроля является Управление торговых ограничений, валютного и экспортного контроля. Положение об Управлении утверждено Приказом ФТС России от 29 августа 2016 г. № 1647.

Так как должностные лица таможенных органов осуществляют производство по делам об административных правонарушениях, поводом для вынесения определения о возбуждении дела об административном правонарушении является выявление уполномоченным должностным лицом достаточных данных, указывающих на наличие события административного правонарушения, связанного с нарушением валютного законодательства Российской Федерации.

За выявленные должностным лицом таможенных органов нарушения валютного законодательства применяется административная ответственность по статье 15.25 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации от 30.12.2001 № 195-ФЗ.

За последние годы ФТС России достигнуты значительные результаты:

За прошедший период 2022 года таможенными органами проведено около 5 тыс. проверок соблюдения участниками внешнеэкономической деятельности требований валютного законодательства, по

результатам которых осуществлено административное производство по 7 тыс. делам [6, с. 116–124].

По результатам работы во взаимодействии с органами валютного регулирования предотвращен незаконный вывод денежных средств из Российской Федерации на сумму более 4 млрд. рублей.

Таким образом, современная система валютного контроля и эффективное ее применение невозможно без участия таможенных органов.

Институт валютного контроля, осуществляемого таможенными органами, для достижения основных целей и задач валютного контроля должен совершенствоваться в соответствии тенденциями развития экономики государства и развивать механизмы организации и осуществления валютного контроля, что является непосредственным условием для обеспечения безопасности и развития государства.

Список источников

1. Шкляев С. В. Управление торговых ограничений, валютного и экспортного контроля Федеральной таможенной службы: история и современность // Вестник Российской таможенной академии. 2021. № 4 (57). С. 24–38.

2. Шустанова В. М. Сущность валютного контроля в системе таможенного контроля // Аллея науки. 2018. Т. 6. № 10 (26). С. 781–783.

3. Алексеева Е. В. Перспективы развития деятельности таможенных органов в системе валютного регулирования и контроля // Вестник Академии знаний. 2020. № 41 (6). С. 20–23.

4. Васильева Е. С. Роль таможенных органов при организации валютного контроля // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. 2019. № 2 (28). С. 230–238.

5. Ахмедзянов Р. Р., Аверченкова В. С., Печерская Е. С., Обухова А. А. Роль ФТС в системе обеспечения валютного контроля на современном этапе // Colloquium-Journal. 2019. № 26-9 (50). С. 114–116.

6. Ильина Е. А. Актуальность вопроса осуществления валютного контроля на современном этапе // Академическая публицистика. 2022. № 6–2. С. 116–124.

References

1. Shklyayev S. V. Management of trade restrictions, currency and export control of the Federal Customs Service: history and modernity // Bulletin of the Russian Customs Academy. 2021. № 4 (57). P. 24–38. (In Russ.).

2. *Shustanova. V. M.* The essence of currency control in the system of customs control // *Alley of Science*. 2018. V. 6. № 10 (26). P. 781–783. (In Russ.).

3. *Alekseeva. E. V.* Prospects for the development of the activities of customs authorities in the system of currency regulation and control // *Bulletin of the Academy of Knowledge*. 2020. № 41(6). P. 20–23. (In Russ.).

4. *Vasilyeva. E. S.* The role of customs agency in the organization of currency control // *GosReg: state regulation of public relations*. 2019. № 2(28). P. 230–238. (In Russ.).

5. *Akhmedzyanov R. R., Averchenkova V. S., Pecherskaya E. S., Obukhova A. A.* The role of the FCS in the system of providing currency control at the present stage // *Colloquium-Journal*. 2019. № 26-9(50). P. 114-116. (In Russ.).

6. *Ilyina. E. A.* The relevance of the issue of currency control at the present stage // *Academic journalism*. 2022. № 6-2. P. 116-124. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 01.11.2022; одобрена после рецензирования 09.11.2022; принята к публикации 09.11.2022.

The paper was submitted 01.11.2022; approved after reviewing 09.11.2022; accepted for publication 09.11.2022.

Научная статья
УДК 342.9
DOI: 10.47645/9785604917404_218

Неоднозначное понимание содержания административного судопроизводства

Надежда Михайловна Тимаева

Санкт-Петербургский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Санкт-Петербург, Россия, nadya.tima85@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается неоднозначное понимание содержания административного судопроизводства, разделении административного судопроизводства и производства по делам об административных правонарушениях.

Ключевые слова: административного судопроизводства, правоотношения, государственных органов, принятие, принцип состязательности, система принципов.

Для цитирования: Тимаева Н. М. Неоднозначное понимание содержания административного судопроизводства // Актуальные проблемы национального и международного права: материалы V науч.-практ. конф. студентов магистратуры (Санкт-Петербург, 2 нояб. 2022 г.). СПб.: С.-Петерб. ин-т (фил.) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2022. С. 218–222. DOI: 10.47645/9785604917404_218.

Conference paper

Ambiguous understanding of the content of administrative proceedings

Nadezhda M. Timaeva

St. Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), St. Petersburg, Russia, nadya.tima85@mail.ru.

Abstract. The article discusses the ambiguous understanding of the content of administrative proceedings, the separation of administrative proceedings and proceedings in cases of administrative offenses.

Keywords: administrative proceedings, legal relations, state bodies, adoption, adversarial principle, system of principles.

© Тимаева Н. М., 2022.

For citation: Timaeva N. M. Ambiguous understanding of the content of administrative proceedings // Current issues of national and international law: proceedings of the 5th scientific and practical conference of master students (Saint Petersburg, November 2, 2022). Pp. 218–222. DOI: 10.47645/9785604917404_218.

В Российской Федерации немало сделано для построения современного аппарата государственного управления: выстроена система органов исполнительной власти, приняты федеральные и региональные законы о государственной службе, упорядочены вопросы статуса государственных служащих. Но до сих пор не удалось закрепить и внедрить важнейшие элементы системы рациональной бюрократии, гарантирующие профессионализм государственного управления [1, с. 70]. Неслучайно такие институты как система заслуг, нейтральность и стабильность государственной службы в российском административном праве должного развития не получили.

Сложно проходит в нашей стране становление института административной юстиции.

Неоднозначное понимание содержания административного судопроизводства было связано с отсутствием его законодательной регламентации как самостоятельной формы осуществления судебной власти. С принятием Кодекса об административном судопроизводстве Российской Федерации от 8 марта 2015 г. данная проблема разрешилась. Теперь законодатель четко разделил административное судопроизводство и производство делам об административных правонарушениях, о чем говорится в ч. 5 ст. 1 КАС РФ.

Принятие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации было обусловлено необходимостью «введения» процессуального права для административной юстиции.

Дела, возникающие из публичных правоотношений, не основаны на равенстве: с одной стороны выступает орган государства или должностное лицо, которое наделено определёнными властными полномочиями, другая сторона представлена гражданином или организацией, которые такими полномочиями не обладают [2, с. 31].

Следовательно, принцип состязательности выступает в качестве своеобразной меры возмещения, осуществляемой посредством предоставления участникам спорных правоотношений равного положения. Согласно судопроизводственному (функциональному) принципу состязательности лица, которые заинтересованы в исходе дела, имеют право отстаивать свою правоту в споре, подлежащих рассмотрению в судебном заседании. Это универсальное основополагающее начало,

сфера действия которого распространяется на все виды судопроизводство и процессов.

Следует отметить, что по своему наименованию административное судопроизводство наиболее приближенно к административному процессу, следовательно, весьма актуальным является соотнесение предусмотренного КАС РФ принципа состязательности с принципом состязательности административно-делективного процесса. Ведущее отличие заключается в том, что Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в отличие от КАС РФ прямо не закрепляет принцип состязательности. Следует обозначить, что принцип состязательности имеет закрепление в Конституции Российской Федерации (п. 3 ст. 123). В представленном случае состязательность выступает в качестве принципа осуществления судопроизводства в рамках территории России.

Система принципов административно-делективного процесса напоминает систему принципов уголовного судопроизводства, в то время как система принципов административного судопроизводства характерна для гражданско-процессуальной формы [3, с. 25].

Важно, что в уголовном процессе, равно как и в других классических судопроизводствах, принципу состязательности посвящена отдельная статья. В этой связи представляется, что закрепление в КоАП РФ специальной статьи, посвященной принципу состязательности, вполне соответствует современным тенденциям совершенствования российского юридического процесса качественных параметров и будет способствовать процессуальной формы совершенствованию административной ответственности. Таким образом, принципы выступают в качестве первостепенной основы административного судопроизводства.

Кроме того, действующий КАС РФ не разрешил существующие проблемы единой процессуальной основы для административного процесса. По своим процессуальным правилам продолжают рассматриваются дела об административных правонарушениях, а также административные дела, подведомственные (подсудные) арбитражным судам.

Проблема заключается в том, в каких организационно-правовых формах наиболее эффективно будет действовать этот институт в современных условиях, какие полномочия органов судебного контроля за законностью действий (решений) публичной администрации должны найти законодательное закрепление. Естественно, возникает проблема регулирования процессуальной стороны деятельности соответствующих судов.

Единство судебной практики подразумевает единообразное применение и толкование судами норм материального и процессуального

права. В современных условиях проблема обеспечения единства является актуальной и, как следует, требует должного разрешения.

Так же стоит отметить за частую стороны административного суда производства злоупотребляют своим правом на подачу искового заявления по обжалованию действие (бездействие) должностных лиц в соответствии с КАС РФ. Если рассмотреть данный вопрос на примере одного государственного органа, по наибольшему поступлению заявлений об оспаривании действие (бездействие), а именно на примере Федеральной службы судебных приставов. Зачастую юридические лица заваливаю суды заявлениями даже не поинтересовавшийся какие действия произведены в рамках их производств, не воспользовавшись своим правом на ознакомление с материалами, подачи обращения в порядке Федерального закона № 59 «О порядке рассмотрения обращений граждан РФ» [4].

Если бы законодатель закрепил бы порядок подачи заявления по обжалованию действия (бездействия) в порядке КАС РФ после определенной процедуры, а именно после получения ответов на обращения, ознакомления с материалами дела, из которых следует бездействия должностного лица. Данная процедура снизила бы нагрузку на судей.

Список источников

1. *Филь Е. О.* Актуальные проблемы процедуры обжалования решений, действий или бездействий должностных лиц органов государственной власти Донецкой народной Республики // Правовая позиция. 2020. № 1. С. 69–75.
2. *Южаков В. Н., Зырянов С. М.* Обзор и анализ правового регулирования механизмов досудебного обжалования решений и действий (бездействия) органов власти и их должностных лиц при осуществлении контроля (надзора). Москва. 2015. с. 80.
3. *Панова И. В.* Административное судопроизводство или административный суд // Административное право и процесс. 2013. № 5. С. 20–27.
4. *Панова И. В.* Спорные вопросы судебной практики по административным делам / И. В. Панова, А. Б. Панов. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство КноРус», 2021. 634 с.

References

1. *Fil E. O.* Actual problems of the procedure for appealing decisions, actions or omissions of officials of state authorities of the Donetsk People's Republic // Legal position. 2020. No. 1. pp. 69–75. (In Russ.).

2. *Yuzhakov V. N., Zyryanov S. M.* Review and analysis of the legal regulation of mechanisms of pre-trial appeal of decisions and actions (inaction) of authorities and their officials in the exercise of control (supervision). Moscow. 2015. p. 80. (In Russ.).

3. *Panova I. V.* Administrative proceedings or administrative court // Administrative law and process. 2013. No. 5. pp. 20–27. (In Russ.).

4. *Panova I. V.* Controversial issues of judicial practice in administrative cases / I. V. Panova, A. B. Panov. Moscow: Limited Liability Company “KnoRus Publishing House”, 2021. 634 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 31.10.2022; принята к публикации 31.10.2022.

The paper was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 31.10.2022; accepted for publication 31.10.2022.

**ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО
И ГРАЖДАНСКОЕ
СУДОПРОИЗВОДСТВО**

Научная статья

УДК 347.9

DOI: 10.47645/9785604917404_225

Электронные доказательства в гражданском процессе

Ольга Рамизовна Азизова

Санкт-Петербургский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Санкт-Петербург, Россия, azizovao@mail.ru

Аннотация. В статье исследованы понятие, сущность электронных доказательств, а также место электронных доказательств в системе средств доказывания. Особое внимание уделено необходимости выделения электронных доказательств как самостоятельного вида доказательств наряду с письменными и вещественными. Кроме того, предлагается внести изменения в ГПК в части закрепления открытого перечня доказательств.

Ключевые слова: электронные доказательства, доказательства, электронный документ, письменные доказательства, гражданский процесс.

Для цитирования: Азизова О. Р. Электронные доказательства в гражданском процессе // Актуальные проблемы национального и международного права: материалы V науч.-практ. конф. студентов магистратуры (Санкт-Петербург, 2 нояб. 2022 г.). СПб.: С.-Петерб. ин-т (фил.) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2022. С. 225–231. DOI: 10.47645/9785604917404_225.

Conference paper

Electronic evidence in civil procedure

Olga R. Azizova

Saint Petersburg Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice, Saint Petersburg, Russia, azizovao@mail.ru

Abstract. The article examines the concept and essence of electronic evidence, as well as the place of electronic evidence in the system of means of proof. Particular attention is paid to the need to distinguish electronic evidence as an independent type of evidence along with written and physical evidence. In addition, it is proposed to amend the Code of Civil Procedure in terms of enshrining an open list of evidence.

Keywords: electronic evidence, evidence, electronic document, written evidence, civil procedure.

For citation: Azizova O. R. Electronic evidence in civil procedure // Current issues of national and international law: proceedings of the 5th scientific and practical conference of master students (Saint Petersburg, November 2, 2022). Pp. 225–231. DOI: 10.47645/9785604917404_225.

В основе решения суда лежат доказательства, исследованные в ходе судебного разбирательства. Именно суд обладает рядом полномочий, к которым относятся определение фактов, лежащих в основе судебного решения, а также его последующее вынесение. Исходя из положений ст. 195 ГПК, судебное решение должно быть законным и обоснованным. Свойство обоснованности означает, что факты, имеющие значение для дела, подтверждены обстоятельствами, не требующими доказывания, а также доказательствами, которые исследованы судом и отвечают требованиям об их относимости и допустимости.

При вынесении решения суд устанавливает обстоятельства дела, юридические факты, имеющие значение в каждом конкретном деле, и впоследствии разрешает дело по существу, используя доказательства, которые представляют собой средства познания.

К доказательствам законодатель относит сведения о фактах, относящихся к делу, полученных в соответствии с требованиями закона, из предусмотренных законом средств доказывания.

Электронные доказательства — это сведения об обстоятельствах, имеющих значение для дела, которые отражены в форме цифровой, звуковой и видеозаписи. Электронные доказательства представляют собой электронные документы, сайты в сети Интернет, аудио- и видеозаписи, фотографии, изображения и текст, полученные посредством сообщений в мессенджерах, электронной почты и т. д.

В научном сообществе существует ряд споров относительно электронных документов как доказательств в гражданском процессе. С одной стороны, некоторые ученые полагают, что отнесение электронного документа к письменным доказательствам поставлено в зависимость от того, зафиксирована ли информация (мысль), являющаяся доказательством, посредством письменных символов. При этом, электронные средства доказывания не могут быть выделены в самостоятельную группу, т. к. таким образом будет нарушено единство основания классификации.

С другой стороны, в силу объективно существующей специфики электронного документа невозможно его полное тождество с традиционным письменным доказательством.

А. А. Жуйкова полагает, что профессиональным сообществом в процессе практической деятельности будет по достоинству оценено одно лишь указание в законе на наличие особой группы электронных текстовых доказательств, так как внесет определенность относительно их места в системе средств доказывания, суть которых зафиксирована письменными знаками, но посредством программ ЭВМ, информационных систем, обслуживаемых (созданных) в сети Интернет [1, с. 537].

На данный момент, исходя из совокупности положений нормативно-правовых актов, преобладает мнение, что электронный документ представляет собой письменный документ, исполненный в электронной форме, автором которого является человек. Электронный образ письменного документа, образованный посредством сканирования и в дальнейшем заверенный надлежащим образом является его копией.

Поскольку место электронных доказательств в системе средств доказывания является спорным вопросом, по данной проблеме в литературе существует четыре основных подхода.

1. Электронные доказательства относятся к письменным доказательствам.

2. Электронные доказательства относятся к вещественным доказательствам.

3. Электронные доказательства объединяют в себе черты как письменных, так и вещественных доказательств и занимают положение между ними.

4. Электронные доказательства охватываются существующими на данный момент средствами доказывания и не образуют самостоятельного института.

Зачастую электронный документ создается в процессе электронного документооборота, а также создается, хранится и передается с использованием технических средств фиксации, обработки и передачи информации, благодаря которым закрепляются сведения об обстоятельствах, имеющих значение для рассмотрения дела.

И в науке, и в судебной практике встречается мнение, указывающее на промежуточное место электронного документа между письменными и вещественными доказательствами.

По мнению А. А. Дёмина, А. С. Ванчикова, электронные доказательства не являются письменным доказательством, поскольку форма предоставления такого документа не обязательна в письменной форме [2, с. 1193].

С другой стороны, ГПК в соответствии со ст. 71 относит к письменным доказательствам документы, подписанные электронной подписью, материалы, полученные и помощью сети Интернет и др.

Вместе с тем, электронные доказательства представляют собой сведения, полученные именно посредством электронных источников (по электронной почте, опубликованные в сети Интернет и пр.).

Электронные документы относят к письменным доказательствам, поскольку содержащиеся в электронных документах сведения представляют собой человеческую мысль. Кроме того, электронные и вещественные доказательства объединяет тот факт, что стороны представляют их суду с помощью определенного материального носителя.

Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» (п. 55) указал на допустимость скриншота как доказательства, который, в свою очередь, должен быть распечатан, заверен лицами, участвующими в деле, а также должен быть указан адрес интернет-страницы, с которой сделана распечатка и точное время ее получения. Такие доказательства оцениваются судом наравне с прочими доказательствами.

Особую важность электронные доказательства имеют по делам в сфере интеллектуальной собственности. В указанной сфере скриншот может выступать главным доказательством по делу. Нарушения авторского права, к которым относят незаконное использование, распространение произведений науки и искусства, товарных знаков, аудио- и видеозаписей зачастую обнаруживают в сети Интернет. Кроме того, при обнаружении рекламы, размещенной в нарушение положений законодательства в интернет-ресурсах, необходимо будет обращаться к нотариусу. При указанных обстоятельствах, необходимо, как указывает Верховный Суд, распечатать скриншот с указанием даты и времени и в дальнейшем заверить его у нотариуса.

Кроме того, в производстве судов нередки дела о защите чести, достоинства и деловой репутации. В том случае, когда истец полагает, что лицом распространена клеветническая информация, порочащая его честь и достоинство, он может обратиться в суд за защитой своего права. Юридическое лицо, в свою очередь, при аналогичных условиях вправе оспорить сведения, порочащие деловую репутацию. В обоих случаях, если клеветнические сведения распространены в сети Интернет, не обойтись без помощи нотариуса.

Е. А. Нахова предлагает закрепить в процессуальном законодательстве «неисчерпывающий перечень электронных доказательств, предусмотрев их определение через перечисление по аналогии с письменными доказательствами, а именно: электронный документ, электронное сообщение и иные электронные доказательства», подчеркивая тот факт, что электронные доказательства имеют иную правовую природу в отличие от письменных и вещественных [3, с. 310].

Внесение указанных изменений в законодательство может добавить определенности проблеме электронных доказательств, их представления сторонами в судебном разбирательстве, а также признания таких доказательств допустимыми.

Никиташина Н. А., Марьясов К. В. указывают, что на данный момент электронные доказательства охватываются совокупностью существующих средств доказывания, однако без наделения их статусом самостоятельного средства доказывания возможно поверхностное отношение суда к их исследованию и оценке лишь по человекочитаемой форме [4, с. 79].

Суд оценивает представленные сторонами по делу электронные доказательства по общим правилам оценки доказательств, а именно их относимость, допустимость, достаточность, достоверность. Кроме того, рассматривается вопрос об их взаимосвязи с другими доказательствами.

А. В. Фадеев, Д. Ю. Русанова указывают, что законодатель четко не закрепляет, в каких формах участники судебного процесса должны предоставлять электронные источники информации, для того чтобы судья принял и приобщил доказательства к материалам дела [5, с. 212]. В силу данного факта возникает вопрос допустимости электронных источников как доказательств в судебном процессе.

Электронные доказательства должны быть представлены сторонами таким образом, чтобы суд мог проверить законность источника информации. Определить подлинность электронных документов можно посредством проведения экспертизы. Кроме того, электронные сообщения могут быть заверены нотариально. Однако в данном случае нотариус подтверждает лишь тот факт, что лично видел переписку. При таких обстоятельствах не представляется возможным подтвердить нотариально личность получателя и отправителя, однако данный факт напрямую влияет на признание доказательства допустимым и приобщение его к материалам дела.

Согласно общему правилу о признании доказательства допустимым, сведения, имеющие значение для разрешения дела, должны быть получены исключительно законным способом. В случае, когда доказательство хоть и подтверждает какие-либо обстоятельства дела, но при этом получено с нарушениями процессуального законодательства, не может быть приобщено к материалам дела. Доказательство является допустимым при соблюдении следующих условий: оно получено надлежащим субъектом, осуществляющим процессуальные действия, используя надлежащий источник информации, при соблюдении надлежащего порядка собирания и представления доказательства.

В процессе обеспечения доказательств нотариусом могут быть заверены сведения, полученные из мессенджеров, сайтов в сети Интернет, социальных сетей, в переписке, посредством электронной почты. Заверению подлежат не только текст, но и фотографии, изображения, аудиозаписи, видеозаписи, Интернет-страницы и сайты.

Стоит отметить, что нотариальное заверение скриншотов с целью использования их в качестве доказательств создает дополнительные сложности для стороны, предъявляющей доказательство. Кроме того, закон возлагает на нотариуса обязанность известить всех заинтересованных лиц о том, где и когда будет проводиться обеспечение доказательств.

На практике стороны прибегают к нотариальному обеспечению электронных доказательств в том случае, когда исчерпаны все иные доказательства по делу. Данный факт связан с возможностью признания электронного доказательства недопустимым.

Развитие цифровых технологий и постоянное увеличение объема информации ведет к появлению новых носителей информации, которые, в том числе, используются и в судопроизводстве. Ввиду появления новых источников информации следует законодательно закрепить возможность применения иных доказательств наряду с традиционными.

К иным носителям информации, по мнению П. Д. Шкуровой, следует отнести такие как электронная переписка, электронные образы документов, информация на жестких дисках, показания различных приборов учета, смарт-часы, эквайринговые терминалы для оплаты банковскими картами и др., если с их помощью возможно получить сведения о фактах, имеющих значение для правильного разрешения дела [6, с. 434].

Полагаем, что существует очевидная необходимость зафиксировать в статье 55 ГПК РФ перечень средств доказывания открытым. Внесение изменений, свидетельствующих о наличии особой группы электронных текстовых доказательств, внесет определенность относительно их места в системе средств доказывания.

Список источников

1. Жуйкова А. А. Процессуальные особенности электронных текстовых доказательств как средств доказывания по гражданским делам, связанных с защитой интеллектуальных прав // Актуальные проблемы государства и права. 2020. № 16. С. 530–540.

2. Дёмин А. А., Ванчиков А. С. Электронное доказательство в гражданском и арбитражном процессах // Вопросы российской юстиции. 2020. № 9. С. 1190–1197.

3. *Нахова Е. А.* Проблемы электронных доказательств в гражданском процессе // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 4 (42). С. 301–312.

4. *Никиташина Н. А., Марьясов К. В.* Электронные доказательства в гражданском процессе // Сибирский юридический вестник. 2021. № 1 (92). С. 74–79.

5. *Фадеев А. В., Русанова Д. Ю.* Проблема представления электронных документов в качестве доказательства в гражданском процессе // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 1–2. С. 211–213.

6. *Шкурова П. Д.* Необходимость закрепления открытого перечня средств доказывания в нормах гражданского процесса // E-Scio. 2019. №10 (37). С. 430–434.

References

1. *Zhuikova A. A.* Procedural features of electronic textual evidence as means of proof in civil cases involving the protection of intellectual property rights // Actual problems of state and law. 2020. № 16. P. 530–540. (In Russ.).

2. *Demin A. A., Vanchikov A. S.* Electronic evidence in civil and arbitration proceedings // Voprosy rossiiskoi justitii. 2020. № 9. P. 1190–1197. (In Russ.).

3. *Nakhova E. A.* Problems of electronic evidence in the civil process // Leningrad Law Journal. 2015. № 4 (42). P. 301–312. (In Russ.).

4. *Nikitashina N. A., Maryasov K. V.* Electronic Evidence in Civil Procedure // Siberian Law Bulletin. 2021. № 1 (92). P. 74–79. (In Russ.).

5. *Fadeev A. V., Rusanova D.* The problem of electronic documents as evidence in civil proceedings // International Journal of the Humanities and Natural Sciences. 2019. № 1–2. P. 211–213. (In Russ.).

6. *Shкурова P. D.* The need for an open list of means of proof in the rules of civil procedure // E-Scio. 2019. № 10 (37). P. 430–434. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 25.10.2022; одобрена после рецензирования 27.10.2022; принята к публикации 27.10.2022.

The paper was submitted 25.10.2022; approved after reviewing 27.10.2022; accepted for publication 27.10.2022.

Научная статья
УДК 347.4
DOI: 10.47645/9785604917404_232

Об институте цифрового посредника

Владислав Владимирович Артюхов

Санкт-Петербургский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Санкт-Петербург, Россия, vlad23.10@mail.ru

Аннотация. В данной статье исследуется институт цифрового посредника в российском праве и законодательстве. Автором выявлена актуальность заявленной тематики, проблемы проработанности правового статуса института цифрового посредника и сделан вывод о необходимости правового регулирования субъектов цифровых правоотношений с дальнейшим повышением требований безопасности в отношении идентификации и аутентификации пользователей в цифровом пространстве.

Ключевые слова: цифровой посредник, информационный посредник, идентификация, аутентификация, цифровые технологии.

Для цитирования: Артюхов В. В. Об институте цифрового посредника // Актуальные проблемы национального и международного права: материалы V науч.-практ. конф. студентов магистратуры (Санкт-Петербург, 2 нояб. 2022 г.). СПб.: С.-Петерб. ин-т (фил.) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2022. С. 232–237. DOI: 10.47645/9785604917404_232.

Conference paper

About the Institute of Digital Intermediary

Vladislav V. Artyukhov

St. Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice, St. Petersburg, Russia, vlad23.10@mail.ru

Annotation. This article examines the institution of a digital intermediary in Russian law and legislation. The author has identified the relevance of the stated topic, the problems of elaboration of the legal status of the institute of digital intermediary and concluded that there is a need for legal regulation of subjects of digital legal relations with a further increase in security requirements for the identification and authentication of users in the digital space.

© Артюхов В. В., 2022.

Keywords: digital intermediary, information intermediary, identification, authentication, digital technologies.

For citation: Artyukhov V. V. About the Institute of Digital Intermediary // Current issues of national and international law: proceedings of the 5th scientific and practical conference of master students (Saint Petersburg, November 2, 2022). Pp. 232–237. DOI: 10.47645/9785604917404_232.

С развитием цифровых технологий неизбежно возникнет возможность автоматизированного принятия решений в цифровом пространстве. Компьютерные программы и прототипы полноценного искусственного интеллекта уже выполняют перечень автоматизированных процессов, которые влекут юридические последствия. Данную сложную технологическую процедуру необходимо регулировать и включать в сферу права, что потребует усилия цифровых посредников.

Институт цифровых посредников не конкретизирован в российском законодательстве. На данный момент времени законодатель оформил субъекты отношений в сети Интернет обобщенно как «информационные посредники».

Обратимся к законодательству. Согласно статье 1253.1 Гражданского кодекса Российской Федерации информационным посредником является лицо, которое осуществляет одно из перечисленных полномочий: передает материалы или предоставляет возможность размещения материалов или предоставляет возможность доступа к материалам в сети Интернет. Законодатель отметил определяющий критерий информационного посредника, заключающемся в возможности для пользователя сети Интернет. Это первый подход к определению информационного посредника и недостаточно корректный. Разработчики программного обеспечения и архитекторы информационной инфраструктуры также создают возможность пользователям использовать информационную систему. Однако с юридической точки зрения информационными посредниками в данных правоотношениях они не являются.

Другой подход к определению информационного посредника зафиксирован в зарубежных законодательствах. В США существует «Закон об авторском праве в цифровую эпоху», который ввел определение «сервер-провайдер», иначе говоря, лица, оказывающего интерактивные услуги по предоставлению доступа к сети и являющегося оператором оборудования для данных целей. Директива Евросоюза «Об электронной коммерции» № 2000/31/ЕС вводит определение сервиса информационного общества, иначе говоря, любой услуги, предоставляемой за вознаграждение по запросу получателя услуг, дистанционно, с использованием электронных средств хранения и обработки данных [1, с. 89–90]. Исходя из перечисленных правовых положений зарубежно-

го законодательства, второй подход к определению информационного посредника основан на правовой категории услуги. Несмотря на дискуссионный термин услуги в праве, соотношение правовых категорий: «предоставление возможности» и «услуга» не равны по содержанию.

Согласно пункту 1 статьи 779 Гражданского кодекса и пункту 5 статьи 38 Налогового кодекса Российской Федерации существенным признаком услуги, который выделяет законодатель, является неотделимость результата от процесса ее оказания. Соответственно, на основании данных положений информационные услуги — это деятельность, направленная на удовлетворение информационной потребности получателя услуги. Подход российского законодателя не связывает напрямую информационного посредника с правовой категорией оказания информационных услуг, в связи с чем возникает проблема широкого толкования и неоднозначность судебной практики.

Данная проблема становится более актуальной с развитием открытых интерфейсов и онлайн-платформ. На этих технологиях возникла трехсторонняя бизнес-модель: потребители товаров и услуг, используя данные онлайн-платформ, заключают соглашение и между собой, и между оператором платформы, предоставляющим доступ к открытым интерфейсам иных производителей.

На данный момент не существует единого научного подхода к терминологии цифровой платформы. Первый подход трактует цифровую платформу как социально-экономическую систему: корпорация, предприятие, группа субъектов, система правоотношений, бизнес-модель. Второй подход трактует цифровую платформу как информационно-технологическую систему: информационная система, комплекс программных средств, аппаратное обеспечение, онлайн-сервис.

Второй подход отражен в законодательстве РФ. Согласно статье 16.2 Закона РФ «О занятости населения в Российской Федерации» законодатель ввел определение «Единой цифровой платформы» как федеральной государственной информационной системы. Существуют также иные цифровые платформы: платежно-расчетные, информационно-интеграционные, инвестиционные, социальные. По функциональному назначению они существенно различаются между собой.

Обобщая вышеперечисленные положения, следует отметить перечень субъектов информационных правоотношений: обладатель информации, владелец информационного ресурса, пользователь и операторы цифровых платформ.

Таким образом, на основе цифровой платформы сформирована система, где регулятором правоотношений в сети Интернет является не только государство в лице уполномоченных органов, но и сами операторы цифровых платформ, которые могут использовать меха-

низм, предоставляющий, ограничивающий и запрещающий доступ к Интернет-ресурсам в отношении одного или нескольких лиц, с целью контроля взаимодействия между пользователями и платформами.

Институт цифрового посредника подразумевает промежуточное звено между обладателем и получателем информации. К таким субъектам относятся: провайдеры доступа и хостинга, операторы поисковой системы, организаторы распространения информации в сети Интернет. Так как нормы права, регулирующие правовую категорию цифрового посредника относятся и к информационному праву, и к гражданскому праву, и затрагивают также иные отрасли права, то институт цифрового посредника является межотраслевым [2, с. 74–76].

Рассматривая сущность правового статуса цифрового посредника можно отметить следующие моменты. Правовой статус определяется правами и обязанностями субъектов данного правоотношения. Заключение, изменение и прекращение правоотношения происходит с помощью технологических возможностей информационной системы. Существенной особенностью данного правоотношения является анонимность пользователей [3, с. 71–79]. Пользователь цифрового пространства имеет возможность получать или отправлять информацию из любой точки мира. Благодаря технологическим возможностям источник информации можно скрыть или закодировать. Наряду с этим сам пользователь имеет возможность создать свой виртуальный образ, не соответствующий действительности. Вышеперечисленные факты затрудняют применение правовых норм и провоцируют создание целых цифровых пространств, избегающих ответственности, в том числе угрожающие информационной безопасности Российской Федерации. Поэтому ключевой обязанностью цифрового посредника является идентификация и аутентификация пользователей цифрового пространства.

Идентификация и аутентификация пользователей достаточно проблемная сфера в праве. Поднимается классический философский вопрос о соотношении человека, общества и государства. Возникает проблема законодательного оформления норм об идентификации и аутентификации. На данный момент в российском правовом поле существует Единая система идентификации и аутентификации и Единая информационная система биометрических персональных данных, при этом вопрос усиленной идентификации пользователя не решен законодательно в отношении многих видов коммерческой деятельности [4, с. 16–19].

Вопрос юридической ответственности оператора цифровой платформы также не проработан. На данный момент внесены дополнения Федеральным законом от 14.07.2022 № 266-ФЗ в правовые положе-

ния о персональных данных пользователей. В качестве изменений следует обратить внимание на то, что за противоправное использование сведений, составляющие цифровой профиль физического лица, а именно распространение сведений без согласия пользователя, оператор и лицо, осуществляющее обработку персональных данных по поручению оператора, несут ответственность перед субъектом персональных данных. С практической точки зрения проблема защиты персональных данных пользователей остается из-за невозможности доказать, что именно данный оператор передал персональные данные пользователя рекламным компаниям или злоумышленникам. В связи с этим само использование цифровых технологий предполагает рисковый характер, связанный с необходимостью разработки специальных мер информационной безопасности пользователей и ответственностью за несоблюдение данных мер.

Решение проблемы заключается в псевдонимизации пользователей посредством установления идентификатора пользователя [5, с. 26–30]. На цифровой платформе присваивается уникальный идентификатор пользователя, который защищает персональные данные о пользователе и к которому можно получить доступ и узнать личность только с помощью дополнительной информации, хранящейся у доверенного лица. В законе необходимо прописать критерии данного доверенного лица. В перспективе ввести автоматизированное принятие решений на цифровой платформе посредством искусственного интеллекта со строгими требованиями: функционирование механизма независимого мониторинга и включение в политику конфиденциальности сведений о типе обработки данных. На данный момент данные обязанности должен соблюдать цифровой посредник.

Необходимо выработать и закрепить на законодательном уровне принцип рационально осмысленного участия лица в отношениях, использующих цифровые технологии. Цифровые посредники обязаны довести до пользователя информацию об автоматизированном принятии решений. В качестве аргумента отметим факты рискованного характера использования цифровых технологий, требующих определенного уровня знаний и ограничивающих права и свободы для соблюдения требований безопасности. Особенно актуальным это станет в будущем с внедрением искусственного интеллекта и стремлением к автоматизированию (роботизации) многих технологических процессов.

Таким образом, исследование межотраслевого института цифрового посредника показало необходимость законодательного уточнения его правового статуса и проработке комплекса мер по повышению требований безопасности в отношении идентификации и аутентификации пользователя цифровых технологий и информационной сети.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алтухов А. В., Кашкин С. Ю. Правовая природа цифровых платформ в российской и зарубежной доктрине // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 7. С. 86–94.
2. Чубукова С. Г. Цифровая трансформация системы субъектов информационного права // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 12. С. 74–81.
3. Белов В. А. Цифровое посредничество и потребительские отношения: правовая природа и ответственность // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 8. С. 68–82.
4. Наумов В. Б., Полякова Т. А. Правовые проблемы идентификации субъектов в государственных и негосударственных системах в России // Вестник Академии права и управления. 2016. № 43. С. 14–21.
5. Столбов А. П. О стандартизации методов псевдонимизации персональных данных в здравоохранении // Проблемы стандартизации в здравоохранении. 2017. № 9–10. С. 25–36.

References

1. *Altukhov A. V., Kashkin S. Yu.* The legal nature of digital platforms in Russian and foreign doctrine // Actual problems of Russian law. 2021. № 7. P. 86–94. (In Russ.).
2. *Chubukova S. G.* Digital transformation of the system of subjects of information law // Bulletin of the O.E. Kutafin University (MGUA). 2019. № 12. P. 74–81. (In Russ.).
3. *Belov V. A.* Digital mediation and consumer relations: legal nature and responsibility // Actual problems of Russian law. 2022. Vol. 17. № 8. P. 68–82. (In Russ.).
4. *Naumov V. B., Polyakova T. A.* Legal problems of identification of subjects in state and non-state systems in Russia // Bulletin of the Academy of Law and Management. 2016. № 43. P. 14–21. (In Russ.).
5. *Stolbov A. P.* On standardization of methods of pseudonymization of personal data in healthcare // Problems of standardization in healthcare. 2017. № 9–10. P. 25–36. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 19.10.2022; одобрена после рецензирования 20.10.2022; принята к публикации 20.10.2022.

The paper was submitted 19.10.2022; approved after reviewing 20.10.2022; accepted for publication 20.10.2022.

Научная статья
УДК 347.9
DOI: 10.47645/9785604917404_238

Правовые преимущества и недостатки института судебного приказа

Никита Александрович Васильев

Санкт-Петербургский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Санкт-Петербург, Россия, nik.vasilev.00@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию проблемных и преимущественных черт института судебного приказа. Автором выделены основные преимущества и недостатки, а также предложены пути решения коллизионных вопросов, которые могут способствовать усовершенствованию института судебного приказа.

Ключевые слова: судебный приказ, исполнительный документ, взыскатель, должник, приказное производство.

Для цитирования: Васильев Н. А. Правовые преимущества и недостатки института судебного приказа // Актуальные проблемы национального и международного права: материалы V науч.-практ. конф. студентов магистратуры (Санкт-Петербург, 2 нояб. 2022 г.). СПб.: С.-Петерб. ин-т (фил.) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2022. С. 238–242. DOI: 10.47645/9785604917404_238.

Conference paper

Legal advantages and disadvantages of the institution of a court order

Nikita A. Vasilev

St. Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice, St. Petersburg, Russia, nik.vasilev.00@mail.ru

Abstract: This article is devoted to the study of the problematic and advantageous features of the institution of a court order. The author highlights the main advantages and disadvantages, and also suggests ways to resolve conflict issues that can contribute to the improvement of the institution of a court order.

Keywords: court order, writ of execution, recoverer, debtor, writ proceedings.

© Васильев Н. А., 2022.

For citation: Vasilev N. A. Legal advantages and disadvantages of the institution of a court order // Current issues of national and international law: proceedings of the 5th scientific and practical conference of master students (Saint Petersburg, November 2, 2022). Pp. 238–242. DOI: 10.47645/9785604917404_238.

С практической точки зрения судебный приказ — это особый инструмент, который в некоторой степени ускоряет и упрощает судебное разбирательство по некоторым видам споров. То есть, он представляет собой некий упрощенный порядок искового производства. Однако в настоящее время на практике есть как плюсы, так и минусы применения института судебного приказа.

Судебный приказ — упрощенная и не занимающая много времени процедура удовлетворения требований кредиторов по бесспорным видам искам; наряду с упрощенной процедурой выдачи судебного приказа, упрощена процедура его обжалования [1, с. 93].

Законодательно институт судебного приказа закреплен главой 11 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ). В соответствии с нормами права можно сделать вывод, что судебный приказ имеет силу исполнительного документа и носит исполнительный характер. Помимо этого, особенность судебного приказа заключается в том, что он сочетает в себе судебное постановление по делу и исполнительный документ.

Как гласит практика: «судебный приказ можно отменить с такой же легкостью и скоростью, как и подать» [2, с. 145]. Можно согласиться с данным мнением юристов. Подавая заявление о вынесении судебного приказа, сторона осознает, что разбирательство займет меньше сроки нежели исковое производство, стороны не будут вызываться на заседание и судебный акт будет вынесен в более короткие сроки. Однако, если есть какие-либо процессуальные и материальные нарушения, сторона в отношении которой вынесен судебный приказ в праве подать заявление на его отмену. Суд в свою очередь практически «без разбора» отменяет его и далее заявитель может обратиться по этому требованию только в исковом производстве [2, с. 145].

Еще одним преимуществом в приказном судопроизводстве является то, что сумма государственной пошлины меньше на 50% чем госпошлина в исковом производстве. Также стороне не нужно нанимать юриста для участия в судебном заседании, что существенно экономит финансы.

Актуальность использования приказного производства не уменьшается, а только увеличивается, что подтверждается судебной статистикой. Так, например, за 2020 г. по делам о взыскании сумм по до-

говору займа, кредитному договору было вынесено 6109145 судебных приказов, за 2021 г. — 7940 202, а за 2022 г. уже 9098 140. Это говорит о необходимости сохранения и развития данного института [3, с. 281].

Несмотря на существенные преимущества приказного производства, оно имеет и некоторые недостатки, которые были выявлены автором статьи в процессе анализа законодательства и правоприменительной практики. В данной статье будут выделены наиболее важные и актуальные пробелы, которые требуют детальной проработки.

Наверное, самой популярной проблемой является неполучение должником судебного приказа. В таком случае должник не может узнать о том, что в отношении него вынесен судебный приказ и не может его отменить в установленные законом сроки. Связано это с тем, что чаще всего заявления взыскателя и определения суда попросту не доходят или не отправляются в адрес должника. Конечно, в таком случае у должника есть право восстановить срок по уважительной причине. Но, к этому моменту, например, уже могут быть произведены взыскательские меры, и должник будет находиться в крайне неблагоприятном положении [4, с. 267]. В любом случае, даже при уважительных причинах, должник вынужден писать заявление об отмене или в последующем о повороте судебного приказа, а для этого может понадобиться привлекать специалиста, что опять же требует финансовых затрат.

В качестве разрешения данной проблемы, автор настоящей статьи предлагает изменить процедуру направления извещений должнику. В связи с тем, что отправка по почте не дает уверенности в получении должником письма, следует направлять документы в электронном виде с использованием почтового адреса и телефона должника. Это существенно повысит эффективность оповещения и донесение важных документов до стороны. А в связи с постоянно возрастающей тенденцией использования электронных технологий, эта идея вызывает особую актуальность. Так, например, в рамках «правовой цифровизации гражданского судопроизводства» для этих целей можно использовать «портал госуслуг» [5, с. 50]. На сегодняшний день мировые суды практически никак не задействованы в цифровых преобразованиях, поэтому внедрение таких технологий видится особо актуальным.

Для взыскателя также есть ряд проблем. Обратим внимание на одну из них. Судебный приказ в его нынешней редакции преимущественным образом ориентирован на добросовестных участников процесса и практически не учитывает возможных злоупотреблений со стороны должника [6, с. 321]. Помимо того, что правомерное заявление о вынесении судебного приказа может быть запросто отменено, взыскатель вынужден обращаться в суд в исковом порядке

снова заявляя свои требования. Следовательно, для взыскателя такое положение финансово невыгодно, а также тратит большое количество времени. При этом, часто на практике, когда взыскатель обращается в суд в дальнейшем уже с исковым заявлением, должники просто игнорируют заседания и не являются, что существенно затягивает процесс [7, с. 66].

В таком случае автор статьи предлагает решить эту проблему следующим способом. Необходимо дополнить нормы главы 11 ГПК РФ необходимостью обосновать отмену судебного приказа с мотивированными доводами, подтвержденными соответствующими доказательствами. Автор полагает, что данная мера соответствует принципу состязательности и равноправию сторон в судебном разбирательстве.

В качестве вывода отметим, что несмотря на то, что приказное производство действительно помогло снизить нагрузку на судей, ускорило процесс рассмотрения дел, сэкономило финансовые средства и время граждан, оно по-прежнему нуждается в реформировании и трансформации под существующие реалии [8, с. 42]. Поэтому судейскому сообществу и законодателю Российской Федерации стоит серьезно подойти к решению наиболее острых проблем, связанных с вынесением и исполнением судебного приказа.

Список источников

1. *Троицкий О. Э.* Актуальные проблемы, связанные с вынесением судебного приказа // БШёКй. 2020. № 4. С. 93–94.
2. *Игнатьева Н. П.* Вынесение мировыми судьями судебных приказов: правовое регулирование, некоторые практические проблемы и возможные пути их решения // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации. Сборник статей XXXI Международной научно-практической конференции. Пенза, 2021. С. 145–146.
3. *Самхарадзе А. К.* Актуальные проблемы современного института приказного производства в России // Вестник науки. 2019. № 12 (21). С. 280–281.
4. *Терехова Л. А.* Судебный приказ в гражданском и административном судопроизводстве // Проблемы судопроизводства по делам, возникающим из гражданских и административных правоотношений: сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. СПб.: Петрополь. 2017. 267 с.
5. *Минаяйленко Н. Н.* Правовая цифровизация в российском гражданском судопроизводстве: проблемы и перспективы // Юридическая наука. 2022. № 6. С. 50–52.

6. *Кузнецова Н. В.* Проблемы исполнения судебного приказа // Молодой ученый. 2022. № 20 (415). С. 321–323.

7. *Туманова Д. С.* О некоторых аспектах развития приказного производства как упрощенной формы судебного процесса // Цивилистика: право и процесс. 2020. № 4. С. 64–66.

8. *Ващенко М. К.* Особенности и недостатки приказного производства в гражданском процессуальном праве Российской Федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 11-4 (50). С. 40–42.

References

1. *Troitsky O. E.* Actual problems related to the issuance of a court order // *Bsheky*. 2020. № 4. P. 93–94. (In Russ.).

2. *Ignatieva N. P.* The issuance of court orders by magistrates: legal regulation, some practical problems and possible solutions // *Modern jurisprudence: current issues, achievements and innovations. Collection of articles of the XXXI International Scientific and Practical Conference*. Penza, 2021. P. 145–146. (In Russ.).

3. *Samkharadze A. K.* Actual problems of the modern institute of ordered production in Russia // *Bulletin of Science*. 2019. № 12 (21). P. 280–281. (In Russ.).

4. *Terekhova L. A.* Judicial order in civil and administrative proceedings // *Problems of legal proceedings in cases arising from civil and administrative legal relations: collection of articles based on the materials of the International Scientific and Practical Conference* St. Petersburg: Petropolis. 2017. 267 p. (In Russ.).

5. *Minyailenko N. N.* Legal digitalization in Russian civil proceedings: problems and prospects // *Legal Science*. 2022. № 6. P. 50–52. (In Russ.).

6. *Kuznetsova N. V.* Problems of execution of a court order // *Young scientist*. 2022. № 20 (415). P. 321–323. (In Russ.).

7. *Tumanova D. S.* On some aspects of the development of writ proceedings as a simplified form of judicial process // *Civil law: law and process*. 2020. № 4. P. 64–66. (In Russ.).

8. *Vashchenko M. K.* Features and disadvantages of writ proceedings in the civil procedural law of the Russian Federation // *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2020. №11-4 (50). P. 40–42. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 26.10.2022; одобрена после рецензирования 31.10.2022; принята к публикации 31.10.2022.

The paper was submitted 26.10.2022; approved after reviewing 31.10.2022; accepted for publication 31.10.2022.

Научная статья

УДК 347.948

DOI: 10.47645/9785604917404_243

Пределы использования специальных знаний в гражданском процессе

Иван Валериевич Григорьев

Санкт-Петербургский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Санкт-Петербург, Россия, ORCID 0000-0002-7726-6486, ivan.grigoryev@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена актуальной и широко распространенной в отечественном гражданском процессе ситуации использования специальных знаний в форме, не предусмотренной процессуальными нормами о проведении исследования, статусе эксперта и специалиста. Сфера, примерами которой автор иллюстрирует проблему — оценочная судебная экспертиза, на которой автор специализируется в своей профессиональной деятельности. Тем не менее, указанная проблема, по мнению автора, широко распространена и в ситуациях проведения других видов экспертиз — финансово-экономических, строительно-технических и т. д.

Ключевые слова: судебная экспертиза, консультация специалиста, эксперт, специалист, исследование.

Для цитирования: Григорьев И. В. Пределы использования специальных знаний в гражданском процессе // Актуальные проблемы национального и международного права: материалы V науч.-практ. конф. студентов магистратуры (Санкт-Петербург, 2 нояб. 2022 г.). СПб.: С.-Петерб. ин-т (фил.) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2022. С. 243–249. DOI: 10.47645/9785604917404_243.

Conference paper

Limits of the use of special knowledge in civil proceedings

Ivan V. Grigoriev

St. Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice, St. Petersburg, Russia, ORCID 0000-0002-7726-6486, ivan.grigoriev@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the actual and widespread situation in the domestic civil process of using special knowledge in a form not provided for by the procedural rules on conducting research, the status of an expert and a specialist. The area, with examples of which the author illustrates the problem, is evaluative forensic examination, in which the author specializes in his professional activities. Nevertheless, this problem, according to the author, is also widespread in situations where other types of expertise are carried out — financial and economic, construction and technical, etc.

Keywords: forensic examination, specialist consultation, expert, specialist, research.

For citation: Grigoriev I. V. Limits of the use of special knowledge in civil proceedings // Current issues of national and international law: proceedings of the 5th scientific and practical conference of master students (Saint Petersburg, November 2, 2022). Pp. 243–249. DOI: 10.47645/9785604917404_243.

Гражданский процессуальный кодекс РФ различает субъектов, могущих использовать специальные знания для оказания содействия правосудию — экспертов и специалистов. Этими категориями перечень «сведущих лиц» [1] не исчерпывается; российские исследователи также выделяют и других лиц, могущих использовать специальные знания в судебном процессе, например, сведущих свидетелей [2, с. 4–5], но их рассмотрение выходит за рамки настоящей статьи.

Согласно ст. 79. Назначение экспертизы ГПК РФ, «1. При возникновении в процессе рассмотрения дела вопросов, требующих специальных знаний в различных областях науки, техники, искусства, ремесла, суд назначает экспертизу. Проведение экспертизы может быть поручено судебно-экспертному учреждению, конкретному эксперту или нескольким экспертам».

Согласно ст. 188. Консультация специалиста ГПК РФ, «1. В необходимых случаях при осмотре письменных или вещественных доказательств, воспроизведении аудио- или видеозаписи, назначении экспертизы, допросе свидетелей, принятии мер по обеспечению доказательств суд может привлекать специалистов для получения консультаций, пояснений и оказания непосредственной технической помощи (фотографирования, составления планов и схем, отбора образцов для экспертизы, оценки имущества)».

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2008 № 13 (ред. от 09.02.2012) «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении и разрешении дел в суде первой инстанции» раскрывает положения вышеуказанной

статьи и конкретизирует случаи привлечения специалиста и пределы использования им специальных знаний.

Постановление гласит: «16. В случаях, указанных в части 1 статьи 188 ГПК РФ, суд вправе привлечь специалистов для получения консультаций, пояснений и оказания непосредственной технической помощи (фотографирования, составления планов и схем, отбора образцов для экспертизы, оценки имущества).

Задача специалиста в судебном заседании состоит в оказании содействия суду и лицам, участвующим в деле, в исследовании доказательств. Если из консультации специалиста следует, что имеются обстоятельства, требующие дополнительного исследования или оценки, суд может предложить сторонам представить дополнительные доказательства либо ходатайствовать о назначении экспертизы».

Таким образом, можно выделить следующие признаки эксперта и специалиста как участников гражданского процесса:

Эксперт:

- Лицо, обладающее специальными знаниями;
- Привлекается для проведения исследования (вне рамок судебного заседания) и дачи заключения.
- Специалист
- Лицо, обладающее специальными знаниями;
- Привлекается для получения консультаций в судебном заседании.

Процессуальная разница заключается в том, что специалист использует специальные знания непосредственно в судебном процессе (консультация), а эксперт — использует специальные знания вне рамок заседания (исследование).

Конечно, понятие исследования имеет общенаучный характер [3], и отнюдь не исчерпывается характеристиками времени и места проведения, однако в российском процессуальном законодательстве, да и в законодательстве многих других стран это именно так. Точнее можно сказать, что время и место здесь являются признаками другой характеристики — сложности вопроса. То есть, принимая решение о форме получения ответа на имеющийся вопрос, суд должен учесть сложность вопроса — возможно ли на него ответить в заседании (привлекая специалиста), либо необходимо проведение исследования.

Однако, практика гражданского процесса показывает, что в судопроизводстве эти дефиниции являются размытыми, и нередко происходит смешение этих различных (по процессуальному статусу) форм использования специальных знаний.

Рассмотрим один пример из практики автора. В работе одного из районных судов г. Москвы находилось дело о расторжении брака и

разделе совместно нажитого имущества супругов. В составе имущества, кроме объектов недвижимости находились доли в бизнесе (доли участия супруга в уставных капиталах обществ с ограниченной ответственностью).

Решение суда первой инстанции по расчету суммы компенсации за доли в обществах было основано на результатах исследования в рамках судебной экспертизы.

Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда решение нижестоящего суда оставлено без изменений.

Определением судебной коллегии по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции решение районного суда и апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда отменены и дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Отменяя состоявшиеся по делу судебные постановления и направляя дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, судебная коллегия по гражданским делам второго кассационного суда общей юрисдикции исходила из того, что, не отразив в принятом по спору решении результаты оценки каждого из представленных сторонами доказательств, в том числе представленного в материалы дела отчета по результатам анализа правомерности списания дебиторской задолженности (компаний, стоимость которых являлась предметом исследования эксперта), а также взаимную связь данных доказательств в их совокупности, суд нарушил требования процессуального закона.

На данное решение была подана кассационная жалоба. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации не нашла оснований для отмены состоявшихся по делу судебных постановлений.

На наш взгляд, это и подобные дела указывают на существенную проблему, имеющуюся в гражданском судопроизводстве и гражданском процессуальном законодательстве. Реализуя принцип состязательности, стороны, подкрепляя свою позицию в суде, приводят доказательства, процессуальный статус которых является неопределенным и/или нарушенным.

Так, в вышеуказанном деле судья первой инстанции приняла в качестве допустимого доказательства заключение, данного с соблюдением процессуального закона и данного экспертом, назначенным судом, но не приняла в качестве допустимого доказательства отчет (по сути, консультационное заключение специалиста), данное по инициативе одной из сторон. Кассационная же инстанция указала, что позиция судьи не является верной с процессуальной точки зрения.

Однако, давая ответ на вопрос, являются ли достоверными данные о дебиторской задолженности корректными, специалист, подготовивший отчет, фактически провел полноценное исследование — вопрос является сложным, на который невозможно было ответить в рамках судебного заседания, и отчет был подготовлен вне его рамок. На наш взгляд, тем самым нормы ГПК о проведении исследования были нарушены, и судья правомерно не учла данный отчет в качестве допустимого доказательства (вероятно, стороне, представившей отчет, стоило ходатайствовать о назначении экспертизы по исследованию корректности дебиторской задолженности, ссылаясь при этом на отчет, тогда процессуальные нормы были бы соблюдены).

Исходя из практики, складывающейся в РФ, можно констатировать, что проблема смешения форматов использования специальных знаний и нарушения пределов использования специальных знаний специалистом является повсеместной и широко распространенной.

Во множестве дел стороны представляют материалы, определенные как заключения специалистов, которые при этом фактически являются полноценными исследованиями, но проведенными вне рамок судебной экспертизы. Принятие данных материалов в качестве доказательств подрывает определенность норм процессуального законодательства об использовании специальных знаний.

Разрешение данной коллизии могло бы быть различным.

В юридической литературе встречались предложения придания консультации специалиста статуса средства доказывания. Такое законодательное регулирование позволит в необходимых случаях осуществлять проверку иных средств доказывания с точки зрения их достоверности, в частности, заключения эксперта путем исследования и оценки консультации специалиста [4, с. 5–6].

Возможным вариантом также является уточнение процессуальных норм с закреплением положения о проведении исследований исключительно в рамках экспертизы, что решило бы проблему размытости дефиниций.

Наиболее радикальным является изменение процессуальных норм с предоставлением сторонам права на проведение собственной экспертизы, что в полной мере реализовало бы принцип состязательности при проведении экспертизы таким образом, как это реализовано в ряде зарубежных юрисдикций [5].

Список источников

1. *Владимиров Л. Е.* Учение об уголовных доказательствах. СПб.: Законодательство, 1910.

2. *Дьяконова О. Г.* О регламентации сведущих лиц в процессуальном законодательстве // Актуальные проблемы процессуального и правового положения субъектов гражданского, арбитражного и административного судопроизводства: материалы V Международной научно-практической конференции: 13 октября 2017 г. Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» / СПб: ИД «Петрополис», 2018. С. 139–147.

3. *Рузавин Г. И.* Методология научного исследования: моногр. М.: ЮНИТИ, 1999.

4. *Нахова Е. А.* Участие специалиста в гражданском процессе и административном судопроизводстве // Актуальные проблемы процессуального и правового положения субъектов гражданского, арбитражного и административного судопроизводства материалы: V Международной научно-практической конференции: 13 октября 2017 г. Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» / СПб: ИД «Петрополис», 2018. С. 307–317.

5. *Григорьев И. В., Пономаренко О. В.* Особенности порядка назначения экспертизы в России и европейских странах // Актуальные вопросы юриспруденции: материалы X Международной научно-практической конференции / Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение». 2022. С. 120–127.

References

1. *Vladimirov L. E.* The doctrine of criminal evidence. St. Petersburg: Zakonovedenie, 1910. (In Russ.).

2. *Dyakonova O. G.* On the regulation of knowledgeable persons in procedural legislation // Actual problems of the procedural and legal status of subjects of civil, arbitration and administrative proceedings: materials of the V International Scientific and Practical Conference: October 13, 2017 The North-Western branch of the Federal State Educational Institution “Russian State University of Justice” / St. Petersburg: Publishing House “Petropolis”, 2018. Pp. 139–147. (In Russ.).

3. *Ruzavin G. I.* Methodology of scientific research: monogr. M.: UNITY, 1999. (In Russ.).

4. *Nakhova E. A.* Participation of a specialist in civil procedure and administrative proceedings // Actual problems of procedural and legal status of subjects of civil, arbitration and administrative proceedings materials: V International Scientific and Practical Conference: October 13, 2017 North-Western Branch of the Federal State Educational Institution “Russian State University of Justice” / St. Petersburg: Publishing House “Petropolis”, 2018. Pp. 307–317. (In Russ.).

5. *Grigoriev I. V., Ponomarenko O. V.* Features of the procedure for the appointment of expertise in Russia and European countries // Topical issues of jurisprudence: materials of the X International Scientific and Practical Conference / Penza: ICNS “Science and Education”. 2022. Pp. 120–127. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 14.10.2022; одобрена после рецензирования 31.10.2022; принята к публикации 31.10.2022.

The paper was submitted 14.10.2022; approved after reviewing 31.10.2022; accepted for publication 31.10.2022.

Научная статья
УДК 347.961
DOI: 10.47645/9785604917404_250

**Некоторые особенности правового статуса
должностных лиц местного самоуправления,
уполномоченных на совершение нотариальных действий**

Маазат Ахмеднабиевна Дахададаева

Санкт-Петербургский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Санкт-Петербург, Россия, maazat.05ru@gmail.com

Аннотация. В статье рассмотрен ряд особенностей правового статуса должностных лиц местного самоуправления, уполномоченных на совершение нотариальных действий, в поселениях или населенных пунктах, где отсутствует нотариус. Предложены возможные варианты изменения правового статуса указанных должностных лиц с целью обеспечения доступности и надлежащего качества оказания ими нотариальных услуг. Кроме того, сделан вывод о возможности совершения ими только таких нотариальных действий, которые не требуют наличия специальных знаний.

Ключевые слова: нотариат, нотариальные действия, местное самоуправление, местная администрация, органы местного самоуправления.

Для цитирования: Дахададаева М. А. Неоднозначное понимание содержания административного судопроизводства // Актуальные проблемы национального и международного права: материалы V науч.-практ. конф. студентов магистратуры (Санкт-Петербург, 2 нояб. 2022 г.). СПб.: С.-Петерб. ин-т (фил.) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2022. С. 250–255. DOI: 10.47645/9785604917404_250.

Conference paper

**Some features of the legal status of local government
officials authorized to perform notarial actions**

Maazat D. Dakhadadaeva

Saint Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice, Saint Petersburg, Russia, maazat.05ru@gmail.com

Abstract. The article considers a number of features of the legal status of local government officials authorized to perform notarial actions in settlements or localities where there is no notary. Possible options for changing the legal status of these officials are proposed in order to ensure the availability and proper quality of their notarial services, namely, fixing in the legislation the commission of notarial actions as the duties of local government officials working in territories where notaries do not carry out their activities, establishing certain qualification requirements for these officials. In addition, it is concluded that they can only perform such notarial actions that do not require special knowledge.

Keywords: notary, notary actions, local government, local administration, local government bodies.

For citation: Dakhadadaeva M. D. Some features of the legal status of local government officials authorized to perform notarial actions // Current issues of national and international law: proceedings of the 5th scientific and practical conference of master students (Saint Petersburg, November 2, 2022). Pp. 250–255. DOI: 10.47645/9785604917404_250.

Нотариат является одним из важнейших правовых институтов, призванных обеспечивать защиту, а также реализацию гражданами и юридическими лицами своих прав и интересов.

Согласно ч. 2 ст. 1 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате от 11.02.1993 № 4462-1 (далее — Основы) нотариальные действия в Российской Федерации совершаются нотариусами.

Вместе с тем, ч. 4 ст. 1 Основ указывает на то, что правом совершения отдельных нотариальных действий наделены и иные лица, не являющиеся нотариусами, а именно должностные лица местного самоуправления. В частности, к таким лицам относятся главы местных администраций поселений и (или) уполномоченные должностные лица местных администраций поселений, в которых нет нотариусов; главы местных администраций муниципальных районов и (или) уполномоченные должностные лица таких администраций в расположенных на межселенных территориях населенных пунктах, в которых нет нотариуса, а также во входящих в состав территорий муниципального округа, городского округа населенных пунктах, не являющихся их административными центрами, в которых нет нотариуса, правом на совершение нотариальных действий наделены уполномоченные должностные лица местных администраций данных муниципальных образований в случае, если такие должностные лица в соответствии со своими должностными инструкциями исполняют должностные обязанности в указанных населенных пунктах.

Также возможность совершения нотариальных действий органами местного самоуправления предусматривается ст.ст. 14.1, 15.1, 16.1 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее — Закон № 131-ФЗ), устанавливающими права органов местного самоуправления, не являющиеся вопросами местного значения. Однако в отличие от Основ, упоминаний о том, какой или какие органы местного самоуправления наделены соответствующим правом, Закон № 131-ФЗ не содержит.

Исходя из указанных норм, очевидна одна из основных составляющих правового статуса должностных лиц местного самоуправления в сфере нотариата — совершение нотариальных действий не считается их обязанностью, а рассматривается только как право.

Однако такой подход, основанный на буквальном толковании положений Основ и Закона № 131-ФЗ, лишает смысла само существование подобных полномочий у лиц, не являющихся нотариусами. Осуществление нотариальной деятельности должностными лицами местного самоуправления возможно в поселениях или населенных пунктах, где отсутствует нотариус.

Как верно отмечает О. С. Скачкова: «поскольку нотариальные конторы, как правило, находятся в центрах муниципальных районов, во многих территориально удаленных от них поселениях нотариусы просто отсутствуют» [1, с. 70]. Зачастую это малонаселенные и труднодоступные районы страны, где при отсутствии нотариуса у жителей нет иной альтернативы для получения нотариальных услуг, и единственным способом их получения является обращение в местную администрацию. В таких условиях отказ от совершения нотариальных действий должностными лицами администраций, основанный на том, что это лишь право, а не обязанность данных лиц, неизбежно будет нарушать права граждан.

При этом интересна точка зрения, согласно которой полномочия по осуществлению нотариальных действий относятся к государственным полномочиям, передаваемым для осуществления органам местного самоуправления соответствующих муниципальных образований. Это обосновывается тем, что данные полномочия законодательно не отнесены к вопросам местного значения, нотариальные действия согласно ст. 1 Основ осуществляются от имени Российской Федерации, а значит они носят публичный, государственный характер [2, с. 76].

С этим сложно согласиться с формально-юридической точки зрения, поскольку указание в Основах на возможность совершения нотариальных действий уполномоченными должностными лицами местного самоуправления само по себе не является передачей го-

сударственных полномочий в соответствии с порядком наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями, установленным гл. 4 Закона № 131-ФЗ. Однако содержание данной точка зрения абсолютно справедлива в части того, что осуществление нотариальной деятельности относится к функциям, имеющим государственно значимый характер, а значит государство обязано гарантировать ее доступность для любых лиц, в том числе в местностях, где отсутствуют нотариусы как специфические субъекты осуществления нотариальной деятельности. В связи с этим полностью оправданно наделение государством органов местного самоуправления как органов публичной власти, ближе всего находящихся к гражданам в указанных местностях, полномочиями по совершению нотариальных действий. Исходя из этого, данные полномочия должны иметь характер не права, а обязанности, в целях обеспечения доступности и гарантированности совершения нотариальных действий в отношении нуждающихся в этом лиц.

Еще один вопрос, связанный с особенностями правового статуса должностных лиц местного самоуправления, касается требований, предъявляемых законодательством к таким лицам для возможности осуществления ими нотариальных действий.

В настоящее время ни Основы, ни Закон № 131-ФЗ, ни иные правовые акты в сфере нотариата не устанавливают каких-либо ограничительных требований для должностных лиц местного самоуправления, занимающихся нотариальной деятельностью. При этом для нотариусов критерии для получения подобного статуса установлены, более того, они носят достаточно серьезный характер. Так, согласно ст. 2 Основ нотариусом может являться только гражданин РФ, получивший высшее юридическое образование в имеющей государственную аккредитацию образовательной организации высшего образования; имеющий стаж работы по юридической специальности не менее чем 5 лет; достигший возраста 25 лет, но не старше 75 лет; сдавший квалификационный экзамен, дающий возможность лицу осуществлять нотариальную деятельность. Подобные требования имеют своей целью установление квалифицированности и высокой правовой грамотности нотариуса в связи с особенностями гражданско-правовых отношений и необходимости обеспечения нотариусом их соответствия действующему законодательству [3, с. 133].

Очевидно, что ни к главе местной администрации, ни к иному должностному лицу местной администрации такие требования предъявляться не могут, поскольку совершение нотариальных действий не может считаться единственной или основной их обязанностью, в отличие от нотариусов.

Вместе с тем, отсутствие необходимых знаний и профессиональных навыков неизбежно приводит к несоблюдению действующего законодательства, возникновению большого числа ошибок, совершаемых должностными лицами местного самоуправления в данной сфере [4, с. 4].

В связи с этим представляется правильным установить определенные квалификационные требования в отношении должностных лиц местного самоуправления, уполномоченных на совершение нотариальных действий в виде наличия высшего образования и установления обязанности по регулярному повышению квалификации [5, с. 13]. При этом обязанность по проведению обучения для указанных лиц целесообразно возложить на нотариальные палаты, поскольку они обладают необходимым методическим ресурсом, выработанным, в том числе в результате практической деятельности нотариусов по совершению ими нотариальных действий.

Наконец, из рассмотренных особенностей квалификации должностных лиц местного самоуправления вытекает еще один элемент их правового статуса — они наделены полномочиями по осуществлению не всех нотариальных действий, предусмотренных законодательством РФ, а лишь части, установленной ст. 37 Основ. Так, например, к ним относятся удостоверение доверенностей, за исключением доверенностей на распоряжение недвижимым имуществом; принятие мер по охране наследственного имущества путем производства описи наследственного имущества; свидетельствование верности копий документов и выписок из них и т. д. Из данного перечня обоснованно исключены полномочия по удостоверению завещаний, совершению нотариальных действий, в частности доверенностей в отношении недвижимого имущества, которые ранее предусматривались ст. 37 Основ, поскольку при совершении данных действий требуются специальные знания и высокий уровень подготовки, а неправильное их совершение может повлечь неустраняемые нарушения прав и интересов граждан и юридических лиц.

Соответственно и в дальнейшем, при введении законодателем новых нотариальных действий, должен действовать принцип, в соответствии с которым должностные лица местного самоуправления могут совершать только нотариальные действия, обеспечивающие основные потребности жителей соответствующих поселений, населенных пунктов, не представляющие значительной сложности в совершении и не требующие наличия у должностных лиц специальных знаний и умений.

Таким образом, особенности правового статуса должностных лиц местного самоуправления нуждаются в определенной корректировке путем изменения законодательства в сфере нотариата с целью совершенствования деятельности указанных лиц по совершению нотариальных действий.

Список источников

1. Скачкова О. С. Нотариальные действия глав администраций поселений: новое в правовом регулировании // Правовая политика и правовая жизнь. 2016. № 2. С. 68–73.
2. Демидов М. В., Соколова Е. И. Право глав местных администраций и специально уполномоченных должностных лиц местного самоуправления на совершение нотариальных действий // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 1. С. 74–79.
3. Эриашвили Н. Д. Современные требования к квалификации кандидата на должность нотариуса // Закон и право. 2019. № 7. С. 132–136.
4. Шевченко С. Н. Орган местного самоуправления как субъект, осуществляющий нотариальную деятельность // Нотариус. 2014. № 3. С. 3–6.
5. Костикова Г. В. Некоторые аспекты совершения нотариальных действий на территориях, где отсутствует нотариус // Нотариус. 2020. № 2. С. 11–14.

References

1. Skachkova O. S. Notarial actions of heads of administrations of settlements: new in legal regulation // Legal policy and legal life. 2016. № 2. P. 68–73. (In Russ.).
2. Demidov M. V., Sokolova E. I. The right of heads of local administrations and specially authorized officials of local self-government to perform notarial actions // Constitutional and municipal law. 2016. № 1. P. 74–79. (In Russ.).
3. Eriashvili N. D. Modern requirements for the qualification of a candidate for the position of notary // Law and Law. 2019. № 7. P. 132–136. (In Russ.).
4. Shevchenko S. N. Local self-government body as a subject carrying out notarial activity // Notary. 2014. № 3. P. 3–6. (In Russ.).
5. Kostikova G. V. Some aspects of performing notarial actions in territories where there is no notary // Notary. 2020. № 2. P. 11–14. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 26.10.2022; одобрена после рецензирования 28.10.2022; принята к публикации 28.10.2022.

The paper was submitted 26.10.2022; approved after reviewing 28.10.2022; accepted for publication 28.10.2022.

Научная статья
УДК 347.00
DOI: 10.47645/9785604917404_256

Принципы и пределы осуществления гражданских прав: соотношение понятий

Полина Александровна Иванова

Санкт-Петербургский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Санкт-Петербург, Россия, polia.linka@yandex.ru

Аннотация. В статье кратко определяются понятия принципов и пределов реализации гражданских прав, рассматриваются критерии их разграничения, а так же вопросы соотношения. Проводится анализ действующих правовых норм регулирующих указанные категории, представляющие собой основы требований, предъявляемых к способам ведения дел участниками гражданских правоотношений.

Ключевые слова: принципы гражданского права, пределы реализации гражданских прав, злоупотребление правом, осуществление гражданских прав.

Для цитирования: Иванова П. А. Принципы и пределы осуществления гражданских прав: соотношение понятий // Актуальные проблемы национального и международного права: материалы V науч.-практ. конф. студентов магистратуры (Санкт-Петербург, 2 нояб. 2022 г.). СПб.: С.-Петербург. ин-т (фил.) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2022. С. 256–261. DOI: 10.47645/9785604917404_256.

Conference paper

Principles and limits of the exercise of civil rights: relation of concepts

Polina A. Ivanova

Saint Petersburg Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice, Saint Petersburg, Russia, polia.linka@yandex.ru

Abstract. The article briefly defines the concepts of principles and limits of the realization of civil rights, discusses the criteria for their differentiation, as well as the issues of correlation. The analysis of the current legal norms regulating these categories, which are the basis of the requirements

imposed on the way of conducting business by participants in civil legal relations, is carried out.

Keywords: The principles of civil law, the limits of the exercise of civil rights, abuse of law, the exercise of civil rights.

For citation: Ivanova P. A. Principles and limits of the exercise of civil rights: relation of concepts // Current issues of national and international law: proceedings of the 5th scientific and practical conference of master students (Saint Petersburg, November 2, 2022). Pp. 256–261. DOI: 10.47645/9785604917404_256.

Осуществление гражданских прав — процесс, который можно наблюдать каждодневно в современном обществе. Участники гражданского процесса удовлетворяют свои имущественные и личные немущественные интересы путем осуществления принадлежащих им гражданских прав. В связи с этим, необходимо обратить особое внимание на то, как или какими способами и методами осуществляются гражданские права. Для того, чтобы помочь участникам гражданских отношений удержаться в правовых рамках законодателем были разработаны пределы и принципы осуществления гражданских прав.

Принципы являются основополагающими положениями, устанавливают то, на что будет нацелено правовое урегулирование, а так же его наполнение. Благодаря им мы можем выделить характеристики присущие праву, как одному из способов урегулирования общественных отношений. Кроме того принципы являются «фундаментом» для осуществления правового регулирования. За время существования современного гражданского законодательства данные положения практически не подверглись поправкам, в отличие от других норм, изменения которых происходят с завидной регулярностью. В доктрине достаточно четко установилось понятие принципов реализации гражданских прав как основополагающие критерии, применяемые к субъектам гражданских правоотношений.

Как уже ранее отмечалось, принципы имеют фундаментальное значение, так же они охватывают все возможные правоотношения различных субъектов, благодаря этим характеристикам можно говорить об их универсальности и в этом смысле они являются уникальными по своей сути [1, с. 86]. В связи с упомянутыми характеристиками принципов права, необходимо отметить, что многие ошибочно отождествляют их с пределами осуществления гражданских прав и приписывают последней категории свойства присущие первой.

Если мнения цивилистов по поводу принципов осуществления гражданских прав во многом тождественны с друг другом, то на понятие пределов осуществления гражданских прав не выработалось

общего и единого мнения. Некоторые под пределами осуществления гражданских прав понимают четко очерченные рамки законодателем по отношению к действиям участников гражданских правоотношений. Другие смотрят на данное явление как установленная законодателем необходимость осуществлять гражданские права без отступления за рамки их истинного назначения, упорядочивание методов реализации прав, снабжением участников отношений возможностями для защиты права.

В гражданском праве, как мы знаем преобладает диспозитивный подход к урегулированию отношений, однако это не исключает наличие и норм, предписывающих совершение каких-либо действий и норм указывающих на невозможность действия в том или ином ключе [2, с. 81]. Данные нормы и составляют, по мнению некоторых авторов, пределы осуществления права. Стоит так же отметить, что лицо может осуществлять свою деятельность не выходя за рамки установленного возможного поведения, но при этом нарушают нормы запрещающие или обязывающие, то несмотря на факт не нарушения дозволения лицо считается правонарушителем. В описанном случае, чаще всего принято употреблять термин злоупотребления правом [3, с. 52]. Указанный термин так же заслуживает внимания, поскольку идет рука об руку с понятиями принципов и пределов гражданских прав. В процессе реализации своих прав, неизбежно происходит столкновение интересов участников и не всегда удается найти наиболее благоприятный вариант для всех сторон. В связи с этим представляется абсолютно логичной установка законодателя по ограничению реализации своих законных прав и интересов только с намерением оказать ущерб прочим лицам. С учетом изложенного выше, можно говорить о злоупотреблении, как одном из способов установления пределов реализации гражданских прав.

Применительно к пределам осуществления гражданских прав так же как и к принципам можно применить понятие универсальности, поскольку указанное явление декларируется в Общей части Гражданского Кодекса и данный факт дает возможность реализации данной нормы при осуществлении любых видов гражданских отношений и лиц. В связи с этим, при анализе судебной практики не сложно отметить, что в отличие от специальных норм гражданского права, нормы, закрепляющие пределы и принципы практически не применяется в отрыве от иных норм, регулирующих конкретные правоотношения. Например, при разборе дела о взыскании процентов за пользование кредитом, суд помимо статей регулирующих отношения, возникающие по поводу займа, так же рассматривает вопрос с точки зрения наличия здесь нарушения принципов и пределов гражданского права и указывает лицам, участвующим в деле на отсутствие нарушений с

точки зрения указанных категорий, а именно то, что наличие процентов на сумму займа при взаимном согласии сторон не противоречит требованиям законодательства ни в части соблюдения принципа свободы договора, ни пределов осуществления гражданских прав, в том числе злоупотребления им.

Пределам осуществления гражданских прав характерно наличие временных рамок — определенного периода, в рамках которого существует возможность реализации своих законных интересов.

В законодательстве отсутствует точный перечень пределов осуществления гражданских прав, поскольку есть множество вариантов небрежного осуществления гражданских прав, нарушающих провозглашённые в законе пределы. Однако на основе прочтения статей закона можно выделить несколько четко установленных пределов, в частности таковыми являются добросовестность и разумность.

Многие цивилисты часто противопоставляют понятию пределов реализации гражданских прав понятие злоупотребления права. То есть, если субъект нарушил установленные границы права, то можно говорить о злоупотреблении им. Однако, стоит отметить, что данный подход к пониманию пределов не является достаточно верным, поскольку судебная практика знает множество случаев, когда лицо может выйти за пределы установленные законодателем не по своей воле, а по стечению обстоятельств. За счет данных своих характеристик пределы осуществления гражданских прав, как представляется чаще применимы субъектами в процессе осуществления и защиты своих прав, нежели принципы. Но, стоит признать, что и те и другие оказывают воздействие на лицо в процессе выбора модели своего поведения, так как это лежит в основе их природы.

При прочтении формулировок принципов можно заметить, что они в свою очередь не провозглашают права и обязанности участникам отношений, а вот пределы провозглашаются в виде запрета. Поскольку гражданским отношениям присущ свободный характер отношений, устанавливающимися между его субъектами, способными на самостоятельные активные действия, а принципы являются основополагающими для любой отрасли права, то в контексте гражданского права не представляется возможным, чтобы основные начала формулировались в форме запрета, поскольку это перечеркнет основную идею гражданского права и правоотношений.

Еще одной отличительной особенностью принципов и пределов является то, что в первых из них не найти положений при наличии которых норма может быть реализована, а так же не конкретизируются возможное поведения для участников отношений, не устанавливается форма ответственности за ее нарушение.

Некоторые цивилисты не различают понятие принципов и пределов реализации гражданских прав. Однако данную концепцию невозможно считать правильной. Принципы преследуют своими целями установить направленность правовой регламентации и то, как проявят себя субъекты в общем [4, с. 138]. Пределы в свою очередь четко определяют формы поведения лиц, реализовывающих свои права, помогают осуществить принадлежащие права всем участникам, дает субъекта ощущение серьезности и важности осуществления соотношения своей манеры ведения дел и регламентированными законодателем ограничениями.

Так же в вопросе разграничения рассматриваемых понятий можно задать вопрос о первичности одного и другого. Стоит отметить, что принципы, как общие нормы, устанавливающие основные правовые направления регулирования отношений, сюда же можно отнести и нормы устанавливающие пределы.

На основании всего вышеизложенного, можно сказать, что и у пределов и у принципов однозначно есть схожие черты, что вызывает и у ученых и у правоприменителей множество вопросов в процессе реализации своих законных прав и интересов [5, с. 17]. Отсутствие четкого и ясного разделения понятия принципов и пределов осуществления гражданских прав в литературе и законодательстве принесит множество неудобств и проблем в процессе правоприменения.

Две эти категории призваны ориентировать участников отношений и помогать им в выборе из нескольких вариантов поведения — законный метод, выгодный для всех участников отношений, стоят на страже законности и разумности всего процесса реализации прав. В то время как категория пределов осуществляет урегулирование в отведенной ей законодателем нише — реализации гражданских прав.

В заключении хотелось бы сказать, что пределы и принципы осуществлений гражданских прав не представляются идентичными категориями, их схожесть во многом заключается лишь в общем характере, однако, поскольку они во многом определяют пути развития для гражданских правоотношений, хотелось бы чтобы со временем данные категории приобретали более четкое отражение в законодательстве, систематизацию и уточнение.

Список источников

1. *Вавилин Е. В.* Понятие и функциональное назначение принципов осуществления гражданских прав и исполнения обязанностей // Журнал российского права. 2009. № 1 (145). С. 85–90.

2. *Вавилин Е. В.* Пределы осуществления гражданских прав: некоторые вопросы // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 5 (124). С. 81–85.

3. *Кудинов Д. М.* Злоупотребление правом как один из институтов, раскрывающих пределы осуществления гражданских прав // Перспективы государственно-правового развития России в XXI веке: материалы Всероссийской научно-теоретической конференции (Ростов-на-Дону, 9 апреля 2015 г.) / Ростов-на-Дону: Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2015. С. 52–55.

4. *Слепенкова О. А.* К вопросу о соотношении принципов и пределов осуществления гражданских прав // Российский юридический журнал. 2009. № 4. С. 138–140.

5. *Дерюгина Т. В.* Принципы и пределы осуществления гражданских прав: к вопросу о соотношении понятий // ДНК Права. 2014. № 2. С. 17–20.

References

1. *Vavilin E. V.* The concept and functional purpose of the principles of the exercise of civil rights and performance of duties // Journal of Russian Law. 2009. No. 1 (145). Pp. 85–90. (In Russ.).

2. *Vavilin E. V.* Limits of the exercise of civil rights: some issues // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2018. No. 5 (124). Pp. 81–85. (In Russ.).

3. *Kudinov D. M.* Abuse of law as one of the institutions that reveal the limits of the exercise of civil rights // Prospects of state and legal development of Russia in the XXI century: materials of the All-Russian Scientific and Theoretical Conference (Rostov-on-Don, April 9, 2015) / Rostov-on-Don: Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs Of the Russian Federation, 2015. Pp. 52–55. (In Russ.).

4. *Slepenkova O. A.* On the question of the correlation of principles and limits of the exercise of civil rights // Russian Law Journal. 2009. No. 4. Pp. 138–140. (In Russ.).

5. *Deryugina T. V.* Principles and limits of the exercise of civil rights: on the question of the correlation of concepts // DNA of Law. 2014. No. 2. Pp. 17–20. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 27.10.2022; одобрена после рецензирования 27.10.2022; принята к публикации 27.10.2022.

The paper was submitted 27.10.2022; approved after reviewing 27.10.2022; accepted for publication 27.10.2022.

Научная статья
УДК 347.122
DOI: 10.47645/9785604917404_262

Характеристика и природа цифрового рубля как объекта гражданских прав

Сирадж Фаррухович Исмаилов

Санкт-Петербургский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Санкт-Петербург, Россия, siradh.99@mail.ru

Аннотация. Современные темпы цифровизации экономики являются драйверами изменения и в других отраслях. На данном этапе развития производственных отношений возникает необходимость появления цифровой формы денег. В настоящее время центральными банками многих развитых государств проводятся исследования в области введения цифровой формы денег, а в некоторых государствах цифровая валюта уже существует — Китай, Багамские острова. Центральный банк России также проявил интерес к цифровой форме денег и находится на этапе закрытого тестирования цифрового рубля. В статью проанализирована сущность цифрового рубля, а также изучены возможные гражданско-правовые способы защиты владельцев цифровых рублей. Сделаны выводы о месте цифрового рубля среди объектов гражданского права.

Ключевые слова: цифровой рубль, деньги, способы защиты, центральный банк, цифровая валюта, объекты гражданских прав.

Для цитирования: Исмаилов С. Ф. Характеристика и природа цифрового рубля как объекта гражданских прав // Актуальные проблемы национального и международного права: материалы V науч.-практ. конф. студентов магистратуры (Санкт-Петербург, 2 нояб. 2022 г.). СПб.: С.-Петерб. ин-т (фил.) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2022. С. 262–268. DOI: 10.47645/9785604917404_262.

Conference paper

Characteristics and nature of digital ruble as an object of civil rights

Siraj F. Ismailov

St. Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice, St. Petersburg, Russia, siradh.99@mail.ru

Abstract. The current pace of digitalization of the economy is driving changes in other industries as well. At this stage of the development of industrial relations, there is a need for the appearance of a digital form of money. Currently, the central banks of many developed countries are conducting research in the field of introducing a digital form of money, and in some countries a digital currency already exists — China, the Bahamas. The Central Bank of Russia has also shown interest in the digital form of money and is at the stage of closed testing of the digital ruble. The article analyzes the essence of the digital ruble, and also examines possible civil law ways to protect the owners of digital rubles. Conclusions are drawn about the place of the digital ruble among the objects of civil law

Keywords: digital ruble, money, methods of protection, central bank, digital currency, objects of civil rights.

For citation: Ismailov S. F. Characteristics and nature of digital ruble as an object of civil rights // Current issues of national and international law: proceedings of the 5th scientific and practical conference of master students (Saint Petersburg, November 2, 2022). Pp. 262–268. DOI: 10.47645/9785604917404_262.

В эпоху цифровизации во всех отраслях человеческой жизнедеятельности появляются новые, прежде неизвестные, общественные отношения, которые завязаны на новых объектах. Известно, что изменения происходят в первую очередь в экономической сфере, а уже потом эти отношения регулируются правом, совершенствуя их и устраняя пробелы.

Одним из таких важных изменений ожидается появление цифровой валюты центрального банка. Сейчас уже появление этой формы денег не вызывает сомнений, так как это учтено в проекте документа «Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2023 год и период 2024 и 2025» (далее — Проект). Центральный Банк России планирует в 2024 году постепенно подключать к цифровому рублю кредитные организации, нарастить количество доступных и возможных вариантов платежей и операций с помощью смарт-контрактов. Однако уже в 2023 году Банк России начнет «пробовать» цифровой рубль между физическими лицами, также в расчетах между физическими и юридическими лицами. В том же 2023 году у некоторого круга участников будет право использования смарт-контрактов. ЦБ РФ указывает, что смарт-контракты — это сделки, которые автоматически будут выполняться при наступлении обстоятельств, заранее определенных сторонами. Также планируется сделать доступными операции с цифровым рублем в пользу государства, так и от государства в пользу физических и юридических лиц. В 2025

году Банк России собирается реализовать оффлайн-режим цифрового рубля. По мнению регулятора, поэтапное внедрение обеспечит возможность участникам рынка адаптироваться к новым условиям.

Преимущества от цифрового рубля, которые заявляет Банк России в докладе «Цифровой рубль» (далее — Доклад), следующие:

- государство расширит возможность контроля расходования средств, направленных на целевые программы. Каждая выпущенная банкнота или монета, таким образом, будет помечена специальным признаком, позволяющим истратить их на допустимые цели;

- применение цифрового рубля со смарт-контрактами позволит снизить операционные ошибки и человеческий фактор.

Встает вопрос: что же представляет собой цифровой рубль как объект гражданских прав? В докладе ЦБ РФ использует различные формулировки для описание этой новой формы денег. В первой же главе доклада говорится, что цифровой рубль — новая форма национальной валюты, которая будет обладать признаками как наличных, так и безналичных денежных средств. Далее же авторы доклада указывают на то, что цифровой рубль — это цифровая валюта центрального банка. Представляется, что такая формулировка противоречит действующему российскому законодательству. В статье 1 от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» законодатель дает определение цифровой валюте. Из данного определения ясно вытекает, что цифровой рубль не может быть назван цифровой валютой Центрального банка, так как ею может быть средство платежа, которое не является денежной единицей РФ, иностранного государства или международной организации. Стоит признать, что регулятор, видимо, учел эти недостатки и уже в проекте отказался от этого понятия, и использует формулировку «цифровой рубль».

Центральный Банк России решил, что с введением цифрового рубля сохранится двухуровневая финансовая система, то есть все пользователи цифрового рубля будут взаимодействовать с ЦБ не напрямую, а через коммерческие банки. Однако же эмитентом и оператором будет сам Банк России. Таким образом, банки получают право на то, чтобы обменивать денежные средства на банковских счетах на цифровые рубли, и клиенты смогут, обращаясь в коммерческий банк, открывать цифровые кошельки, проводить платежи. Тем самым можно сказать, что держатели цифровых кошельков получают право требования не к ЦБ РФ, а к коммерческим банкам.

Проблемы, связанные с оценкой потенциальной идеей цифрового рубля, пересекаются с проблемой полного отсутствия системы в изложении того, что такое деньги в нашем праве [1, с. 60].

В теории гражданского права цифровую валюту определяют как наиболее общий термин, под которым понимают особую форму валюты, которая может существовать только в цифровом виде. Цифровая валюта является собирательным термином, к которой относятся криптовалюты. Важной отличительной чертой электронных денег от криптовалют является использование или отказ в процессе выпуска технологии Blockchain.

В случае использовании этой технологии, появляется децентрализованная цифровая валюта, которая находится под контролем определенного компьютерного протокола. В случае же отказа от этой технологии, возникает централизованная виртуальная валюта, которая будет находиться под контролем эмитента.

Таким образом, главным отличием электронных денег от криптовалют является наличие у электронных денег центрального эмитента и отсутствие его у криптовалют. Другим важным отличием криптовалют от электронных денег является способ их эмиссии и хранения. Криптовалюты хранятся и выпускаются децентрализованно, а информация об электронных деньгах и операциях с ними может быть централизована на одном сервере. (Цифровое право: учебник / под общ. ред. В. В. Блажеевой, М. А. Егоровой. — Москва: Проспект, 2020 — 640 с).

Авторы доклада о цифровом рубле определяют его следующим образом: «Цифровой рубль будет иметь форму уникального цифрового кода, который будет храниться на специальном электронном кошельке». Соответственно, согласно Блажеевой и Егоровой, цифровой рубль нельзя признать криптовалютой, и по своей природе цифровой рубль является ничем иным как формой электронных денег, несмотря на то что имеет сходство с криптовалютой в том, что тоже является определенным кодом, хранящимся на электронном кошельке. Однако авторы доклада говорят о том, что цифровой рубль — это новая форма денег, и поднимают вопрос об изменениях в Гражданском кодексе, в Федеральном законе «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)». Так, предлагается дополнить статью 128 ГК РФ новым объектом — цифровым рублем. Также в документе, который называется концепция цифрового рубля, ЦБ РФ признает необходимость внести изменения в Налоговый кодекс, Бюджетный кодекс, изменить режим обращения взыскания на имущество, а также изменить систему уголовного законодательства. Цифровой рубль сложно назвать новым объектом, так как является лишь формой денег. То есть понятие «деньги» следует рассматривать как сам объект, а формы денег можно лишь рассматривать как виды этого объекта. Однако же представляется, что предложение авторов о внесении новой формы денег в 128

статья Гражданского кодекса не лишено смысла, но обоснование этому следует искать в другой плоскости.

В науке существуют разные точки зрения относительно того, какой характер носит в себе 128 статья ГК РФ — закрытый или открытый. Если буквально толковать данную статью, то становится очевидно, что перечень носит закрытый характер. Такая точка зрения разделяется большинством ученых и представляется, что она соответствует мысли законодателя. В случае же появления новой формы денег, необходимо узаконить эту самую новую форму денег как средство платежа. Но также следует внести дополнение и в абзац первого пункта статьи 140 ГК РФ. Следует добавить новую форму осуществления платежей — цифровую форму. Следующей задачей для законодателя станет вопрос о способах защиты цифрового рубля. Центральный Банк России говорит о том, что цифровой рубль будет его обязательством. Итак, чтобы определиться со способами защиты цифрового рубля, необходимо выяснять, чем он является. Как уже было сказано выше, цифровой рубль — это лишь код, который хранится на электронном кошельке. Рассматривать цифровой рубль как объект вещных прав не представляется возможным, так как вещь должна обладать телесностью и существовать в материальной форме. Однако некоторые ученые высказывают мнение о возможности существования бестелесных вещей. С. А. Сеницын говорит о том, что можно разделить вещи на две группы: индивидуально-определенные и объекты, в отношении которых законодательно установлен режим вещей [2, с. 11]. Однако категория бестелесных вещей представляет собой сочетание противоречащих друг другу понятий — оксюморон. Защита бестелесных вещей вещно-правовыми способами в российском праве не может быть осуществлена [3, с. 55]. Вещь как объект гражданских прав — это индивидуально определенный предмет материального мира, созданный человеком или природой, служащий для удовлетворения потребностей индивида [4, с. 99].

Вещно-правовым способом защиты является виндикационный иск, который может быть предъявлен в отношении вещей. С помощью данного иска также могут быть истребованы наличные деньги и документарные ценные бумаги [5, с. 80]. Цифровой же рубль никак нельзя отнести к вещам или признать бестелесной вещью, применив режим защиты вещных прав.

Представляется наиболее верным решением при защите прав на цифровой рубль использовать механизм, который предусмотрен для бездокументарных ценных бумаг в статье 149.3 ГК РФ. То есть лицо, с электронного кошелька которого были незаконно списаны цифровые рубли, может подать иск о возврате именно тех же и того же количе-

ства денежных средств. Каждый цифровой рубль будет обладать своим неповторяющимся кодом, поэтому отследить перемещение денежных средств и найти именно их не составит труда. Но встречается подход, согласно которому, такой способ защиты, как возврат, приравнивается квиндикационному способу защиты. Такое мнение является неверным, так как виндикационный иск направлен на то, чтобы истребовать из чужого незаконного владения имущество, поэтому для виндикации ключевое значение имеет возможность владеть вещью. Цифровой рубль может существовать только в цифровом виде, и поэтому исключается физическое обладание им, в отличие от наличных денег.

Таким образом, можно сказать, что цифровой рубль не является новым объектом для гражданского оборота, а лишь одной из новых форм денег. Введение в оборот цифрового рубля потребует комплексных изменений во многие отрасли права: изменится режим обращения взыскания, снизятся операционные издержки с применением новой формы денег. У государства появятся дополнительные возможности контролировать расходную часть бюджета, направленную на целевые программы. Для того чтобы цифровой рубль смог «прижиться», законодателю необходимо будет предусмотреть способы защиты в случае его незаконного списания с электронных кошельков граждан и юридических лиц.

Список источников

1. *Габов А. В.* Цифровой рубль центрального банка как объект гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 4. С. 55–65.
2. *Синицын С. А.* Вещь как объект гражданских прав: возможные и должные критерии идентификации // Законодательство и экономика. 2016. № 11. С. 7–17.
3. *Бородкин С. В.* Новый подход к классификации объектов вещных прав // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 50–58.
4. *Гурова Е. А.* Вещь как объект гражданского права // Международный научный журнал «ВЕСТНИК НАУКИ» №2 (2). С. 97–99.
5. *Гусева А. А.* Объект виндикации: проблемы правоприменения // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 4. С. 76–93.

References

1. *Gabov A. V.* The digital ruble of the central bank as an object of civil rights // Actual problems of Russian law. 2021. Vol. 16. No. 4. Pp. 55–65. (In Russ.).

2. *Sinitsyn S. A.* A thing as an object of civil rights: possible and proper identification criteria // *Legislation and Economics*. 2016. No. 11. Pp. 7–17. (In Russ.).

3. *Borodkin S. V.* A new approach to the classification of objects of property rights // *Journal of Russian Law*. 2018. No. 2. Pp. 50–58. (In Russ.).

4. *Gurova E.A.* A thing as an object of civil law // *International Scientific journal “BULLETIN OF SCIENCE”* No. 2 (2). Pp. 97–99. (In Russ.).

5. *Guseva A. A.* Object of vindication: problems of law enforcement // *Actual problems of Russian law*. 2021. Vol. 16. No. 4. Pp. 76–93. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 26.10.2022; одобрена после рецензирования 26.10.2022; принята к публикации 26.10.2022.

The paper was submitted 26.10.2022; approved after reviewing 26.10.2022; accepted for publication 26.10.2022.

Научная статья

УДК 349.2

DOI: 10.47645/9785604917404_269

Дискриминация работников в связи с положительным ВИЧ/СПИД статусом

Анна Владиславовна Кулагина

Московский государственный университет, Москва, Россия,
ankulagina5895@gmail.com

Аннотация. Разрешение вопросов дискриминации и ущемления прав работников обусловлено желанием минимизировать безработицу и повысить производительность труда. Автором рассмотрено основание для ограничения прав работников, обусловленное наличием положительного статуса ВИЧ/СПИД, при вступлении в трудовые правоотношения и их прекращении, а также обширную судебную практику по восстановлению нарушенных прав сотрудников.

Ключевые слова: дискриминация, ВИЧ-инфекция, трудовые отношения, работодатель, работник.

Для цитирования: Кулагина А. В. Дискриминация работников в связи с положительным ВИЧ/СПИД статусом // Актуальные проблемы национального и международного права: материалы V науч.-практ. конф. студентов магистратуры (Санкт-Петербург, 2 нояб. 2022 г.). СПб.: С.-Петерб. ин-т (фил.) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2022. С. 269–274. DOI: 10.47645/9785604917404_269.

Conference paper

Discrimination of employees due to positive HIV/AIDS status

Anna V. Kulagina

Moscow State University, Moscow, Russia, ankulagina5895@gmail.com

Abstract. The resolution of issues of discrimination and infringement of workers' rights is conditioned by the desire to minimize unemployment and increase labor productivity. The author examines the basis for the restriction of workers' rights due to the presence of positive HIV/AIDS status when entering and terminating labor relations, as well as the extensive judicial practice of restoring the violated rights of employees.

Keywords: discrimination, HIV infection, labor relations, employer, employee.

For citation: Kulagina A. V. Discrimination of employees due to positive HIV/AIDS status // Current issues of national and international law: proceedings of the 5th scientific and practical conference of master students (Saint Petersburg, November 2, 2022). Pp. 269–274. DOI: 10.47645/9785604917404_269.

В последние годы в связи с бурным развитием рынка труда в Российской Федерации и значительном количестве нововведений и изменений все чаще и чаще наблюдаются проявления дискриминации и иных ограничений в сфере трудовых правоотношений. Логичным продолжением стала увеличивающаяся тенденция защиты своих прав работником, получения компенсации и восстановления в должности.

Прежде всего можно определить понятие дискриминации в Конвенции № 111 1958 года «О дискриминации в области труда и занятий», где оно зафиксировано как «любые различия или предпочтения, нарушающих равенство возможностей в области труда и занятости» (Конвенция № 111 Международной организации труда «Относительно дискриминации в области труда и занятий»). В статье 3 Трудового кодекса РФ это положение закрепляется так: «ни один человек не может быть ограничен в трудовых правах или получать любого рода привилегии по признаку пола, расы, национальности, возраста, принадлежности к общественным организациям, а также от других обстоятельств, непосредственно связанных с деловыми качествами работника» (Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // «Российская газета», 31.12.2001 № 256).

Помимо этого, в доктринальных источниках запрет дискриминации в сфере труда справедливо признается имманентно присущим принципом, оберегающим честь и достоинство работника. Включение этого принципа в основные начала Декларации Международной организации труда делает его обязательным для всех государств-участников вне зависимости от ратификации Конвенций [1, с. 657]. Иногда встречается отраслевое деление критериев дискриминации. К примеру, исследовательница Н. С. Лазарева отмечала, что разумно было бы делить факторы ограничения прав в соответствии со структурой трудовых правоотношений, а именно: дискриминация при профессиональном повышении, при увольнении и найме на работу, повышении квалификации и так далее [2, с. 12].

Стоит отметить, что работодатель имеет право отклонить кандидатуру лица на собеседовании или впоследствии уволить сотрудника, в случае несоответствия занимаемой должности, отсутствия опреде-

ленных профессиональных качеств, недостатка вакантных мест или нарушения дисциплины, что не является увольнением по дискриминационным основаниям. В добавлении стоит сказать, что предоставление льгот и квотированных мест для социально уязвимых слоев населения также не является дискриминацией. Напротив, это форма выражения повышенного внимания государства о нуждающихся (Куренной А. М. Трудовое право России: учебник / под ред. А. М. Куренного. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2019. С. 64). Если же работник считает, что его права были нарушены, то он имеет право обратиться в суд согласно ч. 3 ст. 391 ТК РФ. В этой статье речь будет вестись о так называемой скрытой дискриминации, с которой, к сожалению, сталкивается множество людей.

Не столь часто встречающимся, но не менее тревожащим поводом для дискриминации работников может быть положительный ВИЧ-статус лица. Стоит вспомнить, что в СССР первые записи о ВИЧ/СПИД появились в 1985–87 гг., поэтому этот вопрос все еще остаётся острым. Многие работодатели не до конца понимают, что работники с таким заболеванием не опасны для окружающих и не могут заразить остальной персонал, просто находясь с ними в одном рабочем пространстве. Однако такое незнание присуще не исключительно нанимателям. Исследования показывают, что уровень осведомленности россиян о ВИЧ-инфекции остается на низком уровне. Опрос ВЦИОМ-а 2005 года показал, что лишь 33% респондентов готовы работать в одном месте с ВИЧ-инфицированными. К настоящему моменту ситуация несколько стабилизировалась, в 2018 данный показатель составил уже 50%. Особенно негативно относятся люди старшего возраста и жители сельской местности. Глава фонда борьбы с ВИЧ «Шаги» Кирилл Барский заявляет, что за 2014–2016 года фонд сумел предотвратить 15 попыток увольнения работника, в связи с уведомлением работодателя о его диагнозе [3, с. 154].

В 2010 году Международная организация труда издала Рекомендацию о ВИЧ/СПИДе и сфере труда, в которой особенно подчеркивается, что любые формы стигматизации, угроз увольнения, которым нередко подвергаются лица, пораженные ВИЧ/СПИДом, противодействуют тому, чтобы люди узнавали о своем ВИЧ-статусе. Это повышает уязвимость работников к ВИЧ-инфекции и умаляет их право на получение социальных пособий в случае наличия заболевания (Рекомендация № 200 Международной организации труда «О ВИЧ/СПИДе и сфере труда». // URL: <https://docs.cntd.ru/document/499076408/>). Помимо этого, в рекомендации указано, что работающие люди с ВИЧ-инфекцией имеют право на доступ к бесплатным антиретровирусным препаратам, помогающие вести таким людям нормальный образ жизни

ни, а также возможность получить лечение оппортунистических заболеваний и другие способы помощи и поддержки».

Верховный Суд РФ рассматривал дело о признании негодными к работе членов авиационного персонала, у которых был выявлен ВИЧ (Решение Верховного Суда РФ от 10 сентября 2019 г. № АКПИ19-548 // URL: <https://legalacts.ru/sud/reshenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-10092019-n-akpi19-548/>). После рассмотрения суд признал отдельный пункт в Федеральных авиационных правилах о медицинском освидетельствовании летного состава частично не действующим. Данное решение обосновали так: ч. 2 ст. 19 Конституции РФ провозглашает равенство граждан вне зависимости от расы, пола, национальности, убеждений и иных признаков. Люди с положительным ВИЧ-анализом являются абсолютно такими же гражданами Российской Федерации, что не дает оснований умалить их базовые права и свободы в связи с наличием такой болезни (ВС РФ признал незаконным безусловное лишение ВИЧ-инфицированных граждан права на работу авиадиспетчерами // URL: <https://www.garant.ru/news/1300706/>).

На данный момент нет какого-либо нормативно-правового акта, запрещающего лицам с ВИЧ-инфекцией заниматься трудовой деятельностью. Ограничения могут наступить только в случае, если у работников будут найдены иные серьезные заболевания и ограничения здоровья, при которых противопоказано занимать ту или иную должность. Поэтому лица, подвергнувшиеся процедуре увольнения по причине заболевания ВИЧ/СПИД, могут вполне убедительно и состоятельно отстаивать свои права.

Возникает логичный вопрос: какова судьба физических и юридических лиц, представляющих сторону работодателя при нарушении принципа запрета дискриминации? Нанимателям может грозить административная, гражданско-правовая или даже уголовная ответственность. Однако невозможно не признать, что доказывание реальности факта существования дискриминации до сих пор остается сложным и весьма затяжным процессом. Значительная часть работников теряют надежду и стремление найти истину в споре, и поэтому не обращаются за судебной защитой. Они выбирают путь наименьшего сопротивления и просто меняют место работы.

Тем не менее, новейшая судебная практика показывает, что в большинстве случаев суд встает на сторону сотрудников, как более слабой стороны трудовых правоотношений, и восстанавливает справедливое положение вещей. Представляется разумным для наибольшей эффективности при разрешении споров разработать и внедрить новые механизмы защиты. Например, в Нидерландах и Великобритании достаточно продолжительное время успешно существуют специ-

альные комиссии, имеющие своей целью разрешение вопросов дискриминации в самых разнообразных областях общественной жизни [4, с. 42]. За время реализации этой инициативы была зафиксирована высокая результативность таких новообразований и важность их роли в разрешении трудовых споров. В этой связи целесообразно привнести прототипы таких органов и в российскую правовую систему.

Таким образом, подводя итоги, можно констатировать следующее: вышеуказанные критерии представляют собой серьезное препятствие для последующего развития трудовых отношений в России. Дискриминация, бесспорно, существует во многих странах мира, в том числе и в России, что придает статусу работников уязвимость в условиях неперестанно меняющегося рынка труда. Более того, работа по борьбе с этим явлением ведется уже более 90 лет, но говорить о ее логическом завершении пока еще невозможно [5, с. 439]. Следует рассчитывать и полагаться на более строгий контроль за соблюдением законодательства и на наказание недобросовестных работодателей, злоупотребляющих своими правами и на повышение правосознания работников, желающих защитить свои законные интересы.

Список источников

1. *Чернышев С. А.* Принцип запрещения дискриминации в системе принципов правового регулирования в сфере труда // Аллея науки. 2018. № 8. С. 654–660.
2. *Лазарева Н. С.* Теоретические аспекты дискриминации на рынке труда: автореф. дис. (...) канд. экон. наук. Иркутск, 2005. 20 с.
3. *Торосян Р. А.* Конституционный запрет дискриминации лиц с ВИЧ-инфекцией в сфере труда // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2020. № 4. С. 152–158.
4. *Гололобова Е. И.* Запрещение дискриминации как принцип трудового права: выпускная квалификационная работа // Рос. гос. проф.-пед. ун-т, Ин-т гуманитар. и соц.-эконом. образования, Каф. права. Екатеринбург, 2019. 68 с.
5. *Сигитова Н. В.* Генезис принципа запрета дискриминации в сфере труда в России // Вопросы структуризации экономики. 2010. № 2. С. 434–439.

References

1. *Chernyshev S. A.* Principle of prohibition of discrimination in the system of principles of legal regulation in the sphere of labor // Alley of Science. 2018. № 8. P. 654–660. (In Russ.).

2. *Lazareva N. S.* Theoretical aspects of discrimination in the labor market: abstract of dissertation <...> PhD. in Economics: 08.00.01 / Baikal State University of Economics and Law. Irkutsk, 2005. 20 p. (In Russ.).

3. *Torosyan R. A.* Constitutional prohibition of discrimination against persons with HIV infection in the sphere of labor / Bulletin of N. I. Lobachevsky Nizhny Novgorod University. 2020. № 4. P. 152–158. (In Russ.).

4. *Gololobova E. I.* Prohibition of discrimination as a principle of labor law: graduate qualification work / E. I. Gololobova; Russian State Pedagogical University, Institute of Humanities and Social and Economic Education, Department of Law. Yekaterinburg, 2019. 68 p. (In Russ.).

5. *Sigitova N. V.* Genesis of the principle of the prohibition of discrimination in the sphere of labor in Russia // Questions of economic structuring. 2010. № 2. P. 434–439. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 26.09.2022; одобрена после рецензирования 20.10.2022; принята к публикации 20.10.2022.

The paper was submitted 26.09.2022; approved after reviewing 20.10.2022; accepted for publication 20.10.2022.

Научная статья

УДК 347.961

DOI: 10.47645/9785604917404_275

Некоторые проблемы контроля за деятельностью нотариусов в Российской Федерации

Милена Геворговна Матевосян

Санкт-Петербургский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Санкт-Петербург, Россия, mil1310@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрен ряд проблемных вопросов, связанных с осуществлением различных видов контроля в сфере нотариата. Предложены возможные пути их решения, связанные с изменением законодательства в данной сфере, а именно установлением более подробной регламентации процедуры обращения в суд за оспариванием нотариальных действий, увеличением допустимого срока для обращения заинтересованного лица в суд. Кроме того, предложено изменение субъектов осуществления контрольных полномочий в сфере профессиональной деятельности нотариусов, к которым должны относиться одновременно и органы юстиции, и нотариальные палаты, а также указано на необходимость более детальной регламентации процедуры такого контроля.

Ключевые слова: нотариус, нотариат, контроль за деятельностью нотариусов, контроль в сфере нотариата, государственный контроль, корпоративный контроль.

Для цитирования: Матевосян М. Г. Некоторые проблемы контроля за деятельностью нотариусов в Российской Федерации // Актуальные проблемы национального и международного права: материалы V науч.-практ. конф. студентов магистратуры (Санкт-Петербург, 2 нояб. 2022 г.). СПб.: С.-Петерб. ин-т (фил.) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2022. С. 275–281. DOI: 10.47645/9785604917404_275.

Conference paper

Some problems of control over the activity of the notaries in the Russian Federation

Milena G. Matevosyan

Saint Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice, Saint Petersburg, Russia, mil1310@mail.ru

Abstract. The article considers a number of problematic issues related to the implementation of various types of control in the field of notary. The possible ways of their solution related to the change of legislation in this area, namely the establishment of a more detailed regulation of the procedure for applying to the court for challenging notarial actions, an increase in the permissible period for an interested person to apply to the court. In addition, it is proposed to change the subjects of exercising control powers in the field of professional activity of the notaries, which should include both the judicial authorities and notary chambers, and also indicated the need for more detailed regulation of the procedure for such control.

Keywords: notary, notariate, control over the activity of the notaries, state control, corporate control.

For citation: Matevosyan M. G. Some problems of control over the activity of the notaries in the Russian Federation // Current issues of national and international law: proceedings of the 5th scientific and practical conference of master students (Saint Petersburg, November 2, 2022). Pp. 275–281. DOI: 10.47645/9785604917404_275.

Нотариат в Российской Федерации является важнейшим институтом, обеспечивающим функционирование сферы гражданско-правовых отношений. Это обуславливает необходимость обязательного осуществления контрольных функций в сфере нотариата как гарантии законности деятельности нотариусов.

Правовую базу контроля за указанной деятельностью составляют положения Основ законодательства Российской Федерации о нотариате от 11.02.1993 № 4462-1 (далее — Основы).

Согласно гл. VII Основ контроль за деятельностью нотариусов подразделяется на два основных вида: судебный контроль и контроль за исполнением нотариусами профессиональных обязанностей. Помимо этого, ст. 9 Основ устанавливает еще одну разновидность контроля, а именно в сфере исполнения правил нотариального делопроизводства нотариусами.

Целесообразно рассмотреть первые два вида контроля, как затрагивающие наиболее важные вопросы деятельности нотариусов.

Судебный контроль согласно ст. 33 Основ состоит в том, что отказ в совершении нотариального действия со стороны нотариуса или неправильное его совершение могут быть обжалованы заинтересованным лицом в судебном порядке.

Дела по заявлениям об отказе в совершении нотариальных действий или об их неправильном совершении рассматриваются судом по правилам гл. 37 Гражданского процессуального кодекса Российской

ской Федерации (далее — ГПК РФ), а именно в порядке особого производства.

Очевидно, такой вид контроля носит прежде всего восстановительный характер, поскольку согласно ст. 312 ГПК РФ решение суда, вынесенное по итогам рассмотрения такого заявления, в случае его удовлетворения отменяет совершенное нотариальное действие или устанавливает обязанность нотариуса совершить его, что восстанавливает право лица на совершение в отношении него нотариального действия в установленном порядке.

В отношении данного вида контроля может быть выделена проблема, связанная с тем, что законодательством не предусмотрен исчерпывающий перечень нотариальных действий. В теории и на практике могут возникать вопросы относительно того, обязательно ли является действие, за совершением которого может обратиться заинтересованное лицо, нотариальным, а, следовательно, является ли отказ в совершении любого действия или его неправильное совершение нотариусом основанием для обращения в суд. Кроме того, также возможна ситуация, когда нотариальное действие предусмотрено законом, однако порядок его совершения не регламентирован. В этом случае затруднительно говорить о возможности неправильного совершения нотариального действия, поскольку правил для его совершения не существует [1, с. 33]. В связи с этим, представляется необходимым установить более подробную регламентацию случаев, когда заявитель может обратиться в суд за оспариванием нотариальных действий.

Еще одним проблемным вопросом является срок для обращения заявителя в суд, установленный ст. 310 ГПК РФ (10 дней со дня, когда заявителю стало известно о совершенном нотариальном действии или об отказе в его совершении). Данный срок представляется излишне сокращенным, поскольку правовые последствия неправильно совершенного нотариального действия могут проявиться позднее. Кроме того, для многих граждан, не имеющих отношения к сфере юриспруденции, может быть затруднительным в столь короткий срок обратиться в суд с соблюдением всех требований законодательства, либо найти иное лицо, которое будет представлять интересы заявителя в суде. В связи с этим более правильным выглядит установление месячного срока на обжалование действий нотариуса. [2, с. 13]

Следующий вид контроля — это контроль за исполнением нотариусами профессиональных обязанностей. Согласно ст. 34 Основ контроль за исполнением профессиональных обязанностей нотариусами, работающими в государственных нотариальных конторах, возложен на федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий контроль в сфере нотариата, и его территориальные органы (то есть Ми-

нност России), а нотариусами, занимающимися частной практикой, — на нотариальные палаты. При этом поскольку в настоящее время в России упразднены все государственные нотариальные конторы, целесообразно рассмотреть проблемные вопросы при осуществлении контрольной деятельности в отношении нотариусов, занимающихся частной практикой.

Указанный вид контроля может иметь предупредительный характер, поскольку проверки нотариусов согласно ст. 34 Основ носят плановый характер, а значит в его ходе могут быть как совершенные нарушения, так и условия организации работы нотариуса, которые могут способствовать совершению нарушений в будущем.

В настоящее время Основами, как и правовыми актами Минюста России не предусмотрен порядок осуществления данного вида контроля. Это является проблемой, поскольку «недостаточное правовое регулирование столь важного вопроса влечет неоднозначное, зачастую неверное толкование закона и, как следствие, — неоднозначную правоприменительную практику». [3, с. 4]

Единственным действующим на федеральном уровне документом, регламентирующим процедуры проверок при осуществлении рассматриваемого вида контроля, являются Методические рекомендации по проведению проверки исполнения нотариусом, занимающимся частной практикой, профессиональных обязанностей, утвержденные решением Правления Федеральной нотариальной палаты от 17.06.2005, протокол № 04/05.

В соответствии с положениями данного акта ФНП к предмету проверки относятся организация деятельности нотариуса и условия труда в его конторе; соответствие печати нотариуса и содержащейся на ней информации установленным требованиям; бухгалтерская и статистическая отчетность, правильность взысканного нотариального тарифа на основании документов, подтверждающих расчеты нотариуса с физическими и юридическими лицами; правильность уплаты членских взносов нотариусом; законность совершения нотариальных действий; нотариальное делопроизводство и архив; реестр нотариальных действий; соблюдение тайны нотариальных действий; выполнение требований Устава нотариальной палаты, решений собраний членов нотариальной палаты и Правления нотариальной палаты, Профессионального кодекса нотариусов Российской Федерации; жалобы, поступившие в адрес нотариуса; другие вопросы деятельности нотариуса.

Из вышеперечисленных вопросов необходимо выделить законность совершения нотариальных действий, относящуюся одновременно к предмету судебного контроля, рассмотренного выше. Можно согласиться с точкой зрения о том, что законность совершения

нотариального действия не должна являться предметом проверок со стороны нотариальной палаты, поскольку «любой нотариально удостоверенный документ является государственным актом: он совершен от имени Российской Федерации и в этом его специфика, главная особенность. Следовательно, нотариальное действие априори не может подвергаться корпоративному контролю» [4, с. 34]. Также, к предмету проверок отнесено нотариальное делопроизводство, являющееся предметом самостоятельного вида контроля, предусмотренного ст. 9 Основ. Это приводит к тому, что на практике нотариальные палаты проводят проверки по данным вопросам, фактически превышая свои полномочия, установленные Основами. В связи с этим представляется, что данные вопросы не должны проверяться при осуществлении контроля за исполнением нотариусами своих профессиональных обязанностей.

Более того, имеются вопросы и относительно того, что проверки профессиональной деятельности нотариусов относятся к исключительной компетенции нотариальных палат.

Согласно ст. 1 Основ нотариальные действия совершаются нотариусами от имени Российской Федерации, то есть от имени государства. Таким образом, государство делегировало нотариусам свои полномочия, однако при существующем положении правового регулирования фактически исключило себя из сферы контроля по указанному направлению, что представляется неправильным.

Нотариальные палаты не являются государственными органами или организациями, учрежденными государством. Согласно ст. 24 Основ нотариальная палата является некоммерческой организацией, представляющей собой профессиональное объединение, основанное на обязательном членстве нотариусов, занимающихся частной практикой. Это означает, что контроль в отношении нотариусов, осуществляют сами нотариусы, объединенные в одну организацию, что может влечь определенную «цеховую солидарность» и препятствовать объективной и беспристрастной оценке деятельности нотариусов при осуществлении контроля.

Справедливо и мнение о том, что «нотариальное сообщество является наиболее замкнутым из всех юридических профессиональных сообществ как по критерию вхождения в него, так и по критерию долгосрочной деятельности», в связи с чем модель подобного корпоративного контроля со стороны нотариальной палаты представляется не совсем правильной [5, с. 157].

В настоящее время существует точка зрения о необходимости перехода к модели полного государственного контроля за деятельностью нотариусов, когда контрольные функции будут полностью пере-

даны органам Минюста России [6, с. 31]. Однако такой подход также представляется не совсем правильным, поскольку это фактически может привести к установлению административного подчинения государственным органам нотариусов, занимающихся частной практикой, и, соответственно, исчезновению принципов нотариального самоуправления, а также будет способствовать излишней бюрократизации нотариальной деятельности.

В связи с изложенным наиболее уместной представляется модель контроля, при которой проверки осуществляются совместно государственными органами (территориальными органами Минюста России), а также нотариальными палатами. Это позволит одновременно обеспечить более объективную и беспристрастную оценку деятельности нотариуса с одной стороны, благодаря участию в комиссии представителей территориального органа Минюста России как государственного органа, и применение при осуществлении контроля профессиональных знаний и умений членов комиссии от нотариальной палаты, обеспечивающее большую его эффективность, с другой стороны.

При этом порядок осуществления такого контроля должен быть подробно регламентирован, чтобы избежать пересечения с другими видами контроля, особенно с судебным. Устанавливаться же такой порядок, как представляется, должен Минюстом России совместно с Федеральной нотариальной палатой, в целях учета как государственных интересов в рассматриваемой сфере, так и интересов нотариального сообщества.

Таким образом, можно констатировать, что существующий порядок контроля за деятельностью нотариусов является несовершенным, в его реализации имеется ряд проблем, в связи с чем, требуется совершенствование правового регулирования в указанной сфере.

Список источников

1. *Аргунов В. В.* Проверка правильности совершенного нотариального действия (отказа в его совершении) и проект Федерального закона «О нотариате и нотариальной деятельности в Российской Федерации» // *Нотариус*. 2013. № 2. С. 31–34.

2. *Ярошенко Т. В.* Осуществление судебного контроля за нотариальной деятельностью: некоторые проблемные вопросы // *Нотариус*. 2021. № 2. С. 10–13.

3. *Акимов Г. Б.* Актуальные вопросы организации контроля исполнения нотариусами профессиональных обязанностей // *Нотариус*. 2017. № 2. С. 3–7.

4. *Смирнов С. В., Калининченко Т. Г., Бочковенко В. А.* О контроле в сфере нотариата в свете грядущей реформы // *Российская юстиция*. 2011. № 9. С. 32–36.

5. *Пристансков Е. И.* Некоторые вопросы контроля за деятельностью нотариусов: наиболее эффективная форма контроля и вопросы законности актов федеральной нотариальной палаты // *Вопросы российской юстиции*. 2020. № 10. С. 140–162.

6. *Щенникова Л. В.* Контроль за деятельностью нотариусов как необходимый элемент реализации принципов открытости вещных прав и их эффективной защиты // *Нотариус*. 2019. № 2. С. 20–23.

References

1. *Argunov V. V.* Verification of the correctness of the notarial act performed (refusal to commit it) and the draft Federal Law “On Notaries and notarial activities in the Russian Federation” // *Notary*. 2013. № 2. P. 31–34. (In Russ.).

2. *Yaroshenko T. V.* Implementation of judicial control over notarial activities: some problematic issues // *Notary*. 2021. № 2. P. 10–13. (In Russ.).

3. *Akimov G. B.* Topical issues of the organization of control over the performance of professional duties by notaries // *Notary*. 2017. № 2. P. 3–7. (In Russ.).

4. *Smirnov S. V., Kalinichenko T. G., Bochkovenko V. A.* About control in the sphere of notary in the light of the upcoming reform // *Russian Justice*. 2011. № 9. P. 32–36. (In Russ.).

5. *Pristanskov E. I.* Some issues of control over the activities of notaries: the most effective form of control and issues of legality of acts of the Federal Notary Chamber // *Issues of Russian Justice*. 2020. № 10. P. 140–162. (In Russ.).

6. *Schennikova L. V.* Control over the activities of notaries as a necessary element of the implementation of the principles of openness of property rights and their effective protection // *Notary*. 2019. № 2. P. 20–23. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 26.10.2022; одобрена после рецензирования 28.10.2022; принята к публикации 28.10.2022.

The paper was submitted 26.10.2022; approved after reviewing 28.10.2022; accepted for publication 28.10.2022.

Научная статья
УДК 347
DOI: 10.47645/9785604917404_282

История становления субсидиарной ответственности контролирующих лиц в Российской Федерации

Сергей Владимирович Петухов

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия,
s.petuhov97@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные этапы развития субсидиарной ответственности контролирующих лиц в Российской Федерации. Отмечается, что существующий институт является результатом длительных преобразований, позволивших внедрить эффективные средства достижения добросовестности и разумности субъектов хозяйственной деятельности. При этом не все происходившие изменения являлись последовательными и обеспечивали достижение поставленных целей.

Ключевые слова: субсидиарная ответственность контролирующих лиц, банкротство, добросовестность, разумность, ограниченная ответственность, презумпция.

Для цитирования: Петухов С. В. История становления субсидиарной ответственности контролирующих лиц в Российской Федерации // Актуальные проблемы национального и международного права: материалы V науч.-практ. конф. студентов магистратуры (Санкт-Петербург, 2 нояб. 2022 г.). СПб.: С.-Петербург. ин-т (фил.) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2022. С. 282–288. DOI: 10.47645/9785604917404_282.

Conference paper

The history of the formation of subsidiary liability of controlling persons in the Russian Federation

Sergey V. Petukhov

Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia, s.petuhov97@mail.ru

Abstract. The article discusses the main stages of the development of subsidiary liability of controlling persons in the Russian Federation. It is noted that the existing institution is the result of long-term transformations

that have allowed the introduction of effective means to achieve integrity and reasonableness of business entities. At the same time, not all the changes that took place were consistent and ensured the achievement of the set goals.

Keywords: subsidiary liability of controlling persons, bankruptcy, good faith, reasonableness, limited liability, presumption.

For citation: Petukhov S. V. The history of the formation of subsidiary liability of controlling persons in the Russian Federation // Current issues of national and international law: proceedings of the 5th scientific and practical conference of master students (Saint Petersburg, November 2, 2022). Pp. 282–288. DOI: 10.47645/9785604917404_282.

Гражданско-правовая ответственность является одним из динамично развивающихся в российской правовой системе институтов. Создание условий для участия субъектов хозяйственной деятельности в предпринимательских отношениях с соблюдением общеправовым принципов является важной задачей государства. История развития субсидиарной ответственности контролирующих лиц (далее — КЛ) в РФ берет свое начало с момента вступления в силу части 1 статьи 56 ГК РФ, предусмотревшей возможность применения к лицам, обладающим возможностью определять действия юридического лица, субсидиарной ответственность в случае, когда банкротство обусловлено действиями таких лиц.

Представленное положение располагалось в одном ряду с принципом ограниченной ответственностью юридического лица. В результате его использование формировало так называемый «корпоративный щит» [1], позволяющий избежать ответственность даже в случае наличия недобросовестных или неразумных действий.

При этом дополнительных положений, предусматривающих порядок применения рассматриваемой меры ответственности, законодатель не предусматривал. Одновременно с указанным корпоративное право содержало аналогичные нормы, раскрывая лишь возможность привлечения к субсидиарной ответственности КЛ как за действия, так за бездействия. В результате была сформирована конструкция, предполагающая обязательное установление «заведомости» банкротства для КЛ, являющееся результатом их деятельности. На практике такой подход фактически означал невозможность привлечения КЛ к субсидиарной ответственности, так как предполагал обязанность заявителя доказать весь состав гражданского правонарушения и его связь с банкротством юридического лица.

Как известно, наибольшее распространение субсидиарная ответственность КЛ получила в законодательстве о банкротстве, что также

соотносится с первоначальным ее закреплением в рамках гражданского законодательства.

Закон от 19.11.1992 № 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» не устанавливал возможность привлечения КЛ к субсидиарной ответственности, что можно объяснить отсутствием подобных положений в гражданском законодательстве того времени.

Пришедший ему на смену Федеральный закон от 08.01.1998 № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» установил субсидиарную ответственность за неисполнение обязанности по подаче заявления должника о признании его банкротом (статья 9), а также за фиктивное и преднамеренное банкротство для КЛ (статья 10). Для привлечения по последнему основанию обязательно должна присутствовать вина рассматриваемых субъектов. В результате законодатель закрепил один из видов субсидиарной ответственности КЛ, существующий по сегодняшний день (ответственность за неисполнение обязанности по подаче заявления о банкротстве).

Введение вышеуказанных оснований для привлечения к ответственности не сопровождалось установлением порядка и процедуры их применения, что порождало нерешенность проблем в правоприменительной практике. В большинстве случаев суды отказывали в удовлетворении соответствующих заявлений, отмечая отсутствие состава правонарушения или недоказанность преднамеренности банкротства (например, постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 06.12.2007 по делу № А58-2185/06). Процесс доказывания также осложнялся встречающейся позицией о возможности установления вины КЛ исключительно в рамках дела о банкротстве. В случае, когда такое обстоятельство не было установлено, суды отказывали в удовлетворении требований со ссылкой на невозможность его установить в ходе рассмотрения заявления о привлечении КЛ к субсидиарной ответственности (например, пост. ФАС МО от 30.04.2003 № КГ-А40/2221-03).

К сожалению, реальная эффективность института оказалась крайне низкой, одной из причины чего можно считать нежелание судов оценивать реальное экономическое состояние юридического лица, обоснованность принимаемых КЛ решений.

Следующим шагом в развитии рассматриваемого института стало принятие ныне действующего Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве), который, по мнению исследователей, был призван решить проблему низкого уровня защищенности кредиторов [2]. Единственным отличием от его первоначальной редакции являлось закрепление в рамках одной нормы субсидиарной ответственности КЛ по

двум вышеприведенным основаниям. Отход от концепции фиктивности и преднамеренности банкротства как непосредственного основания для ответственности можно рассматривать положительно, так как ее наличие не показало свою обоснованность, а лишь сводилось к отказам в удовлетворении заявлений без учета реально сложившейся ситуации хозяйствующего субъекта. Более того, фиктивное или преднамеренное банкротство в большей степени характерно для публично-правовой сферы (напр. статьи 196, 197 УК РФ).

Подобные нововведения ожидаемо не привели к изменению правоприменительной практики, суды продолжили отказывать в удовлетворении заявлений о привлечении КЛ к субсидиарной ответственности, отмечая недоказанность вины в финансовой неплатежеспособности должника (например, пост. ФАС Волго-Вятского округа от 10.07.2009 по делу № А29-8053/2008).

Значимые изменения произошли в 2009 году с момента вступления в силу Федерального закона от 28.04.2009 № 73. В результате было сформулировано понятие контролирующего должника лица, предусмотрена солидарная ответственность таких субъектов, исключен критерий вины, определен правовой статус КЛ, предусмотрено еще одно основание для привлечения к субсидиарной ответственности (отсутствие бухгалтерских документов), а также предпринята попытка закрепить презумпцию вины, путем введения следующей формулировки: контролирующее должника лицо не отвечает за вред, причиненный имущественным правам кредиторов, если докажет, что действовало добросовестно и разумно в интересах должника. Исследователи отмечают, что сформированное в тот период положение о презумпции виновности КЛ выглядело скорее как намек, чем как прямое указание. На наш взгляд, указанное являлось следствием недостаточной проработанности нормы, а также отсутствием перечня фактов, которые предполагают наличие прямой причинно-следственной связи между действиями КЛ и банкротством до тех пор, пока не доказано иное.

Вместе с тем исключение критерия вины в рамках Закона о банкротстве с присутствием его в рамках корпоративного законодательства вызывало вопросы при соотношении таких норм, которая была лишь частично решена в 2017 году ввиду принятия соответствующего Пленума ВС РФ.

Как мы можем отметить, обширность введенных изменений кардинально не повлияла на правовую эффективность института.

Добиться реализации поставленных целей путем закрепления более четких формулировок было решено с помощью принятия Федерального закона от 28.06.2013 № 134-ФЗ. Законодателем был сде-

лан аспект на следующих моментах: введена полноценная презумпция вины, однозначно определены основания для освобождения от ответственности, предусмотрена прямая причинно-следственная связь между отсутствием документов бухгалтерского учета и негативными последствиями для юридического лица. Подобные изменения действительно привели к реальной возможности привлечь КЛ к субсидиарной ответственности [3]. Таким образом, законодателю потребовалось более 15 лет, чтобы закрепить в Законе о банкротстве работающий механизм, что отчасти объясняется постепенным становлением самого института несостоятельности (банкротства).

Следующим шагом в развитии института субсидиарной ответственности КЛ стало закрепление в ГК РФ статьи 53.1, предусматривающей общую модель ответственности КЛ, но без какого-либо порядка и процедуры ее применения.

Реформы субсидиарной ответственности КЛ 2016 года позволили решить точечные задачи, без глобального изменения самой конструкции данного института.

Принятие Федерального закона от 28.12.2016 № 488-ФЗ стало катализатором расширения практики использования субсидиарной ответственности КЛ. Так, был введен пункт 3.1 статьи 3 Закона об ООО, предусматривающий возможность ее применения в случае исключения общества и ЕГРЮЛ, при условии, что неисполнение обязательств юридического лица обусловлено недобросовестными или неразумными действиями КЛ.

Как отмечают А. В. Алтухов и С. В. Левичев «предпринятые в 2009, 2013 и 2016 годах попытки законодательного реформирования норм об ответственности КЛ не отличались глубиной и системностью, а потому не смогли повысить эффективность данного института» [4].

Развитие правоприменительной практики и потребность в еще большей проработанности норм привели к принятию Федерального закона от 29.07.2017 № 266-ФЗ, который привнес как чисто технические, так и юридические новшества. В результате была предусмотрена отдельная глава III.2, пришедшая на смену статье 10. Каждому элементу субсидиарной ответственности КЛ стала соответствовать отдельная статья (понятие; ответственность за невозможность погасить требования кредиторов, неподачу заявления о банкротстве; круг субъектов, обладающих полномочиями на подачу заявления; права и обязанности КЛ и т. д.). Предусмотренные изменения позволили решить основные пробелы, выявленные в правоприменительной практике, в том числе проблему ответственности номинальных директоров, а также обеспечить максимальные гарантии прав кредиторов.

Последующие законодательные изменения касались исключительно разрешения проблемы субсидиарной ответственности КЛ, в 2021 году рассматриваемый институт претерпел изменения в отношении отдельных видов юридических лиц (страховых организаций, негосударственных пенсионных фондов, кредитных организаций), в результате чего были уточнены критерии определения КЛ и трансформирована категория контроля. В 2022 году в целях достижения баланса прав и законных интересов кредиторов и должников разрабатывается законопроект, предполагающий обеспечение полноценного правового статуса КЛ. Необходимость введения изменения обусловлена выявленными КС РФ противоречиями, так как действующее регулирование фактически предполагает, что «контролирующее лицо в существенной доле случаев оказывается в ситуации невозможности обжалования определения о включении в состав конкурсной массы требований кредиторов» [5, с. 136].

В настоящее время мы можем свидетельствовать о существенном повышении роли правоприменительной практики, отсутствии кардинальных изменений в отечественной правовой системе в части функционирования института субсидиарной ответственности КЛ.

С момента принятия постановления Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53 дальнейшее развитие института субсидиарной ответственности КЛ нередко подвергалось изменениям на основании принимаемых высшей судебной инстанцией решений (в частности, 2019 — указана возможность привлечения наследников КЛ к субсидиарной ответственности, 2020 — членов совета директоров, группы компаний с центром прибыли).

Таким образом, предусмотрев достаточно проработанные нормы, посвященные институту субсидиарной ответственности КЛ, законодатель обеспечил необходимость лишь корректировки складывающихся подходов в отношении отдельных практических вопросов. Наличие определенных противоречий, в том числе при соотношении субсидиарной ответственности КЛ по Закону о банкротстве и корпоративному законодательству, свидетельствует о несовершенстве рассматриваемого института, но не влечет принципиальной невозможности его функционирования.

Список источников

1. *Ценов Г. В.* Выйти из тумана метафор, или Ответственность контролирующего лица перед кредиторами компании // Закон. 2015. № 4. С. 83–97.

2. *Лабазанова М. А.* История зарождения и развития законодательства о несостоятельности (банкротстве) в России // *Юридическая наука*. 2020. № 8. С. 11–15.

3. *Гольцблат А. А., Трусова Е. А.* Снятие корпоративной вуали в судебной и арбитражной практике России // *Закон*. 2013. № 10. С. 49–58.

4. *Алтухов А. В., Левичев С. В.* Процессуальные особенности рассмотрения заявлений о привлечении контролирующего должника лиц к субсидиарной ответственности при банкротстве // *Судья*. 2018. № 4. С. 27–32.

5. *Петухов С. В.* Правовой статус контролирующего лица в ходе привлечения его к субсидиарной ответственности // *Образование и право*. 2021. № 12. С. 133–137.

References

1. *Tsepov G. V.* To get out of the fog of metaphors, or the responsibility of the controlling person to the creditors of the company // *Law*. 2015. No. 4. Pp. 83–97. (In Russ.).

2. *Labazanova M. A.* History of the origin and development of legislation on insolvency (bankruptcy) in Russia // *Legal Science*. 2020. No. 8. Pp. 11–15. (In Russ.).

3. *Goltsblat A. A., Trusova E. A.* Removing the corporate veil in judicial and arbitration practice of Russia // *Law*. 2013. No. 10. Pp. 49–58. (In Russ.).

4. *Altukhov A.V., Levichev S. V.* Procedural features of consideration of applications for bringing persons controlling the debtor to subsidiary liability in bankruptcy // *Judge*. 2018. No. 4. Pp. 27–32. (In Russ.).

5. *Petukhov S. V.* The legal status of a controlling person in the course of bringing him to subsidiary responsibility // *Education and Law*. 2021. No. 12. Pp. 133–137. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 30.09.2022; одобрена после рецензирования 19.10.2022; принята к публикации 19.10.2022.

The paper was submitted 30.09.2022; approved after reviewing 19.10.2022; accepted for publication 19.10.2022.

Научная статья

УДК 342.5

DOI: 10.47645/9785604917404_289

Административная ответственность в сфере обеспечения безопасности дорожного движения: современные тенденции и перспективы

Виктория Дмитриевна Рябова

Санкт-Петербургский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА. Минюста. России)», Санкт-Петербург, Россия, vikavika107@mail.il.ru

Аннотация. В данной статье будут рассматриваться особенности правового регулирования административной ответственности за административные правонарушения в сфере безопасности дорожного движения, проанализированы основополагающие нормативные правовые акты в выше указанной сфере и сформулированы предложения по внесению изменений, направленных на совершенствование законодательства.

Ключевые слова: дорожно-транспортное происшествие, транспортное средство, КоАП РФ, административное правонарушение, участники дорожного движения, административный штраф, административное наказание, административная ответственность, административный арест, обеспечение безопасности дорожного движения.

Для цитирования: Рябова В. Д. Административная ответственность в сфере обеспечения безопасности дорожного движения: современные тенденции и перспективы // Актуальные проблемы национального и международного права: материалы V науч.-практ. конф. студентов магистратуры (Санкт-Петербург, 2 нояб. 2022 г.). СПб.: С.-Петерб. ин-т (фил.) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2022. С. 289–294. DOI: 10.47645/9785604917404_289.

Conference paper

Causal relationship as a condition of civil liability

Viktoria Dm. Ryabova

Saint Petersburg Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice, Saint Petersburg, Russia, Vikavika107@mail.ru

Abstract. The article examines the peculiarities of legal regulation of liability for administrative offenses in the field of road safety, analyzes the fundamental regulatory legal acts in this area. and formulates proposals for amendments aimed at improving legislation.

Keywords: traffic accident, vehicle, Administrative Code of the Russian Federation, administrative offense, road users, administrative fine, administrative punishment, administrative responsibility, administrative arrest, road safety.

For citation: Ryabova V. Dm. Causal relationship as a condition of civil liability // Current issues of national and international law: proceedings of the 5th scientific and practical conference of master students (Saint Petersburg, November 2, 2022). Pp. 289–294. DOI: 10.47645/9785604917404_289.

Актуальность данной темы всем очевидна и ни у кого сомнений не вызывает. По всем статистическим данным аварийность дорог нашей страны занимает самое верхнее-лидирующее место. Если провести сравнительный анализ России с другими наиболее развитыми странами, то видна ощутимая разница количества дорожно-транспортных происшествий, которая на тысячу транспортных средств в 7–10 раз выше, чем в США, Японии, Франции, Германии, Финляндии и других западных странах. Это позволяет утверждать, что ущерб, причиненный ДТП, угрожает национальной безопасности России.

Если сравнивать статистические данные, то статистика на этот счет складывается следующим образом: Россия занимала и, к сожалению, продолжает занимать одно из лидирующих по количеству дорожно-транспортных происшествий и смертности на дорогах. Если взять для анализа первое полугодие 2022 года и сравнить его с предыдущим годом, то можно увидеть, что в новом году пострадавших в ДТП стало намного больше. Смертность от дорожно-транспортных происшествий в России превысила все показатели предыдущего года почти на 16 тысяч человек. Если взять общую цифру граждан, которым был причинен вред здоровью в авариях, то она составляет 168 146 тысяч [1]. Также существуют данные МВД России. Согласно этим, данным за первые полгода 2022 г. в стране произошло 70 151 дорожно-транспортных происшествие с пострадавшими, из этого общего числа пострадавших, погибли 6763 человека и получили различные травмы ещё 90 тысяч человек. При этом зафиксировано свыше 5,6 тысяч аварий с участием пьяных водителей, в которых погибли 1319 и пострадали 7916 человек [1].

Существуют обстоятельства и условия, которые влияют на количество ДТП, и соответственно, на их тяжесть. Данные факторы носят как субъективный, так и объективный характер. К ним относятся та-

кие условия, как: время суток, статус населенного пункта, категория улицы, состояние проезжей части, освещение во время движения, погода и иных условия. Если проводить статистику, в каких условиях чаще всего случаются дорожно-транспортные происшествия, то можно говорить о следующих фактах: большинство дорожно-транспортных происшествий случаются чаще всего в светлое время суток, при условии, что дорога либо мокрая, либо со снежным накатом. Также ДТП совершаются на территории города либо большого населенного пункта, на улице или дороге местного значения либо на перекрестке. Особое внимание следует уделять таким условиям, как неровное покрытие дороги (более половины ДТП совершаются именно по этой причине) и из-за его низкого качества [2].

В 2018 году был издан нормативный правовой акт, в котором определяется приоритет государственной политики в сфере безопасности дорожного движения. В данном нормативно-правовом акте был проведен анализ состояния безопасности дорожного движения, были сделаны определенные выводы, которые направлены на реализацию совершенствования деятельности для достижения всеобщей безопасности.

Современная система наказаний, применяемых за нарушение правил дорожного движения, представлена как [3]:

- предупреждение;
- административный штраф;
- конфискация орудия совершения или предмета административного правонарушения;
- лишение права управления транспортом;
- административный арест.

Каждый день законодатель работает над множеством поправок для того, чтобы произошел спад дорожно-транспортных происшествий. Количество дорожно-транспортных происшествий на дорогах не уменьшается, а из этого следует, что и аварийности на дорогах меньше не становится [4]. Исполнение правил дорожного движения остается на совести водителей и пешеходов. Смотря на статистику можно сделать вывод о том, что правила не соблюдаются ни водителями, ни пешеходами. Даже наоборот, многие пешеходы стали рисковать собственной безопасностью, и чаще всего это приводит к негативным последствиям [5].

Соболев О. В. и Домченко А. С. предлагают несколько усилений ответственности, которые необходимо применить непосредственно к юридическим лицам [6]:

1. Введение ответственности должностных и юридических лиц за нарушение порядка оформления и выдачи свидетельств о прохожде-

нии обучения и заключений о наличии медицинских противопоказаний к управлению транспортными средствами и невнесение изменений в соответствующие базы данных.

2. Дополнительная регламентация требований в области безопасности дорожного движения к размещению объектов придорожного сервиса и торговли, а также ответственности за их несоблюдение.

3. Совершенствование оснований и механизма привлечения к ответственности владельцев дорог за состояние безопасности дорожного движения.

4. Проработка вопроса о правовом статусе организаций, оказывающих диспетчерские услуги при осуществлении перевозок пассажиров легковым такси, и сервисов каршеринга, включая установление ответственности за нарушения норм и правил в области дорожного движения».

Проводя анализ мер, которые нам предлагают вышеуказанные авторы, то сотрудники Министерства Внутренних Дел признают то, что все-таки необходимо усиление ответственности юридических лиц в области ПДД, но все введенные меры выступают «точно».

На мой взгляд, пробелы и недочеты в нормативно-правовых актах все еще существуют, и нужно проводить реформирование по их уменьшению. Власти должны обратить внимание на мнение автомобилистов, пассажиров, а также пешеходов.

Подведем итоги по всему вышесказанному, что же представляет из себя административная ответственность? Это ответственность объектов правоотношений, то есть водителей транспортных средств, также иных участников дорожного движения. К иным участникам также надо обязательно отнести должных лиц, которые участвуют в обеспечении безопасности эксплуатации транспорта, непосредственно дорог [7].

Головки В. В. и Маслов К. В. считают, что «В качестве небольших изменений на законодательном уровне, можно было бы рассмотреть вариант отмены административного ареста, а также предложить вариант фиксированных размеров штрафов, за нарушения в области дорожного движения, и установить их назначение в зависимости от задекларированного годового дохода у виновного лица» [8].

На мой взгляд, любая деятельность требует контроля. И данная тема не является исключением. Органам на всех уровнях власти нужно обеспечить контакт с органами ГИБДД. Необходимо усилить контроль за выпуском автотранспорта руководителям данных организаций, учреждений, улучшить подготовку водителей, придумать целый комплекс мер по обеспечению безопасного движения и перевозки пассажиров.

Список источников

1. *Карпенко А. В.* Административная ответственность в области дорожного движения: проблемы, тренды, перспективы // Молодой ученый. 2020. № 10 (300). С. 37–39.

2. *Майоров В. И., Бекетов О. И.* Административная ответственность в сфере обеспечения безопасности дорожного движения: современные тенденции и перспективы // Сибирское юридическое обозрение. 2019. № 4. С. 563–567.

3. *Занина Т. М., Занин К. А.* Проблемы реализации административной ответственности в сфере безопасности дорожного движения // Вестник КРУ МВД России. 2018. №2 (40). С. 53–58.

4. *Хиль И. М., Лихачев Н. А.* Актуальные аспекты противодействия агрессивному вождению и дорожному хулиганству в Российской Федерации // Вестник КРУ МВД России. 2018. № 2 (40). С. 16–20.

5. *Смоляков А. И.* К вопросу о необходимости учета экономических факторов при установлении размера административных наказаний за совершение правонарушений в области дорожного движения // Сибирское юридическое обозрение. 2018. № 3. С. 351–355.

6. *Соболев О. В., Домченко А. С.* Ответственность за превышение средней скорости: способ обеспечения безопасности дорожного движения или нарушение прав водителей // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 2. С. 53–59.

7. *Денисенко В. В., Майоров В. И.* К вопросу о повышении административной ответственности за наиболее опасные нарушения правил дорожного движения // Общество и право. 2021. № 3 (77). С. 92–97.

8. *Головкин В. В., Маслов К. В.* Назначение административного наказания за административные правонарушения в области дорожного движения в виде административного ареста: проблемы и перспективы // Научный вестник Омской академии МВД России. 2018. № 2 (69). С. 75–80.

References

1. *Karpenko A. V.* Administrative responsibility in the field of traffic: problems, trends, prospects // Young scientist. 2020. № 10 (300). Pp. 37–39. (In Russ.).

2. *Mayorov V. I., Beketov O. I.* Administrative responsibility in the field of road safety: current trends and prospects // Siberian Legal Review. 2019. № 4. Pp. 563–567. (In Russ.).

3. *Zanina T. M., Zanin K. A.* Problems of implementation of administrative responsibility in the field of road safety // Bulletin of the KRU of

the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 2 (40). Pp. 53–58. (In Russ.).

4. *Khil I. M., Likhachev N. A.* Actual aspects of countering aggressive driving and road hooliganism in the Russian Federation // Bulletin of the KRU of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No 2 (40). Pp. 16–20. (In Russ.).

5. *Smolyakov A. I.* On the question of the need to take into account economic factors when determining the amount of administrative penalties for committing offenses in the field of traffic // Siberian Legal Review. 2018. № 3. Pp. 351–355. (In Russ.).

6. *Sobolev O. V., Domchenko A. S.* Responsibility for exceeding the average speed: a way to ensure road safety or violation of drivers' rights // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 2. Pp. 53–59. (In Russ.).

7. *Denisenko V. V., Mayorov V. I.* On the issue of increasing administrative responsibility for the most dangerous violations of traffic rules // Society and law. 2021. No 3 (77). Pp. 92–97. (In Russ.).

8. *Golovko V. V., Maslov K. V.* Appointment of administrative punishment for administrative offenses in the field of traffic in the form of administrative arrest: problems and prospects // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 2 (69). Pp. 75–80. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 26.10.2022; одобрена после рецензирования 09.11.2022; принята к публикации 09.11.2022.

The paper was submitted 26.10.2022; approved after reviewing 09.11.2022; accepted for publication 09.11.2022.

Научная статья

УДК 343.535.1

DOI: 10.47645/9785604917404_295

Актуальные проблемы включения цифровой валюты в конкурсную массу гражданина

Марина Викторовна Рязанова

Санкт-Петербургский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Санкт-Петербург, Россия, Marishka9886@mail.ru

Аннотация. Предметом исследования являются правовые нормы, касающиеся порядка формирования конкурсной массы в целом и включения в конкурсную массу цифровой валюты в частности. Исследование освещает вопросы допустимости включения в конкурсную массу цифровых валют, возможности их обнаружения в составе имущества должника и сложности их реализации в целях удовлетворения требований конкурсных кредиторов. Цель настоящей статьи заключается в определении степени регулирования существования цифровых валют применительно к положениям банкротного законодательства, а также поиска решений сложившихся правовых проблем в отношении рассматриваемого вопроса.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство), потребительское банкротство, конкурсная масса, формирование конкурсной массы, цифровая валюта, криптовалюта, цифровые активы.

Для цитирования: Рязанова М. В. Актуальные проблемы включения цифровой валюты в конкурсную массу гражданина // Актуальные проблемы национального и международного права: материалы V науч.-практ. конф. студентов магистратуры (Санкт-Петербург, 2 нояб. 2022 г.). СПб.: С.-Петерб. ин-т (фил.) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2022. С. 295–302. DOI: 10.47645/9785604917404_295.

Conference paper

Actual problems of including digital currency in the bankruptcy estate of a citizen

Marina V. Ryazanova

Saint Petersburg Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice, Saint-Petersburg, Russia, Marishka9886@mail.ru

© Рязанова М. В., 2022.

Abstract. The subject of the study is the legal norms concerning the procedure for the formation of the bankruptcy estate in general and the inclusion of digital currency in the bankruptcy estate in particular. The study highlights the issues of the admissibility of inclusion in the bankruptcy estate of digital currencies, the possibility of their detection as part of the debtor's property and the complexity of their implementation in order to meet the requirements of bankruptcy creditors. The purpose of this article is to determine the degree of regulation of the existence of digital currencies in relation to the provisions of bankruptcy legislation, as well as to find solutions to the existing legal problems in relation to the issue under consideration.

Keywords: insolvency (bankruptcy), bankruptcy of citizens, bankruptcy estate, formation of bankruptcy estate, digital currency, cryptocurrency, digital assets.

For citation: Ryazanova M. V. Actual problems of including digital currency in the bankruptcy estate of a citizen // Current issues of national and international law: proceedings of the 5th scientific and practical conference of master students (Saint Petersburg, November 2, 2022). Pp. 295–302. DOI: 10.47645/9785604917404_295.

Процедура потребительского банкротства представляет собой важный социально-экономический элемент современного общества, целью которого служит преодоление гражданином финансовой стагнации и включение его в структуру экономики государства, при соблюдении прав и законных интересов его кредиторов [1].

Понятие конкурсной массы несостоятельного должника является одной из основных категорий института несостоятельности — от её размера зависит возможность удовлетворения требований кредиторов, что является основной целью банкротства.

По смыслу положений статьи 213.25 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве) конкурсную массу несостоятельного физического лица представляет все имущество, имеющееся у него на дату принятия решения арбитражного суда о признании гражданина банкротом и введении реализации имущества гражданина и выявленное или приобретенное после даты принятия указанного решения, за исключением имущества, на которое не может быть обращено взыскание в соответствии с гражданским процессуальным законодательством.

В состав конкурсной массы несостоятельного лица включаются материальные и нематериальные объекты гражданских прав, которые по общему правилу могут отчуждаться и переходить от одного лица к другому.

Таковыми объектами гражданских прав выступают вещи (в том числе движимые и недвижимые, наличные деньги и документарные ценные бумаги) и имущественные права, включая безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права (статья 128, пункт 1 статьи 129 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ)).

Из указанного следует, что в состав конкурсной массы могут быть включены цифровые права, обладающие определенной материальной ценностью.

Цифровое право может удостоверить права на вещи, иное имущество, результаты работ, оказание услуг, исключительные права. Материализация данных имущественных прав осуществляется электронными средствами в информационной системе. Объектами цифровых прав не признаются неотчуждаемые и непередаваемые нематериальные блага [2].

Из указанного следует вывод о допустимости включения в конкурсную массу цифровой валюты, понятие которой законодатель привел в пункте 3 статьи 1 Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Закон о цифровых финансовых активах).

Данному вводу корреспондируют положения пункта 2 Закона о банкротстве, которые признают цифровую валюту имуществом.

Одним из примеров цифровой валюты выступают криптовалюты.

Отнесение криптовалюты к категории «имущество» в делах о банкротстве означает, что на криптовалюту распространяются соответствующие положения Закона о банкротстве об имуществе.

Такая валюта является элементом современных альтернативных платежных систем, поскольку ее главная функция сводится к способности служить средством платежа.

В настоящее время суды охотно признают цифровую валюту в качестве подлежащего включению в конкурсную массу имущества, о чем свидетельствует сложившаяся арбитражная судебная практика.

Так, определением от 22.06.2021 по делу № А81-599/2020 Арбитражный суд Ямало-Ненецкого автономного округ обязал должника передать арбитражному управляющему справки о наличии/отсутствии средств на электронных кошельках, криптовалютах, иных электронных финансовых активах, на счетах брокеров и в дилинговых центрах, наличных денежных средств.

Аналогично указанному определением от 30.05.2022, оставленного без изменения постановлением Девятого арбитражного апелля-

ционного суда от 27.07.2022 по делу № А40-240620/2021 Арбитражный суд города Москвы истребовал у должника сведения о наличии у гражданина облигаций, акций, ювелирных изделий, векселей, предметов искусства, других предметов роскоши, иного ценного имущества, криптовалюты и иной цифровой валюты, а также средства доступа к ней.

Иные судебные акты также подтверждают допустимость включения цифровых активов в конкурсную массу должника: постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 18.08.2021 по делу № А40-223010/2018; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 17.12.2020 по делу № А40-256047/2019; постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 04.09.2020 по делу № А55-32490/2018; постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 20.08.2020 по делу № А60-74807/2018; постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 03.06.2019 по делу № А60-47242/2018.

Несмотря на доктринальное усмотрение и установленную судебной практикой допустимость включения цифровой валюты в состав конкурсной массы, в настоящее время существует критически малый объем судебных споров касающихся указанного вопроса.

Незначительный объем споров касающихся истребования цифровой валюты вытекает из самой её сути, целью существования которой выступает полная анонимность держателя.

Из указанной следует и глобальная проблема таких активов — сложность, а зачастую и невозможность их обнаружения.

Данная проблема обусловлена отсутствием контроля со стороны государства за информационной системой, в которой созданы цифровые валюты, где совершаются их транзакции как объектов, имеющих определенную ценность.

В Российской Федерации отсутствуют специализированные правила, регламентирующие получение объективной информации о наличии у должника каких-либо цифровых валют [3]. Такой порядок не разработан и в практике.

Представляется, единственно возможным вариантом обнаружения арбитражным управляющим наличия у должника цифровых валют является детальное изучение банковских выписок несостоятельного лица, что, с учетом специфики ведения гражданином хозяйственной деятельности — ежедневные финансовые бытовые траты, представляется практически невозможным.

По мнению Кандыба М. и Ахонина Ю., решением подобной проблемы может послужить истребование арбитражным управляющим у несостоятельного лица детальной информации о наличии владении

(в текущий момент или в течение трех лет до банкротства) криптовалют, совершенных сделках, контрагентах и условиях сделок; самостоятельное детальное изучение банковских выписок с исследованием по ней каждой транзакции; направление запросов криптобиржам и криптоплатформам; привлечение специалистов по поиску криптоактивов и т. д. [4].

Вопреки указанному, по нашему мнению большинство из предложенных Кандыба М. и Ахониным Ю. методов поиска криптоактивов обречены на провал по банальной причине — полная анонимность держателя цифровой валюты. Из указанного следует, что лишь сам должник (при наличии у него криптокошелька), владеет информацией о его состоянии, соответственно, обнаружить такой кошелек можно лишь в случае совершения с него какие-либо транзакций на счет в банке гражданина и отражение такого перевода в выписке. Ни криптобиржа, ни специалист, в силу специфики криптоактивов, не имеют действенных инструментов по определению их в составе имущества гражданина.

В настоящее время включение криптовалюты в конкурсную массу предполагает, прежде всего, её раскрытие самим несостоятельным лицом, а также согласие должника на доступ к криптокошельку. В случае неполучения согласия должника доступ в информационную систему для арбитражного управляющего будет закрыт, а исполнение судебных актов о включении криптовалюты не достигается ввиду невозможности установления прав на криптовалюту [5].

Принудительное исполнение судебных актов об истребовании у должника цифровой валюты также будет фактически невозможным, ввиду отсутствия у судебных приставов действительных инструментов на его реализацию.

По нашему мнению, с ростом использования цифровых валют, ввиду отсутствия единого общероссийского регулятора, контролирующего оборот криптовалюты, такой пробел может стать одним из способов легализации (отмывания) доходов, полученных в ходе преступной деятельности, уклонением от исполнения своих обязательств перед контрагентами.

Полагаем, что в условиях повышения использования криптовалюты в рамках мирового товарного оборота, разработка эффективных правовых механизмов, регламентирующих данную сферу деятельности в Российской Федерации, является одной из насущных проблем, требующих скорейшего разрешения. Розыск криптовалюты должника и их реализация должны осуществляться эффективно, чтобы пробелы правового регулирования не могли быть использованы в целях сокрытия имущества в цифровой среде.

Помимо проблемы обнаружения соответствующих активов, после их включения в конкурсную массу встанет вопрос об их трансформации в фиатные деньги.

Как известно, оборот криптовалюты происходит на специальных площадках, созданных для этой цели.

К сожалению, до настоящего момента законодатель не определил особую процедуру реализации исследуемых цифровых активов в процедуре банкротства.

Положения части 7 статьи 14 Закона о цифровых финансовых активах устанавливают запрет на распространение информации о предложении и (или) приеме цифровой валюты в качестве встречного предоставления за передаваемые ими (им) товары, выполняемые ими (им) работы, оказываемые ими (им) услуги или иного способа, позволяющего предполагать оплату цифровой валютой товаров (работ, услуг).

Под распространением информации понимаются действия, направленные на получение информации неопределенным кругом лиц или передачу информации неопределенному кругу лиц (пункт 9 статьи 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»). В связи с этим индивидуальные предложения либо предложения, адресованные конкретным субъектам, не подпадают под указанный запрет.

С учетом соответствующих положений не представляется возможным реализация соответствующих криптоактивов и на торгах по банкротству, поскольку они являются публичными.

Кроме того, такой порядок не будет учитывать и особую специфику криптовалюты — её содержание на криптокошельке в рамках информационной системы.

Вопрос передачи криптоактивов в рамках процедуры банкротства является не изученным — до настоящего времени остается непонятным, даже в случае реализации лота на торгах, передаче должен подлежать криптоактив или данные криптокошелька, который принадлежит должник и, теоретически, может быть им использован и после завершения банкротных процедур.

Актуальным также является и вопрос цены реализации такого лота, ввиду волатильности актива, в связи с чем ординарный порядок реализации такого имущества в рассматриваемом случае будет не актуален.

Решения вышеуказанных вопросов, ввиду отсутствия требований судебной практики, законодатель не предусматривает, в то время как данный вопрос стал действительным пробелом.

По нашему мнению, единственным возможным решением рассматриваемого вопроса будет самостоятельный перевод арбитражным

управляющим цифровых финансов в валюту Российской Федерации на специализированных площадках, по примеру работы управляющего иностранными капиталами, хранящимися на счете должника в банке.

Иной подход в силу вышеуказанных причин является недопустимым и противоречащим нормам права.

Подводя итог следует указать, что для решения перечисленных выше практических сложностей необходимы соответствующие правовые и технические механизмы, чего сейчас не имеется.

Вместе с тем, установленный нами факт допустимости включения цифровой валюты в конкурсную массу свидетельствует о том, что хотя бы судебная практика исключает возможный вариант недобросовестного поведения должников, которые могут использовать трансформацию своих активов в криптовалюту, в целях исключить из конкурсной массы большую их часть.

Представляется, что более детальное регулирование криптовалют в целом (в особенности в части декларирования сделок с криптовалютами, учета криптовалюты) может помочь хотя бы частично разрешить обозначенные выше вопросы, с которыми сталкиваются арбитражные управляющие и кредиторы в делах о банкротстве, и способствовать обеспечению баланса интересов кредиторов в делах о банкротстве.

Список источников

1. Шаронов В. А. Особенности исключения из конкурсной массы имущества, необходимого для профессиональных занятий несостоятельного лица // Право и политика. 2021. № 4. С. 50–62.

2. Овчинников А. И., Фатхи В. И. Цифровые права как объекты гражданских прав // Философия права. 2019. № 3 (90). С. 104–112.

3. Трифонова К. А., Садков В. А. О необходимости включения цифровых финансовых активов в конкурсную массу гражданина-должника // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 2 (45). С. 44–51.

4. Кандыба М., Ахонина Ю. Оспаривание сделок должника с криптовалютами: регулирование и практика // Банковское обозрение. Приложение «FinLegal». 2022. № 1. С. 63–65.

5. Шишмарева Т. П. Криптовалюта в составе конкурсной массы несостоятельного должника // Вестник Университета имени О. Е. Куцафина (МГЮА). 2020. № 7. С. 40–42.

Reference

1. *Sharonov V. A.* Features of exclusion from the bankruptcy estate of property necessary for the professional occupations of an insolvent person // *Law and Politics*. 2021. No. 4. Pp. 50–62. (In Russ.).
2. *Ovchinnikov A. I., Fathi V.I.* Digital rights as objects of civil rights // *Philosophy of Law*. 2019. No. 3 (90). Pp. 104–112. (In Russ.).
3. *Trifonova K. A., Sadkov V. A.* On the need to include digital financial assets in the bankruptcy estate of a debtor citizen // *Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2018. No. 2 (45). Pp. 44–51. (In Russ.).
4. *Kandyba M., Akhonina Yu.* Challenging the debtor’s transactions with cryptocurrencies: regulation and practice // *Banking Review*. The “FinLegal” application. 2022. No. 1. Pp. 63–65. (In Russ.).
5. *Shishmareva T. P.* Cryptocurrency as part of the bankruptcy estate of an insolvent debtor // *Bulletin of the O. E. Kutafin University (MGUA)*. 2020. No. 7. Pp. 40–42. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 25.10.2022; одобрена после рецензирования 27.10.2022; принята к публикации 27.10.2022.

The paper was submitted 25.10.2022; approved after reviewing 27.10.2022; accepted for publication 27.10.2022.

Научная статья

УДК 347.4

DOI: 10.47645/9785604917404_303

Понятие и принципы исполнения договорных обязательств

Никита Павлович Слипченко

Санкт-Петербургский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Санкт-Петербург, Россия, keldalas@yandex.ru

Аннотация. В статье автор рассматривает понятие и принципы исполнения договорных обязательств. Особое внимание уделяется анализу практики правоприменения, которая отражает применение принципов исполнения договорных обязательств.

Ключевые слова: договор, исполнение, обязательства, принципы, требования.

Для цитирования: Слипченко Н. П. Понятие и принципы исполнения договорных обязательств // Актуальные проблемы национального и международного права: материалы V науч.-практ. конф. студентов магистратуры (Санкт-Петербург, 2 нояб. 2022 г.). СПб.: С.-Петерб. ин-т (фил.) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2022. С. 303–307. DOI: 10.47645/9785604917404_303.

Conference paper

The concept and principles of fulfillment of contractual obligations

Nikita P. Slipchenko

Saint Petersburg Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice, Saint Petersburg, Russia, keldalas@yandex.ru

Abstract. In the article the author considers the concept and principles of fulfillment of contractual obligations. Particular attention is paid to the analysis of law enforcement practice, which reflects the application of the principles of fulfillment of contractual obligations.

Key words: contract, execution, obligations, principles, requirements.

For citation: Pavlovich N. S. The concept and principles of fulfillment of contractual obligations // Current issues of national and international

law: proceedings of the 5th scientific and practical conference of master students (Saint Petersburg, November 2, 2022). Pp. 303–307. DOI: 10.47645/9785604917404_303.

Договорные обязательства не являются новым институтом для отечественного гражданского права. Однако определение и реализация принципов исполнения договорных обязательств имеет определенную проблематику на практике. При этом систематически законодателем вносятся в правовые положения в данной сфере дополнения и изменения с учетом меняющихся реалий. В рамках настоящего исследования следует акцентировать внимание на современном понятии и принципах исполнения договорных обязательств.

Действующее гражданское законодательство предусматривает два принципа исполнения обязательств: принцип надлежащего исполнения и принцип реального исполнения [1, с. 27].

Первоначально термин «обязательство» происходит от латинского слова «obligatio», которое предполагает привязанность. Обязательства изначально не были частью римского права, система правоотношений была сформирована в результате «разрыва» в системе, когда одна из сторон правоотношения осуществила неправомерное действие в отношении другого лица. Возникновение подобной ситуации обычно разрешалось на основании норм обычного закона. В конечном счете это привело к тому, что с виновного лица стала взиматься компенсация, а государство стандартизировало суммы за совершенные нарушения закона, установив четкие санкции за нарушение того или иного обязательства. Таким образом, ранняя форма обязательств, взявшая истоки еще в римском праве, получила название деликтных обязательств [2, с. 215].

Однако выплата денежной компенсации была лишь средством избежать наказания. Так, например, если у должника или его родственников не было средств для оплаты компенсации, к данным правоотношениям должны быть применены старые правила, то есть указанные в таблице 3 Законов XII таблиц. Но данные правила казались «суровыми», поскольку не были разработаны правовые средства защиты должника от возможных злоупотреблений со стороны кредитора.

Обязательственные отношения на уровне закона в первую очередь связаны с наступлением юридических фактов, которые являются соответственно основанием для возникновения обязательства. Классическое гражданское право при этом отмечает, что юридическим фактом является определенный факт окружающей действительности, который может стать основанием для возникновения, изменения или прекращения того или иного правоотношения.

Нормы ГК РФ свидетельствуют о том, что основанием для возникновения обстоятельства можно считать наличие заключенного между сторонами договора или иной сделки (например, обязательства, связанного с возмещением причиненного вреда). Кроме того, правоотношение может возникнуть также и в случае неосновательного обогащения.

Следует отметить, что исполнение договорных обязательств основывается на определенных принципах [3, с. 133].

Принцип надлежащего исполнения обязательств является важнейшим из принципов исполнения обязательств. Согласно данному принципу, обязательство должно быть исполнено в надлежащее время, в надлежащем месте, надлежащими субъектами, надлежащим способом и надлежащим предметом [4, с. 1525].

При этом нельзя не отметить и иные принципы, которые характерны в целом для договорных обязательств [5, с. 155]. Например, свобода договора, добросовестность сторон, юридическое равенство, встречность исполнения обязательств, принцип недопустимости одностороннего отказа от исполнения договора и т.д. Многие из этих принципов указываются и судами при разрешении споров, вытекающих из исполнения договорных обязательств.

Например, в суд было заявлено требование о взыскании задолженности по договору об осуществлении технологического присоединения к электрическим сетям, неустойки. Из материалов дела следует, что сетевая организация ссылается на то, что оказанные ею услуги по технологическому присоединению к электрическим сетям заказчиком оплачены лишь частично.

В удовлетворении требования было отказано, поскольку начисление неустойки на общую сумму договора без учета надлежащего исполнения части обязательств по оплате услуг противоречит принципу юридического равенства (Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 14.10.2020 № Ф02-4439/2020 по делу № А78-1366/2020).

В другом примере были заявлены требования о взыскании переплаты по договору на оказание услуг по вывозу и утилизации отходов IV–V классов опасности. Из материалов дела следует, что уполномоченный орган по государственному регулированию цен и тарифов уменьшил тарифы на захоронение твердых коммунальных отходов на полигоне в 7 раз. Заказчик сослался на то, что начисление платы за названную услугу исполнителем производилось по ранее действующему тарифу.

В удовлетворении требования было отказано, поскольку договор не содержит регулируемых тарифов, на его условия распространяют-

ся принципы свободы договора и недопустимости одностороннего отказа от исполнения обязательства (Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 14.07.2020 № Ф04-2472/2020 по делу № А03-4819/2019).

В еще одном примере было заявлено требование о взыскании неустойки по государственному контракту. Заказчик ссылается на то, что обязательства по поставке товара исполнены поставщиком с нарушением установленных сроков.

В результате требование было судом удовлетворено частично, поскольку заказчик, просрочивший исполнение обязательств по согласованию улучшенных характеристик товара, не вправе требовать неустойку от поставщика за несвоевременное исполнение последним своих обязательств, исходя из принципов добросовестности и справедливости, на такой же срок (Постановление Арбитражного суда Московского округа от 10.06.2022 № Ф05-12211/2022 по делу № А40-243923/2021).

Из анализа практики правоприменения мы можем заметить, что указанные нами принципы имеют определяющее значение для исполнения договорных обязательств. При этом они имеют определенную специфику в практической реализации. Именно принципами права, в представленных примерах, суд руководствуется при разрешении споров.

Таким образом, нами были рассмотрены понятие и принципы исполнения договорных обязательств. В качестве принципов исполнения обязательства необходимо рассматривать следующие: принцип надлежащего исполнения обязательства, принцип реального исполнения обязательства, принцип недопустимости одностороннего отказа от исполнения обязательства и принцип добросовестности. При этом в рамках проанализированной судебной практики судами указываются и иные принципы (например, принцип юридического равенства, встречность исполнения обязательств и т. д.).

Список источников

1. *Ботаев А. Б.* Принцип надлежащего исполнения // Юриспруденция, государство и право: актуальные вопросы и современные аспекты. Пенза: Наука и Просвещение, 2022. С. 27–29.
2. *Витрянский В. В.* Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М.: Статут, 2017. 431 с.
3. *Громацкий Б. Н.* Принципы исполнения обязательств // Закон. Право. Государство. 2020. № 1. С. 133–138.
4. *Дудинова А. В.* Принципы исполнения обязательства // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 45. С. 1523–1529.

5. *Сенотрусова Е. М.* О понятии и соотношении принципов надлежащего и реального исполнения гражданско-правовых обязательств // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2022. Т. 6. № 2. С. 154–162.

References

1. *Botaev A. B.* The principle of due execution // Jurisprudence, state and law: topical issues and modern aspects. Penza: Science and Education, 2022. P. 27–29. (In Russ.).

2. *Vitryansky V. V* Reform of the Russian civil legislation: intermediate results. М. : Statute, 2017. 431 p. (In Russ.).

3. *Gromatsky B. N.* Principles of fulfillment of obligations // Law. Right. State. 2020. No. 1. P. 133–138. (In Russ.).

4. *Dudinova A. V.* Principles for the fulfillment of an obligation // Innovations. The science. Education. 2021. No. 45. P. 1523–1529. (In Russ.).

5. *Senotrusova E. M.* On the concept and correlation of the principles of proper and real execution of civil obligations // Bulletin of the Kemerovo State University. Series: Humanities and social sciences. 2022. V. 6. No. 2. P. 154–162. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 27.10.2022; одобрена после рецензирования 27.10.2022; принята к публикации 27.10.2022.

The paper was submitted 27.10.2022; approved after reviewing 27.10.2022; accepted for publication 27.10.2022.

**Актуальные проблемы
национального и международного права**

*Материалы V научно-теоретической конференции
студентов магистратуры*

Санкт-Петербург, 2 ноября 2022 г.

Верстка: *Е. А. Руднева*

Подписано в печать 05.12.2022. Формат 60×84/16. Печ. л. 19,25. Тираж 50 экз.
Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России).
199178, Санкт-Петербург, 10-я линия В.О., д. 19, лит. А.

Отпечатано в редакционно-издательском отделе
Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России).